

Н. Т. Идрисов

**ПРАВИЛА
КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ПОНЯТИЕ, ВИДЫ,
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Монография

Самара
«Издательство АСГАРД»
2015

УДК 343
ББК 67.408
И29

Рецензенты:

Т. В. Кленова – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет», доктор юридических наук, профессор;

В. П. Коняхин – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Идрисов Н. Т.

И29 Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования : монография. Самара : ООО «Издательство АСГАРД», 2015. 208 с.

ISBN 978-5-9905782-3-4

В монографии исследованы проблемы уголовно-правовой оценки деяний в соответствии с действующим законодательством. Представлено понятие «квалификации преступлений», определена правовая природа правил квалификации преступлений.

Рассмотрены виды уголовно-правовой оценки содеянного, автором даны рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

Книга предназначена для студентов, магистрантов и аспирантов юридических факультетов и вузов, а также для преподавателей, научных работников, сотрудников правоохранительных органов, судей, адвокатов и всех, кто интересуется проблемами теории и практики уголовного права.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-9905782-3-4

© Идрисов Н. Т., 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Понятие и значение квалификации преступлений	8
1.1. Понятие квалификации преступлений.	8
1.2. Социальное и правовое значение квалификации преступлений	39
Глава 2. Понятие и виды правил квалификации преступлений	66
2.1. Сущностная характеристика правил квалификации преступлений	66
2.2. Классификация правил квалификации преступлений	73
2.3. Содержательная характеристика правил квалификации преступлений разных видов	100
Глава 3. Правила квалификации преступлений в механизме правового регулирования.	120
3.1. Роль закона в регламентации процесса квалификации преступлений	120
3.2. Правоприменительная деятельность как источник правил квалификации преступлений. Судейское усмотрение и квалификация преступлений.	138
3.3. Проблема систематизации правил квалификации преступлений.	171
3.4. Технические средства и приемы определения правил квалификации преступлений	184
Список использованной литературы	195

ВВЕДЕНИЕ

4

Необходимым условием нормального функционирования правовой системы является соблюдение принципа законности. Содержание принципа законности в уголовном праве не ограничивается указанием на верховенство и публичность закона. Идея законности предполагает определение преступности деяния, наказания за него, а также других мер уголовно-правового характера только в соответствии с законом. Это требование распространяется и на законодательную, и на правоприменительную деятельность. Задача установления свойства противоправности не смоделированного, а реального поведения человека решается при квалификации преступлений. Режим законности в уголовном праве связан с привлечением виновного в совершении преступления к уголовной ответственности, а равно исключением любых мер уголовно-правового характера по отношению к невинному лицу.

Ориентир на идею законности при уголовно-правовой оценке поведения индивида предполагает соблюдение и других принципов уголовного права, прежде всего, принципов равенства граждан, вины и справедливости. Реализация названных принципов при квалификации преступлений обеспечивается использованием конструкции состава преступления. Исходя из ст. 54 Конституции Российской Федерации, а также ст. 8 Уголовного

кодекса Российской Федерации¹, уголовной ответственности подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом. В соответствии с принципом равенства, если обстоятельства деянного тождественны составу преступления, все лица независимо от принадлежности к какой-либо социальной группе подлежат уголовной ответственности. Исходя из принципа вины при обосновании уголовной ответственности должны быть установлены умысел или неосторожность, предусмотренные в составе преступления. Идея справедливости при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера связана с учетом сначала характеристик преступления и после этого – данных о личности виновного. Справедливость уголовно-правовой оценки поведения людей, привлекаемых к уголовной ответственности, показывает населению действенность уголовного закона, а также всего института публичного порицания.

Правильная, т. е. соответствующая принципам уголовного права, квалификация преступления обеспечивает точное и полное применение комплекса норм уголовного и уголовно-процессуального законов. Именно квалификация преступления, сопряженная с применением запрещающих уголовно-правовых норм, обуславливает возможность или невозможность применения иных уголовно-правовых норм. В зависимости от квалификации преступления решаются вопросы о наказании, об освобождении от уголовной ответственности и наказания, условно-досрочном освобождении, расчете сроков судимости, амнистии. Квалификация преступлений важна для возбуждения уголовного дела, определения предмета доказывания, обеспечения прав обвиняемого и применения других уголовно-процессуальных норм.

¹ Далее – УК РФ, если не предусмотрено иное.

Правоприменение – это не только процесс претворения в жизнь правовых принципов и норм, с учетом результатов которого судят об эффективности действующего законодательства. Правоприменительная практика – это база для законодательной деятельности. В настоящее время в законодательном процессе в сфере уголовного права недооценивается значение эмпирического материала. Научные исследователи признают практическую несостоятельность многих законодательных решений. Только основываясь на обобщении практики применения уголовного закона, законодательные органы могут правильно определить основные направления совершенствования правового материала, сформулировать конкретные изменения и дополнения УК РФ. Распространенность конкретных видов ошибочного применения статей УК РФ при квалификации преступлений является поводом для рекомендаций о совершенствовании соответствующих статей кодекса.

6

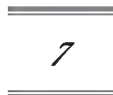
Судебно-следственная практика показывает, что проблема правильной квалификации преступлений остается весьма актуальной. Так, проведенный анализ 70 уголовных дел, рассмотренных в 2014 г. федеральными судами общей юрисдикции городского округа Самара, решения по которым были предметом пересмотра в кассационной инстанции, показал, что в 54 % случаев основанием отмены или изменения приговора послужила неправильная квалификация преступлений.

Несмотря на признание большого социально-правового значения квалификации преступлений, а также научную обоснованность вывода о том, что квалификация преступлений как форма правоприменения подчинена внутренним законам и правилам, проблема правового регулирования правил квалификации преступлений остается нерешенной. В Российской Федерации нет актов систематизации предписаний, регламентирующих квали-

фикацию преступления, с определением последовательности ее этапов, правил квалификации отдельных видов преступной деятельности, оформления вывода о квалификации преступления, изменения этого вывода. В настоящее время правила квалификации преступлений имеют множество источников. Это Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации², постановления Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, правоприменительные акты того же суда, специальная научная литература.

Наиболее значительную роль в определении правил квалификации преступлений выполняет Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Вопрос о статусе разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в настоящее время официально не разрешен. Анализ 440 уголовных дел, рассмотренных судами Самарской области и Республики Татарстан в 2012–2015 гг., показал, что лишь в трех приговорах при обосновании квалификации преступлений судьи прямо ссылались на постановления Пленума Верховного Суда РФ. Вместе с тем, по словам 62 % от общего числа опрошенных судей (был проведен анкетный опрос 49 судей), при квалификации тех или иных деяний судьи руководствуются постановлениями Пленума Верховного Суда РФ.

² Далее – УПК РФ.

ГЛАВА 1

Понятие и значение квалификации преступлений

1.1. Понятие квалификации преступлений

8

Об эффективности уголовно-правовых норм обычно судят по результатам их реализации. Уголовно-правовые нормы применяются при решении разных задач, основными из них являются квалификация преступлений и наказание виновных. По критерию значимости приоритетной признается задача квалификации преступлений. Именно квалификация преступления, т. е. признание того или иного акта поведения индивида преступлением, определяет большинство уголовно-правовых последствий. В зависимости от квалификации преступления подлежат применению не только предписания о наказании, но и нормы об освобождении от уголовной ответственности и наказания, условно-досрочном освобождении, расчете сроков судимости, амнистии.

Квалификация (от лат. *qualis* – «какого качества» + *facere* – «делать») означает подготовленность человека делать вещи определенного качества. В качестве производного термин «квалифицировать» также употребляется для определения качества

вещи, для выявления ее свойств сходства и различия с другой, уже изученной однотипной вещью, т. е. для оценки, познания первой через вторую, выступающую образцом. При этом вырабатываются стандарты, эталоны, которые своим содержанием являются мерой для квалификации тех или иных явлений, процессов.

В социальном аспекте квалифицировать – это значит дать оценку какому-нибудь явлению, процессу, познать его существенные черты через соотнесение с другим явлением, социальная значимость которого уже выявлена³.

В значении процесса соотнесения одного явления с другим понятие «квалификация» употребляется и в юриспруденции. Под квалификацией преступления в юридической литературе обычно понимается определение деяния конкретного лица преступлением путем установления соответствия или тождества признаков совершенного общественно опасного деяния признакам предусмотренного уголовным законом состава преступления.

При этом различаются два значения понятия «квалификация преступления»:

1) как процесс, деятельность по установлению в деянии лица признаков того или иного преступления;

2) как результат этого процесса (деятельности) – соответствующим образом закрепленная уголовно-правовая оценка деяния⁴.

³ **Наумов, А. В.** Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М. : Юридическая литература, 1978. – С. 10.

⁴ См., например: **Кудрявцев, В. Н.** Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юристъ, 1999. – С. 5.; **Куринов, Б. А.** Научные основы квалификации преступлений / Б. А. Куринов. – М., 1984. – С. 7.

«Специфика применения норм уголовного права при квалификации преступлений, – писал О. Ф. Шишов, – выражается в том, чтобы в конкретном жизненном факте обнаружить наиболее типичные признаки, которые определяют сущность данного явления, и, сопоставив их с признаками, указанными в той или иной статье Уголовного кодекса, прийти к выводу, что именно такой случай имел в виду законодатель, устанавливая конкретный уголовно-правовой запрет (...). Уголовно-правовая квалификация осуществляется на основе дедуктивного силлогизма путем выбора необходимой нормы уголовного закона»⁵.

Понятие квалификации преступлений занимает в уголовном праве специфическое положение. С одной стороны, научные исследователи признают, что это «одно из важнейших понятий науки уголовного права, широко применяемое в практической деятельности органов юстиции»⁶.

10

С другой стороны, словосочетание «квалификация преступлений» в уголовном законодательстве не встречается, т. е. законодатель не считает необходимым применять это понятие при уголовно-правовом регулировании деятельности органов юстиции. При определении правил квалификации законодатель предпочитает использовать термин «ответственность». Например, согласно ч. 3 ст. 34 УК РФ, уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 настоящего кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись исполнителями преступления.

⁵ **Шишов, О. Ф.** Теоретические проблемы квалификации преступлений / О. Ф. Шишов. – М. : ВЮЗШ МВД СССР, 1988. – С. 6.

⁶ См., например: **Кудрявцев, В. Н.** Указ. соч. – С. 4.

Поскольку в ч. 3 ст. 34 УК РФ речь идет не об уголовной ответственности в полном объеме, а только о той ее части, которая связана с квалификацией преступления, целесообразно изложить ее в следующей редакции: «действия (бездействия) организатора, подстрекателя и пособника квалифицируются со ссылкой на статью Особенной части, определяющей вид совершенного преступления, и статью 33 настоящего кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись исполнителями преступления».

На наш взгляд, недостатком действующего уголовного закона является отсутствие в нем понятия квалификации преступлений. Одной из причин неприменения в Уголовном кодексе РФ этого термина, возможно, является его неоднозначное понимание научными исследователями.

Анализ юридической литературы позволил установить наличие разнообразных подходов к пониманию сущности квалификации преступлений и формулировке соответствующего понятия.

Первый подход, характеризующийся оценкой лишь одного аспекта квалификации – установления соответствия или тождества между признаками деяния и признаками состава преступления, представлен, например, А. А. Герцензоном⁷, А. Н. Трайниным⁸, И. И. Гореликом⁹.

⁷ **Герцензон, А. А.** Квалификация преступления / А. А. Герцензон. – М., 1947. – С. 4–5.

⁸ **Трайнин, А. Н.** Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М., 1957. – С. 6–8.

⁹ Уголовное право Белорусской ССР. Часть Особенная. – Минск, 1971. – С. 6.

При принципиальном сходстве позиций сторонники названного подхода не пришли к согласию в части применения понятия «соответствия» в определении квалификации преступления. В точных и естественных науках – математике, физике, химии, биологии – соответствие понимается как отношение, выражающее функциональную связь состояний, сторон, объектов. Соответствие трактуется как выражение функциональной связи и в философии¹⁰. Таким образом, функциональная характеристика понятия «соответствие» повторяется в различных отраслях знаний.

Понятие соответствия в значении функциональной связи не может быть применимо к квалификации преступления, об этом писали А. В. Наумов и А. С. Новиченко: «Функциональная связь между признаками конкретного деяния и признаками соответствующего состава преступления, предусмотренного определенной уголовно-правовой нормой, не может дать вывод о наличии в том или ином деянии соответствующего состава преступления, так как при таком соответствии это могут быть разные признаки состава»¹¹.

Не совсем правильно говорить о соответствии деяния «тому или иному составу» преступления. Речь идет о конкретном деянии, установить его соответствие можно только в отношении конкретного состава преступления.

Также представляется неудачным словосочетание «установление соответствия», поскольку соответствие имеет степени. Может быть не только полное, но и неполное соответствие. Есте-

¹⁰ См., например: **Мещеряков, В. Т.** Соответствие как отношение и принцип / В. Т. Мещеряков. – М. : Наука, 1975.

¹¹ **Наумов, А. В.** Указ. соч. – С. 12.

ственно, нас интересует первое, для обозначения которого существует термин «тождество».

В словарях тождество определяется как понятие, выражающее предельный случай равенства объектов, когда не только все родовидовые, но и все индивидуальные их свойства совпадают¹².

Так, И. И. Горелик рассматривал квалификацию как установление тождества между признаками совершенного преступного деяния и признаками, образующими конкретный состав преступления, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК¹³.

Аналогичной точки зрения придерживается Г. В. Верина, которая указывает, что «квалифицировать преступление – значит дать ему правовую оценку и определить соответствующую статью УК РФ, а следовательно, установить тождество между конкретным актом человеческого поведения и законодательной конструкцией»¹⁴.

В традиционной формальной логике принцип тождества («А есть А») имеет двоякое значение: во-первых, онтологическое (тождественность себе предметов и ситуаций, о которых идет речь, как условие логического рассуждения); во-вторых, логическое (необходимость сохранения в процессе рассуждения постоянства значения понятий)¹⁵.

¹² См., например: Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – С. 658.

¹³ Уголовное право Белорусской ССР. Часть Особенная. – Минск, 1971. – С. 6.

¹⁴ **Верина, Г. В.** Некоторые аспекты квалификации преступлений: проблемы теории и практики / Г. В. Верина // Известия высших учебных заведений // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 165.

¹⁵ Там же. – С. 166.

Применимо ли такое абстрактное тождество к сравнению определенной совокупности признаков уголовно-правовой нормы (состава преступления как части содержания нормы) и соответствующего общественно опасного деяния? В онтологическом аспекте, разумеется, нет. Норма права – это структурная характеристика права, преступное поведение – это внешнее проявление воли виновного, акт реального поведения человека.

Несмотря на их различие, эти разнородные явления отождествляются, т. е. акт поведения человека соотносится с признаками, указанными в норме права. Разные по природе, эти явления при квалификации преступления логически отождествляются.

В юридической литературе вариант определения квалификации преступления, представленный А. А. Герцензоном, А. Н. Трайниным, И. И. Гореликом, стал объектом критики, но не в связи с сомнениями по поводу используемых терминов, а ввиду ограниченности в отражении этапов квалификации преступлений.

Альтернативный подход к определению квалификации преступления представлен в трудах Б. А. Куринова¹⁶, Г. М. Миньковского¹⁷ и некоторых других авторов. Они выделяют два смысловых значения понятия «квалификация преступлений»:

1) это процесс мыслительной деятельности (логический процесс, по выражению Б. А. Куринова¹⁸) при осуществлении до-

¹⁶ **Куринов, Б. А.** Научные основы квалификации преступлений / Б. А. Куринов. – М., 1984.

¹⁷ **Миньковский, Г. М.** Уголовное право России / Г. М. Миньковский, А. А. Магомедов, В. П. Ревин. – М., 1998.

¹⁸ **Куринов, Б. А.** Указ. соч. – С. 7.

знания, предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовного дела;

2) это результат, выражающийся в точном установлении признаков совершенного деяния и его описания в конкретной норме Особенной части УК РФ (собственно квалификация как правовая оценка).

«Как процесс мыслительной деятельности, – писал Г. М. Миньковский, – квалификация выражается в выявлении и оценке доказательств по уголовному делу, анализе иной информации (не являющейся доказательством), позволяющей судить о соответствии или тождестве деяния и признаков состава преступления»¹⁹.

Аналогичную позицию занимал И. И. Гальперин. Он также выделял процессуальную составляющую в понятии квалификации преступлений: «Во-первых, квалификация определяет предмет и пределы доказывания, которые обусловлены составом преступления. Во-вторых, она неразрывно связана с решением ряда коренных вопросов применения уголовно-процессуальных норм, обеспечения прав и законных интересов граждан»²⁰.

Вариант определения квалификации преступлений, предложенный Б. А. Куриновым, Г. М. Миньковским и И. М. Гальпериным, тоже стал предметом критики из-за завуалированности уголовно-правовой природы этой категории.

Наиболее распространенным на сегодняшний день является определение квалификации преступлений, данное В. Н. Кудряв-

¹⁹ Миньковский, Г. М. Указ. соч. – С. 171.

²⁰ Гальперин, И. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / И. Гальперин // Социалистическая законность. – 1987. – № 3. – С. 36.

цевым. Его называют классическим определением квалификации преступлений²¹. По мнению В. Н. Кудрявцева, квалификация представляет собой установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой²².

В рамках данного подхода объединяются уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты квалификации преступлений, акцентируется внимание на формализации квалификационного решения путем его фиксирования в процессуальном акте, но в первую очередь квалификация преступления определяется одним из этапов применения нормы уголовного права.

Не возражая против приведенного определения в принципе, ряд авторов отмечают некоторую его «зауженность», поскольку в этом определении абсолютизируется юридический аспект квалификации официальной (легальной), осуществляемой лицами и органами, обладающими специальными полномочиями.

Так, о многозначности значения квалификации преступлений научным исследователям напоминал П. Ф. Гришанин. Автор выделял следующие аспекты содержания квалификации:

- 1) социальная оценка совершенного лицом общественно опасного деяния как преступного;
- 2) юридическая оценка преступления, т. е. определение нормы Особенной части УК, предусматривающей совершенное лицом преступление;
- 3) процессуальное закрепление социальной и юридических оценок деяния в соответствующих процессуальных актах;

²¹ См., например: Уголовное право России : в 2 т. – М., 1998. – Т. 1 : Общая часть. – С. 326.

²² **Кудрявцев, В. Н.** Указ. соч. – С. 5.

4) квалификация преступлений как познание социально-правовой оценки общественно опасных деяний уголовным законом;

5) квалификация преступлений как отношение должностных лиц правоохранительных органов к своему служебному долгу²³.

Данный подход богат познавательными возможностями. Автор обращается к инструменту дедуктивного умозаключения – силлогизму. «С точки зрения логики, – писал П. Ф. Гришанин, – квалификация преступления есть дедуктивное умозаключение в форме того или иного силлогизма, в котором роль большой посылки выполняют признаки состава преступления, а роль малой посылки – признаки квалифицируемого преступления»²⁴.

Также П. Ф. Гришанин указал, что «квалификация преступлений как деятельность работников органов дознания, следствия и суда представляет собой, с одной стороны, познание ими содержащейся в законе социально-правовой оценки квалифицируемых деяний, а с другой стороны, – и это, пожалуй, главное – выражает их отношение к своему государственному служебному долгу»²⁵.

По нашему мнению, данная точка зрения позволяет расширить «горизонты» квалификации, поскольку представляет изучаемое явление как многогранное. Автор выделил информационно-познавательный аспект как ключ к пониманию сложного

²³ **Гришанин, П. Ф.** Пути укрепления законности в практике квалификации преступлений / П. Ф. Гришанин // Советское государство и право. – 1985. – № 1. – С. 51–53.

²⁴ Там же. – С. 52.

²⁵ Там же. – С. 53.

логического процесса, каковым является квалификация преступлений.

Заслуживает внимания подход, представленный в трудах А. В. Наумова и А. С. Новиченко²⁶. Авторы также опираются на познавательный аспект квалификации, методологическое обеспечение ее логическими приемами. А. В. Наумов и А. С. Новиченко выделяют такие содержательные аспекты квалификации преступлений, как:

1) квалификация как правовое познание. В этом ключе авторы указывают, что «правовое познание в целом, как и любое другое социальное познание, не может не быть оценочным. Специфика правового познавательного акта состоит лишь в большей выраженности роли оценок. И поскольку процесс познания есть степень любой практической деятельности, ее условие и свойство, постольку правоприменение как форма реализации правовых норм, как форма воздействия на общественные отношения, их регулирование смыкается с познавательным процессом (...). Применение оценок, правовых норм в процессе квалификации обуславливает ее оценочно-познавательный характер»²⁷;

2) квалификация как индуктивно-дедуктивный процесс, т. е. установление нормы, содержащей формулирование большей посылки, фиксация родового состава преступления;

3) выведение тождества установленных фактических обстоятельств определенной уголовно-правовой норме по логической форме дедуктивного силлогизма. Авторы отмечают, что «при квалификации преступления сопоставляются предметы

²⁶ См.: **Наумов, А. В.** Указ. соч.

²⁷ Там же. – С. 88.

(понятия) различного порядка (с одной стороны – правовая норма, с другой – преступное деяние). Несмотря на их различие, мы отождествляем эти разнородные явления. Это отождествление выступает в качестве отождествления общего и отдельного»²⁸.

Рассмотрев сущностные характеристики исследуемого явления, А. В. Наумов и А. С. Новиченко предложили следующее определение: «Квалификация преступления состоит в уголовно-правовой оценке действия, которая представляет собой познавательный образ объективно существующего общественно опасного и противоправного деяния. Оценка – мыслительный образ, его содержание составляет совокупность предусмотренных законом признаков совершенного преступления. Квалификацией выявляется преступная сущность общественно опасного деяния»²⁹.

А. В. Наумов и А. С. Новиченко верно связывают квалификацию с установлением тождества общественно опасного деяния и его законодательного определения. Эти авторы правильно указывают на необходимость хорошо представлять себе цели отождествления, а также критерии и признаки отождествления, поскольку «увлечение безграничным (по объему и содержанию) отождествлением правовых понятий может привести к принципиальным ошибкам в квалификации преступлений»³⁰.

По нашему мнению, положительно характеризуется и различие авторами аспектов квалификации преступлений (онто-

²⁸ **Наумов, А. В.** Указ. соч. – С. 15.

²⁹ Там же. – С. 17.

³⁰ Там же. – С. 18.

логического, гносеологического и логического)³¹. Такой подход к определению сущности квалификации преступлений позволял бы тщательно проанализировать каждый из ее компонентов.

В юридической литературе встречаются и иные точки зрения на сущность и содержание квалификации, претендующие на пересмотр традиционного понимания искомого понятия, на радикальное изменение подходов к пониманию квалификации как интеллектуальной деятельности. Например, Г. П. Новоселов пишет: «Увязывая суть квалификации с определением соответствия (тождества) чего-либо с чем-либо, все подходы предполагают наличие признаков содеянного и уголовно-правовой нормы, содержащей признаки состава преступления, с которыми производится сопоставление. Становится очевидной необходимость уточнения основной цели квалификации: смещения акцента с установления тождества на установление правовой нормы, подлежащей применению в конкретном случае»³². Г. П. Новоселов, обратив внимание на важность нахождения конкретной статьи (или статей) уголовного закона, предлагает следующую дефиницию: «квалификация преступления – это определение конкретной статьи УК (в необходимых случаях – статей УК, их части, пункта), которую с позиций действующего уголовного законодательства следует применить при решении вопросов преступности и наказуемости данного деяния»³³.

Однако данная точка зрения вызвала критическое отношение. Так, И. П. Пыленко отмечает: «Предлагаемый вариант ре-

³¹ **Наумов, А. В.** Указ. соч. – С. 19.

³² Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. Я. Казаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. – М., 1998. – С. 19.

³³ Там же. – С. 20.

шения проблемы несет методологическую ошибку. Представляется, что здесь нарушен сам механизм отражения объективной действительности в субъективном восприятии (сознании) правоприменителя, нарушена объективная логика процесса познания объективной действительности. Правоприменитель не может приблизиться к определенной конкретной статье (группе статей) в конкретном деянии, минуя такие этапы мыслительной деятельности, как познание признаков реального преступления и отождествление их с признаками абстрактной теоретической модели»³⁴.

Действительно, поиск уголовно-правовой нормы – атрибутивная для квалификации преступлений задача, но она не отражает сущности квалификации преступлений. Кроме того, по содержательной характеристике зауживает дефиницию указание на определение соответствующей статьи (статей) с позиций действующего законодательства. Это становится ясно, если вспомнить о явлении, именуемом «переживание закона», когда возможна квалификация преступлений со ссылкой на утративший силу уголовный закон, действовавший во время совершения преступления.

«Предлагаемая Г. П. Новоселовым позиция, – заключает И. П. Пыленко, – не несет элементов научной новизны, поскольку подменяются лишь две стороны одной и той же «медали» – установление тождества реального преступления с признаками нормы УК и выбор статьи УК»³⁵.

³⁴ **Пыленко, И. П.** Этапы квалификации преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защищена 2000 / Пыленко Игорь Павлович. – Ростов н/Д, 2000. – С. 25.

³⁵ Там же. – С. 25.

Известна также позиция авторов, указывающих, что следует говорить не о квалификации преступлений, а о квалификации уголовно-правовых деяний³⁶, что необходимо различать позитивную (установление в деянии состава преступления) и негативную (отсутствие в деянии состава преступления) квалификации³⁷.

Позитивная квалификация преступления – это квалификация, в результате которой установлено, что деяние лица содержит состав преступления. Квалификация является негативной, если не установлено тождество фактических признаков совершенного деяния и признаков состава преступления³⁸.

Квалификация преступления – один из видов юридической квалификации. В связи с отражением этого положения интересной является точка зрения Ф. Г. Бурчака. По словам этого автора, «квалификация преступления как правовая оценка означает вывод о том, какая норма уголовного закона предусматривает рассматриваемое общественно опасное деяние. Иными словами, квалификация преступления – это вывод о подобии (тождестве) конкретного жизненного случая – преступления – тому понятию о преступлении данного вида, которое сформулировано в норме советского уголовного закона. Квалификация преступления представляет собой подбор нормы уголовного закона к конкретному жизненному случаю и является, по существу, лишь одним из видов юридической квалификации»³⁹.

³⁶ **Сабитов, Р. А.** Квалификация уголовно-правовых деяний / Р. А. Сабитов. – Челябинск, 1998. – С. 5.

³⁷ **Благов, Е. В.** Основы применения уголовного права / Е. В. Благов. – Ярославль, 1992. – С. 24.

³⁸ **Корнеева, А. В.** Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие / А. В. Корнеева. – М., 2007. – С. 6.

Уместно говорить о двойственной природе квалификации преступления – познавательной и юридической.

Познавательный аспект состоит в умозаключениях познающего субъекта. Объектом познания выступает информация. С. С. Босхолов пишет: «Нормы уголовного права являются информацией, ибо содержат в себе сведения о запрещенном поведении людей, т. е. об уголовно-правовых запретах и санкциях за их нарушение. Следовательно, нормы уголовного права содержат вполне определенное знание, те или иные сведения...»⁴⁰. На наш взгляд, не следует ограничивать объект познания лишь информацией об уголовно-правовой норме. Для квалификации преступления необходима и информация об обстоятельствах дела. Отождествление информации об уголовно-правовой норме и событии преступления и является квалификацией преступления.

Собранная по уголовному делу информация должна получить уголовно-правовую оценку (установление вида преступления). Это является юридическим аспектом квалификации преступлений.

Особенности правоприменения в сфере уголовного права предполагают завершение логических интеллектуальных операций. Соответственно, юридическая составляющая преступления включает в себя и юридическое закрепление результатов данной деятельности в процессуальном решении.

³⁹ **Бурчак, Ф. Г.** Квалификация преступлений / Ф. Г. Бурчак. – М., 1985. – С. 12.

⁴⁰ **Босхолов, С. С.** Основы уголовной политики / С. С. Босхолов. – М., 1999. – С. 207.

В. А. Никонов при определении предмета уголовно-правовой оценки употребил термин «событие»⁴¹, а уголовный закон использует термин «деяние». Применение термина «событие» представляется неудачным, поскольку, согласно классической теории права, «событие» – это разновидность юридического факта, возникающего и развивающегося помимо воли человека. Данное положение противоречит природе преступления.

В то же время термин «деяние» представляется также не лишним недостатком. Так, ст. 8 УК РФ гласит, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом. Здесь деяние отождествляется с преступлением. Вместе с тем в учении о составе преступления деяние признается одним (основным) признаком объективной стороны преступления. Положение о том, что один признак одного элемента состава преступления (часть) содержит все признаки состава преступления (целого), противоречит положениям формальной логики.

И. В. Андреевым предложено использовать в качестве предмета уголовно-правовой оценки «поведение индивида». Автор утверждает: «Предложенное словосочетание охватывает собой такие элементы состава преступления, как субъект, субъективная сторона и объективная сторона, чего вполне достаточно, так как объект существует несколько изолированно»⁴².

⁴¹ **Никонов, В. А.** Научные основы квалификации преступлений (спецкурс) / В. А. Никонов. – Тюмень, 1996. – С. 13.

⁴² **Андреев, И. В.** Теоретико-правовые основы квалификации преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защищена 2000 / Андреев Игорь Вячеславович. – Тюмень, 2000. – С. 17.

Соглашаясь концептуально, считаем необходимым отметить, что поведением именуется присущее всем живым существам взаимодействие с окружающей средой, включающее их внешнюю (двигательную) и внутреннюю (психическую) активность⁴³. Преступление характеризуется ограниченностью во времени, и уголовно-правовой оценке подлежит не все поведение субъекта, а именно то, в процессе совершения которого нарушаются нормы уголовного права (признак противоправности преступления). Поэтому, на наш взгляд, уместно использовать термин «акт общественно опасного поведения индивида».

Уголовно-правовая значимость акта поведения индивида определяется через призму уголовного закона, его структурных элементов, подлежащих применению.

Установив акт поведения индивида и определив нормы, подлежащие применению, необходимо выявить тождество выявленных признаков акта поведения индивида конкретному составу преступления.

На основе проведенного выше анализа доктринальных позиций относительно сущности и содержания квалификации преступлений представляется возможным заключить:

Квалификация преступлений – это деятельность правоприменителя с использованием приемов формальной логики, направленная на проверку тождества выявленных обстоятельств акта общественно опасного поведения индивида и признаков состава преступления, результат которой формализуется в уголовно-процессуальных документах в виде оценки установленного акта поведения индивида как преступления определенного вида со ссылкой на статьи Уголовного кодекса.

⁴³ Психология : словарь. – М., 1990. – С. 276.

Деятельность уполномоченных должностных лиц, осуществляющих квалификацию, характеризуется определенной последовательностью. Этот тезис никем не ставится под сомнение. Вместе с тем следует признать, что в учении о квалификации преступления нет устоявшихся знаний о критериях выделения этапов (стадий) квалификации преступления, а также об их количестве и содержании.

Г. М. Миньковский об этапах квалификации преступлений писал: «Сущностью процесса квалификации является непрерывное сопоставление различных фактов и обстоятельств, относящихся к событию совершенного общественно опасного деяния, с признаками и элементами конкретного состава (составов) преступлений, закрепленных в уголовном законе. На этой основе выводится предварительная (в период предварительного расследования) или окончательная (по вступившему в законную силу приговору суда) правовая оценка содеянного»⁴⁴.

Представляется, что данная точка зрения выбрана неверно, процесс квалификации и уголовный процесс – не одно и то же. И этапы возможно определять вне связи со стадиями уголовного процесса.

А. В. Наумов и А. С. Новиченко разделили процесс квалификации и процесс поиска уголовно-правовой нормы. Рассматривая этапы квалификации преступлений, эти авторы указывают: «Если попытаться выделить этапы или стадии квалификации преступления как относительно самостоятельного процесса (условно обособленного от процесса применения правовой нормы), то следует назвать три таких элемента:

⁴⁴ Миньковский, Г. М. Указ. соч. – С. 171.

1) установление фактических обстоятельств дела, заключающееся в анализе объективных и субъективных признаков, характеризующих совершенное деяние и субъекта преступления;

2) установление уголовно-правовой нормы, которой предусматривается квалифицируемое общественно опасное деяние;

3) установление тождества признаков квалифицируемого общественно опасного деяния признакам определенного состава преступления, предусмотренного найденной уголовно-правовой нормой»⁴⁵.

Соглашаясь принципиально с этими предложенными характеристиками этапов процесса квалификации, отметим безуспешность попытки дистанцировать процесс поиска необходимой правовой нормы от познавательной деятельности субъекта в процессе квалификации преступлений, поскольку представляется, что эти процессы должны совмещаться, а не совершаться последовательно. Поиск правовой нормы должен осуществляться как на стадии установления фактических обстоятельств деяния, так и на стадии отождествления признаков совершенного деяния и признаков состава преступления.

Сходную позицию занял Б. А. Куринов, который выделил следующие этапы квалификации преступлений:

1) выявление наиболее общих признаков деяния, т. е. установление типа правоотношения;

⁴⁵ **Наумов, А. В.** Квалификация преступлений как логическая форма юридической оценки / А. В. Наумов, А. С. Новиченко // Правоведение. – 1981. – № 2. – С. 90.

2) выявление в деянии виновного родовых признаков преступления, т. е. установление, какой главой Уголовного кодекса охватывается рассматриваемое преступление;

3) выяснение и сопоставление видовых признаков преступления, т. е. его идентификация в пределах избранной статьи данной главы Особенной части УК.

При этом Б. А. Куринов провел различие между процессом квалификации и процессом поиска правовой нормы. В рамках поиска правовой нормы автор определил следующие стадии:

1) упорядочивание установленных данных и выделение из них юридически значимых признаков;

2) выявление всех возможных законодательных конструкций, моделей, которым соответствует имеющийся фактический материал;

3) выявление группы смежных составов преступлений, которые соответствуют фактическим обстоятельствам, имеющимся по делу;

4) выбор из этой группы одного состава, признаки которого соответствуют совершенному преступлению⁴⁶.

Невозможно не признать сходность позиций относительно этапов квалификации преступлений и поиска правовой нормы в учении Б. А. Куринова и В. Н. Кудрявцева.

В. Н. Кудрявцев выделил следующие этапы квалификации преступлений:

1) выдвижение версий или гипотез относительно юридической оценки того деяния, о котором стало известно следователю (прокурору, судье), возбуждающему уголовное дело.

⁴⁶ Куринов, Б. А. Указ. соч. – С. 56–57, 59.

Рассматривая материалы дела, «следователь должен соединить эти данные по возможности в единое целое и выдвинуть предположение о том, какому составу преступления они соответствуют»⁴⁷;

2) этап квалификации, начинающийся после возбуждения уголовного дела, завершается постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого. На этом этапе установлены основные признаки объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны преступления;

3) составление обвинительного заключения завершает третий этап квалификации, производимой со стадии возбуждения уголовного дела;

4) квалификация деяния при предании обвиняемого суду не основывается на каких-либо новых фактических данных по делу. Однако, как считает автор, ее следует считать самостоятельным этапом, поскольку изменяются сами органы и должностные лица, применяющие уголовный закон⁴⁸.

В то же время этот автор указывал, что когда фактические данные по делу хорошо известны, но норма, подлежащая применению, не определена, решение задачи квалификации предполагает последовательный поиск правовой нормы:

1) упорядочение установленных фактических данных и выделение среди них юридически значимых признаков. На этом этапе «неясен предмет доказывания, неизвестно, какие факты будут иметь уголовно-правовое значение, а какие – нет»⁴⁹;

⁴⁷ Кудрявцев, В. Н. Указ. соч. – С. 197.

⁴⁸ Там же. – С. 197–208.

⁴⁹ Там же. – С.172.

2) выявление всех возможных конструкций, которым соответствует фактический материал. На данном этапе правоприменитель существенно приближается к нахождению правовой нормы, подлежащей применению, так как «ограничивает круг составов, наличие признаков, которые следовало бы проверить по материалам данного дела»⁵⁰;

3) выявление групп смежных составов преступлений, которые соответствуют фактическим признакам, установленным по материалам дела. «Наиболее правильное определение группы смежных составов, подлежащих проверке с точки зрения пригодности для квалификации, предполагает не только установление наличия признаков этих составов, но и исключение других составов, отдельные признаки которых явно отсутствуют»⁵¹;

4) выбор из этой группы одного состава, признаки которого соответствуют содеянному.

По мнению В. Н. Кудрявцева, поиск правовой нормы осуществляется лицом, квалифицирующим преступление, на втором ее этапе, т. е. после возбуждения уголовного дела, и завершается постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Таким образом, В. Н. Кудрявцев соотнес этапы квалификации преступления и стадии уголовного процесса, указав, что поиск правовой нормы осуществляется после возбуждения уголовного дела. При этом поиск правовой нормы этапом квалификации преступления не назвал.

На наш взгляд, в представленном варианте определения этапов квалификации преступления несколько искажены сущность и содержание квалификации преступления.

⁵⁰ Кудрявцев, В. Н. Указ. соч. – С. 173.

⁵¹ Там же. – С. 198.

В. Н. Кудрявцев, характеризуя этапы квалификации преступлений, различал поиск уголовно-правовой нормы и собственно квалификацию как познавательную деятельность, причем последнее (квалификационная деятельность) ставилось в прямую зависимость от стадий уголовного процесса.

Хотя процесс квалификации преступлений осуществляется в рамках уголовно-процессуальных отношений, по нашему мнению, неверно отождествлять этапы уголовно-процессуальных отношений и этапы квалификации преступлений, и нельзя их определять опосредованно друг к другу. На каждой стадии уголовного процесса должен быть пройден процесс квалификации полностью, и для каждого должностного лица его вывод о квалификации преступления окончательный.

Третьим этапом поиска уголовно-правовой нормы В. Н. Кудрявцев и Б. А. Куринов назвали выявление групп смежных составов преступлений, которые соответствуют фактическим признакам, установленным по материалам дела. Однако за рамками поиска уголовно-правовой нормы остался вопрос о признании деяния преступлением. И. П. Пыленко отмечает, что «в тех случаях, когда совершенное деяние не является преступлением вообще, например, не обладает критерием общественной опасности, либо противоправности, либо виновности, либо наказуемости, вряд ли целесообразно ставить вопрос о необходимости поиска группы однородных составов»⁵².

Действительно, познавательная деятельность правоприменителя осуществляется уже при решении вопроса отнесения деяния к юрисдикции уголовного закона. Нарушение данного положения идет вразрез с принципом экономии средств и способов судебного познания.

⁵² Пыленко, И. П. Указ. соч. – С. 47.

На наш взгляд, познавательная деятельность и юридическая оценка содеянного не могут совершаться раздельно и самостоятельно, это этапы одного правоприменительного процесса.

Г. П. Новоселов придерживается иной точки зрения: «Конечно, можно и нужно говорить об относительной самостоятельности фактической и юридической основ правоприменительного процесса, но, думается, не в плане вычленения их как ступеней единого процесса, а в плане различных его сторон, аспектов, элементов и т. п.»⁵³.

Считаем данный вывод неправильным, поскольку даже условное вычленение «сторон» квалификации влечет искажение представления о ее реальной сущности, является предпосылкой для противопоставления познавательной и юридической оценочной деятельности.

Этапы квалификации преступлений – это элементы, составляющие процесс применения уголовно-правовых норм, тесно связанные между собой и обуславливающие друг друга.

Содержание квалификации преступления определяется в двух аспектах – познавательном и юридическом, соответственно, можно выделить два этапа квалификации преступления.

1. Этап сбора информации об акте общественно опасного поведения индивида и признаках состава преступления. Целью деятельности правоприменителя на данном этапе является выяснение вопроса о том, есть ли в определенном акте поведения индивида признаки преступления конкретного вида, указанные в статье Особенной части УК РФ. На этом же этапе

⁵³ Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. Я. Казаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. – М., 1998. – С. 21.

субъект выясняет наличие условий определения состава преступления и содержание соответствующего состава, соотносит имеющиеся фактические обстоятельства и с нормами Общей части УК РФ, например, сопоставляет содеянное и положения ст. 20 УК РФ (о возрасте уголовной ответственности), ст. 21 УК РФ (о невменяемости лица), ст. 28 УК РФ (о невиновном причинении вреда), главы 8 УК РФ (об обстоятельствах, исключающих преступность деяния) и т. д.

2. Этап принятия решений о квалификации преступления. На данном этапе субъект проверяет тождественность обстоятельств акта общественно опасного поведения индивида и состава, предусмотренного конкретной нормой Особенной части УК РФ. Должностное лицо принимает процессуальное решение, направленное на закрепление вывода о совершении преступления.

В предложенной нами модели процесса квалификации преступлений этапы квалификации не ставятся в зависимость от стадий уголовного процесса. Целесообразность данного подхода можно подтвердить словами Г. П. Новоселова: «Отождествление стадий уголовного процесса и уголовно-правовой квалификации неизбежно влечет необоснованное расширение последней и вступает в противоречие с пониманием квалификации в уголовном праве как установления соответствия признаков содеянного и признаков состава преступления»⁵⁴.

Нет и формальных оснований ставить в зависимость этапы квалификации преступления и уголовного процесса. Стадии (этапы) уголовного процесса являются строго регламен-

⁵⁴ Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. Я. Казаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. – М., 1998. – С. 21.

тированными в УПК РФ, а процесс квалификации вообще не определен в уголовно-процессуальном законе. В УПК РФ нет совокупности правил, предписывающих последовательность квалификации преступлений, порядок реализации правовых норм при квалификации преступления. Есть отдельные примеры процессуальных правил квалификации преступлений. При этом сам термин «квалификация преступлений» в УПК РФ не используется.

Так, согласно ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующим основаниям:

- 1) отсутствие события преступления;
- 2) отсутствие в деянии состава преступления;
- 3) истечение сроков давности уголовного преследования;
- 4) смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего;

- 5) отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 настоящего кодекса;

- 6) отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пп. 1, 3–5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448 настоящего кодекса, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пп. 1 и 3–5 ч. 1 ст. 448 настоящего кодекса.

Положения пп. 1, 2, 3, 6 ч. 1 указанной статьи относятся к первой стадии квалификации преступления, когда субъект выясняет

наличие в содеянном признаков конкретного состава преступления и условий его определения.

Согласно ч. 1 ст. 369 УПК РФ, основаниями отмены или изменения приговора суда первой инстанции и постановления нового приговора являются:

1) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом апелляционной инстанции, – в случаях, предусмотренных ст. 380 настоящего кодекса;

2) нарушение уголовно-процессуального закона – в случаях, предусмотренных ст. 381 настоящего кодекса;

3) неправильное применение уголовного закона – в случаях, предусмотренных ст. 382 настоящего кодекса;

4) несправедливость назначенного наказания – в случаях, предусмотренных ст. 383 настоящего кодекса.

Логическое толкование положений вышеназванных статей свидетельствует о том, что они предусматривают основания изменения квалификации содеянного. Однако в этих статьях понятие квалификации преступления непосредственно не упоминается, и правила, определенные в них, направлены на упорядочение отношений не только в связи с квалификацией преступлений.

В науке не решен вопрос об отраслевой принадлежности правил квалификации преступлений.

В. Г. Шумихин утверждает, что квалификация преступлений носит межотраслевой (уголовно-правовой и уголовно-процессуальный) характер⁵⁵.

⁵⁵ **Шумихин, В. Г.** Нормативные правила квалификации преступлений / В. Г. Шумихин. – Пермь, 2004. – С. 19.

Н. Ф. Кузнецова указывает, что сочетание уголовно-правовых и уголовно-процессуальных этапов в процессе квалификации преступлений, закрепление таковой в уголовно-процессуальных документах по нормам уголовного закона вполне практичны. Дознаватель, следователь, прокурор всегда действуют одновременно в рамках и УПК РФ, и УК РФ. Однако квалификация преступлений – институт материального права⁵⁶.

На наш взгляд, по правовой природе квалификация преступления имеет исключительно уголовно-правовой характер, поскольку непосредственно связана с решением фундаментальной проблемы уголовного права – определением уголовной ответственности, ее основания. Хотя квалификация преступлений осуществляется в форме уголовно-процессуальных отношений, идентичности соответствующих уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений нет, в том числе и по временным характеристикам. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Стадия возбуждения уголовного дела оформляется соответствующим процессуальным актом – постановлением о возбуждении уголовного дела (об отказе в возбуждении уголовного дела). Если признавать квалификацию преступления межотраслевым институтом и соотносить этапы квалификации со стадиями уголовного процесса, то по этой логике следует, что до тех пор, пока нет решения о возбуждении уголовного дела, процесс квалификации не осуществляется.

⁵⁶ **Кузнецова, Н. Ф.** Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова. – М., 2007. – С. 57.

Однако квалификация преступления – это процесс познания юридической сущности деяния, который включает в том числе определение правового значения объективных и субъективных признаков, характеризующих акт поведения индивида и самого индивида, а также выбор уголовно-правовой нормы. То есть квалификация преступления начинается раньше стадии возбуждения уголовного дела и включает «предварительную деятельность, играющую роль предпосылки правильной квалификации»⁵⁷.

Косвенным подтверждением правильности тезиса об отличии стадий квалификации преступлений и уголовного процесса является признанная в науке уголовного права классификация видов квалификации преступлений.

В теории отечественного уголовного права выделяют два вида квалификации преступлений: официальную (легальную) и неофициальную (доктринальную)⁵⁸. Последняя осуществляется вне уголовного процесса, соответственно, официальная (легальная) квалификация – это уголовно-правовая квалификация преступления, осуществляемая работниками органов дознания, следователями, прокурорами, судьями, т. е. уполномоченными на то должностными лицами, в процессуальных документах.

Неофициальная квалификация – это квалификация, не имеющая юридического значения. Неофициальная квалификация

⁵⁷ **Рарог, А. И.** Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособие / А. И. Рарог. – М., 2006. – С. 15.

⁵⁸ **Кудрявцев, В. Н.** Указ. соч. – С. 11; **Куринов, Б. А.** Указ. соч. – С. 19–20; **Недбайло, П. Е.** Применение советских уголовно-правовых норм / П. Е. Недбайло. – М., 1960. – С. 345.

может быть доктринальной (исходящей от научных или научно-педагогических работников или учреждений) и обыденной (осуществляемой неспециалистом).

Официальная квалификация порождает определенные правовые последствия. Это процессуальные правовые последствия: квалификация служит основанием для возбуждения уголовного дела, начала производства предварительного следствия, предъявления обвинения и т. п. Квалификация преступления имеет материально-правовые последствия: учитывается при назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности и наказания и т. д. Официальную квалификацию можно определить как квалификацию в основном значении слова.

Неофициальная квалификация преступлений прав и обязанностей не порождает и может производиться неограниченным кругом лиц. Неофициальная квалификация отражает правовые взгляды, мнения отдельных граждан.

Неофициальная квалификация имеет большое значение в процессе изучения права как метод познания права. Неофициальная квалификация преступлений способствует формированию общественного мнения. Однако в научных работах предметом изучения является именно официальная квалификация преступлений, поскольку она имеет правовое значение. Актуальность изучения официальной квалификации велика именно потому, что это практическая деятельность по применению уголовного закона.

С учетом выполнения задачи установления тождества в процессе квалификации преступления различают правильную и неправильную квалификацию.

Квалификация является правильной в случае установления тождества признаков состава преступления и совершенного деяния. В этом смысле понятие официальной квалификации соот-

носится с правильной квалификацией преступления. Детально вопрос о правильной и неправильной квалификации преступлений будет рассмотрен в следующем параграфе.

Таким образом, квалификация преступлений – это познавательная деятельность правоприменителя, носящая уголовно-правовой характер, которая проходит в два этапа: этап познавательной деятельности, не связанной с принятием решений, имеющих правовое значение, и этап принятия решений о совершении лицом преступления.

1.2. Социальное и правовое значение квалификации преступлений

Квалификация преступлений является необходимым инструментом обеспечения законности в государстве.

Представляется, что определение социального и правового значения квалификации преступления возможно только в отношении правильной квалификации, поскольку при условии правильной квалификации преступления возможно выполнение задач, предусмотренных в уголовном законе, а значит, только такая квалификация имеет уголовно-правовую ценность.

Общепризнанным является вывод о большом социальном и правовом значении квалификации преступлений, вместе с тем среди правоведов нет единства мнений о том, исходя из каких критериев квалификацию следует оценивать как правильную. Обычно квалификация преступления признается правильной, если она основана на законе.

Так, Ф. Г. Бурчак писал: «Правильно квалифицировать преступление означает установить тот факт, что конкретное рассматриваемое общественно опасное деяние содержит в себе все те особенности, которые указал законодатель в определенной статье Особенной части УК союзной республики в качестве типовых и существенных признаков всех преступлений данного вида (...). Правильная квалификация означает применение именно той статьи, пункта или части статьи или совокупности статей, которые охватывают совершенное преступление»⁵⁹.

Г. В. Верина полагает: «...Правильно квалифицировать преступление – значит дать ему правовую оценку и определить соответствующую статью УК, а следовательно, установить тождество между конкретным актом человеческого поведения и законодательной конструкцией. Точная квалификация преступлений выступает одним из важнейших требований законности, так как она выступает определенной гарантией соблюдения прав и интересов граждан»⁶⁰.

Е. Н. Лаптева считает, что неправильной является такая квалификация, при которой признаки преступления, имеющие значение для квалификации, не полностью совпадают с признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой⁶¹.

А. В. Корнеева делит неправильную квалификацию на избыточную и недостаточную. Избыточной автор признает квалифи-

⁵⁹ **Бурчак, Ф. Г.** Указ. соч. – С. 25.

⁶⁰ **Верина, Г. В.** Указ. соч. – С. 165.

⁶¹ **Лаптева, Е. Н.** К вопросу о понятии и видах избыточной квалификации преступлений / Е. Н. Лаптева // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. – М., 1996. – С. 43.

кацию, при которой признаки преступления находят излишнее отображение в применяемой для уголовно-правовой оценки норме. При недостаточной квалификации признаки преступления не находят полного отображения в применяемой для уголовно-правовой оценки норме⁶².

«Завышая» квалификацию, – указывал И. Гальперин, – следователь как бы снимает с себя ответственность, рассчитывая на то, что в суде, в конечном счете, деяние будет расценено правильно (...). Говоря о “завышении” квалификации, необходимо четко определить, что она вовсе не относится ко всем случаям, когда следователь приходит к выводам, расходящимся с квалификацией, данной в приговоре. Следователь оценивает обстоятельства дела по своему внутреннему убеждению. И вполне объяснимо, что в сложных, спорных случаях он может прийти к иному выводу, чем суд»⁶³.

В советской литературе иногда наряду с законностью критерием правильной квалификации определяли идеологическую основу. Так, Г. А. Левицкий писал: «...правильно квалифицировать преступление – значит с марксистско-ленинских партийных позиций, с позиций советского закона оценить юридическую и, следовательно, общественно-политическую сущность этого преступления, установив его соответствие той правовой норме, которая описывает в типовом виде подобное деяние. Правильно квалифицировать преступление – значит свято соблюдать все предписания закона»⁶⁴.

⁶² **Корнеева, А. В.** Указ. соч. – С. 6.

⁶³ **Гальперин, И.** Указ. соч. – С. 36.

⁶⁴ **Левицкий, Г. А.** Квалификация преступления (общие вопросы) / Г. А. Левицкий // Правоведение. – 1962. – № 1. – С. 143.

В советской литературе обсуждался и еще один критерий правильной квалификации, ее истинность. Под истиной принято понимать адекватное отражение познающим субъектом какого-либо объекта, так, как он существует сам по себе, независимо от сознания познающего⁶⁵.

А. В. Наумов и А. С. Новиченко писали, что правильная квалификация есть выражение объективной истины в уголовном праве. И в этом состоит ее основное значение⁶⁶.

Вопрос об истинности как условия вывода о правильной квалификации рассматривали и другие авторы⁶⁷.

По словам А. Л. Ривлина, «...содержанием истины являются отраженные в приговоре факты объективной действительности в их правовой сущности – правовой квалификации (...). Бесспорным является, что в уголовном деле устанавливаются преступления как факты объективной действительности. Отраженные в приговоре, они и составляют содержание устанавливаемой в суде истины»⁶⁸.

⁶⁵ Философский энциклопедический словарь. – М., 1999. – С. 230.

⁶⁶ **Наумов, А. В.** Указ. соч. – С. 50.

⁶⁷ **Гаухман, Л. Д.** Квалификация преступлений (понятие, значение и правила) / Л. Д. Гаухман. – М., 1991; **Левицкий, Г. А.** Указ. соч.; **Миренский, Б. А.** Вопросы квалификации преступлений органами внутренних дел / Б. А. Миренский. – Ташкент, 1980; **Тарарухин, С. А.** Понятие и значение квалификации преступлений / С. А. Тарарухин. – Киев, 1990 и др.

⁶⁸ **Ривлин, А. Л.** Понятие и содержание устанавливаемой в суде объективной истины в свете применения нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик / А. Л. Ривлин // Социалистическая законность, толкование и применение советских законов : материалы межвузовской научной конференции. – Киев, 1961. – С. 47.

В настоящее время вопрос о юридической истине не только остается дискуссионным, его актуальность повысилась в условиях внедрения в законодательную и правоприменительную практику состязательного уголовного процесса.

Верно утверждает Т. В. Кленова: «Неправильная квалификация – это не техническая ошибка, выразившаяся в неверной ссылке на статью УК РФ, а не истинный по своей сущности вывод о совершении конкретным лицом определенного вида преступления»⁶⁹.

На наш взгляд, о квалификации имеет смысл говорить, только если она истинна. Иначе имеет место ошибка, которая должна быть устранена.

Однако УПК РФ в ряде случаев не предусматривает возможности исправления ошибки в квалификации преступлений, иными словами, с точки зрения УПК РФ, единственный критерий правильности квалификации – это критерий законности. Так, в п. 2 ч. 2 и ч. 3 ст. 413 УПК РФ определены обстоятельства, которые являются основаниями для пересмотра вступившего в силу решения суда в порядке, предусмотренном главой 49 УПК РФ. Указанные положения были рассмотрены Конституционным Судом РФ на предмет их соответствия Конституции РФ. При этом Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16.05.2007 по запросу Президиума Курганского областного суда установил, что положения ст. 418 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями ст. 413 и 237 УПК Российской Федерации не позволяют суду в случае выявления новых или вновь открывшихся

⁶⁹ **Кленова, Т. В.** О понятии и проблеме учета ошибок в квалификации преступлений / Т. В. Кленова // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сб. науч. ст. / под ред. А. А. Напреенко. – Вып. 2. – Самара, 2006. – С. 581.

обстоятельств, влекущих ухудшение положения обвиняемого, принять решение о возобновлении производства по уголовному делу, которое давало бы органам уголовного преследования возможность учесть эти обстоятельства в качестве основы для изменения формулировки обвинения. Тем самым создаются препятствия для реализации судом функции по осуществлению правосудия и, следовательно, для судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, что противоречит ст. 46 (ч. 1 и 2), 52 и 118 (ч. 1) Конституции Российской Федерации⁷⁰.

Иными словами, Конституционный Суд РФ указал, что критерием правильности квалификации является не только законность, но и истинность. Поэтому Конституционный Суд РФ постановил, что ограничения основания пересмотра вступившего в законную силу обвинительного приговора в сторону ухудшения положения осужденного (в том числе и изменение квалификации) противоречат Конституции РФ.

Не все согласны с тем, что объективная истина достижима в процессе квалификации преступления.

Обычно исследователи уголовного процесса исключают из содержания истины квалификацию преступления. Например, М. С. Строгович писал, что предметом юридической истины являются лишь фактические обстоятельства дела, но не их юридическая оценка, поскольку в отличие от фактов и конкретных обстоятельств их правовая оценка может быть как правильной, так и ошибочной, объективной или предвзятой, соответствующей закону или противоречащей ему⁷¹.

⁷⁰ Российская газета. – 2007. – № 117 (4380) (2 июня).

⁷¹ **Строгович, М. С.** Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. – М., 1996. – С. 65.

Напротив, в уголовно-правовой литературе пишут, что объективная реальность отражается в выводах и о содержании нормы уголовного права, подлежащей применению в данном конкретном случае, и о характере связи между фактическими обстоятельствами и уголовно-правовой нормой⁷².

Действительно, квалификация преступления может соответствовать закону, может противоречить ему. Одно и то же деяние нередко по-разному квалифицируется следователем, прокурором или судом, оно может получить противоположную правовую оценку в разных судебных инстанциях⁷³.

Так, Д. обвинялся в преступлении, предусмотренном п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ, совершенном при следующих обстоятельствах.

Д. 11.04.2007 примерно в 23 часа 50 минут, имея при себе на законном основании бесствольный пистолет «ПБ-4 Оса» серии И номер 002583 с травматическим зарядом, после ссоры с ранее неизвестными ему лицами, имея умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, стал преследовать В., догнав которого произвел из указанного выше пистолета выстрел в голову, причинив последнему, согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, следующие повреждения: открытую черепно-мозговую травму, открытый вдавленный перелом затылочной кости с повреждением ткани мозга, ушиб головного мозга средней степени тяжести, которые явились опасными для жизни и причинили тяжкий вред здоровью В., после чего Д. с места преступления скрылся. Анализируя собранные по делу доказательства, суд пришел к выводу, что вина подсудимого Д. в совершении указанного преступления является установ-

⁷² См., например: **Савельева, В. С.** Основы квалификации преступлений : учеб. пособие / В. С. Савельева. – М., 2006. – С. 18.

⁷³ **Наумов, А. В.** Указ. соч. – С. 48.

ленной и доказанной. Вместе с тем органами предварительного следствия действия Д. неправильно квалифицированы по п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ, поскольку Д. причинил тяжкий вред здоровью В. не из хулиганских побуждений, а из мести на почве ссоры, возникшей в связи с личными взаимоотношениями. В связи с этим действия Д. следует квалифицировать по ч. 1 ст. 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, поскольку в судебном заседании установлено, что именно в результате противоправных действий Д. – выстрела в голову из травматического пистолета «Оса» – потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью⁷⁴.

Целенаправленность процесса квалификации, истинность уголовно-правовой оценки содеянного не могут быть опровергнуты возможностью субъективных правоприменительных решений. Данное положение подтверждается доводами А. В. Наумова и А. С. Новиченко: «Норма права и есть объективный эталон истинности правовой оценки преступления. Исключить из истины юридическую оценку обстоятельств содеянного – значит заведомо согласиться с возможностью неправильного разрешения уголовного дела с вынесением неправосудного приговора»⁷⁵.

При различных квалификациях истинной является та, которая правильно отражает и фактические обстоятельства дела, и правовую норму. Против такой позиции приводится еще один аргумент – об оценочном характере вывода о квалификации преступления. Существуют и иные мнения. А. Ф. Черданцев считает: «Квалификация как процесс оценки не имеет истинной характеристики. Квалификация как результат юридической

⁷⁴ Архив Ленинского районного суда города Самара. Дело № 1-295. 2014.

⁷⁵ **Наумов, А. В.** Указ. соч. – С. 49.

оценки, выражающейся в определенных высказываниях, такой характеристикой обладает. Квалификация должна основываться на истинности знаний о содержании норм права и истинности знаний о фактических обстоятельствах. На основе истинности этих посылок вытекает истинность выводов (квалификации)»⁷⁶.

Вывод А. Ф. Черданцева представляется внутренне противоречивым. Непонятно: если квалификация истинна как результат, почему не может быть истинен процесс, в результате которого и получили этот истинный результат?

Имея в виду истинность, В. Н. Кудрявцев выделяет три элемента представления лица, осуществляющего квалификацию:

- 1) о фактических обстоятельствах дела;
- 2) содержании уголовно-правовой нормы;
- 3) отношении между фактическими признаками деяния и признаками, предусмотренными уголовно-правовой нормой⁷⁷.

Представления о фактических обстоятельствах дела будут истинными, если они объективно отражают реально происшедшие события. То же относится и к остальным вышеперечисленным элементам. Критерий истинности или достоверности приложим не только к предмету доказывания, но и квалификации преступлений.

Истинность квалификации следует понимать и в том смысле, что она не может быть произвольной, зависеть в основном от субъекта квалификации, истинным может быть только одно решение.

В литературе дискутируется вопрос о характере истинности квалификации – является ли истина, полученная в результате

⁷⁶ Андреев, И. В. Указ. соч. – С. 30.

⁷⁷ Кудрявцев, В. Н. Указ. соч. – С. 40.

уголовно-правовой оценки содеянного, относительной или абсолютной.

Считается, что абсолютная истина достигнута, если юрист составил правильное представление о содержании соответствующей уголовно-правовой нормы и о соотношении между этой нормой и деянием, инкриминируемым обвиняемому, и можно утверждать, что в результате квалификации преступления установлена абсолютная истина⁷⁸.

По мнению И. В. Андреева, истинность квалификации является относительной, поскольку, например, обстоятельства, имеющие значение для назначения наказания, могут быть абсолютно незначимы для квалификации⁷⁹.

По поводу характера истины применительно к квалификации преступления А. В. Наумов и А. С. Новиченко отмечают: «Содержание, зависящее от субъектов исследования, в уголовном судопроизводстве определяет субъективный момент достигаемой истины. Но то содержание юридической оценки, которое не зависит от квалифицирующего субъекта, составляет объективность квалификации, объективность истины, достигаемой правовой оценкой. Кроме того, в квалификации преступления имеются, по-видимому, и такие знания, которые исчерпывающе объясняют конкретное преступление и не могут быть изменены ни при каких условиях. С этими знаниями связывается абсолютность квалификации. Относительность уголовно-правовой оценки вытекает из такой характеристики получаемого знания, которое может быть дальнейшим исследованием уточнено, углублено»⁸⁰.

⁷⁸ См, например: **Савельева, В. С.** Указ. соч. – С. 18.

⁷⁹ **Андреев, И. В.** Указ. соч. – С. 29.

⁸⁰ **Наумов, А. В.** Указ. соч. – С.52.

Представляется, что в истинности квалификации два момента (относительный и абсолютный) соединены воедино и не могут существовать независимо.

Ошибочная квалификация связана с искажением истины, а правильная – с ее достижением. Правильная квалификация преступления является гарантией соблюдения прав и интересов граждан, ее критерии определяются исходя из общих принципов уголовного права: законности и справедливости (истинности).

Представляется верной точка зрения И. Т. Тарханова, который утверждает, что «заведомо незаконные (а потому – неправильные) действия и решения правоприменителя, с одной стороны, и следственные и судебные ошибки, совершаемые в рамках уголовного преследования, с другой, по своей природе качественно отличаются друг от друга. Однако в любом случае не соответствующие закону решения грубо нарушают права и законные интересы граждан, препятствуют реализации принципов уголовного судопроизводства, которые изложены в главе 2 УПК РФ»⁸¹.

На наш взгляд, критерии правильности квалификации включают как законность, т. е. полное соблюдение требований действующего законодательства (формальный критерий), так и истинность, т. е. тождество уголовно-правовой оценки фактическим обстоятельствам дела (юридический критерий).

Так, в соответствии с обвинительным заключением, гражданин Х. и ряд других граждан обвинялись в совершении преступ-

⁸¹ **Тарханов, И. А.** Правоприменительные ошибки при квалификации преступлений и их содержание / И. А. Тарханов // Традиции криминалистических школ Казанского университета и современные тенденции противодействия преступности : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань, 2008. – С. 19.

лений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286, пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163, п. «а» ч. 2 ст. 127, ч. 3 ст. 33, ст. 292 УК РФ.

Согласно обвинительному заключению, Х., являясь должностным лицом, совершил действия, явно выходящие за пределы полномочий и повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов общества и государства. Так, работая с 28.12.2005, в соответствии с приказом № 77 л/с от 26.12.2010 начальника Кировского РУВД г. Самара, в должности начальника отделения оперативного реагирования, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, отдела уголовного розыска (ООР ПРП по НОН ОУР) Кировского РУВД г. Самары, имея специальное звание МВД РФ «капитан милиции», Х. совместно с подчиненными подбросили наркотическое вещество гражданину П., подделали процессуальные документы, незаконно лишили его свободы, потребовали за освобождение от уголовной ответственности 20 000 долларов США. На этапе предварительного следствия преступление, совершенное Х. и соучастниками, квалифицировалось по следующим статьям: пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286, пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163, п. «а» ч. 2 ст. 127, ч. 3 ст. 33, ст. 292 УК РФ.

Однако в ходе судебного заседания суд установил, что квалифицирующий признак пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ «с угрозой применения насилия» излишне вменен Х., М., Ш., поскольку доказательств указанного квалифицирующего признака ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании не добыто, в связи с чем данный квалифицирующий признак подлежит исключению из обвинения указанных подсудимых.

Поскольку действия Х. и других соучастников, выразившиеся в незаконном требовании денежных средств у П., охватываются

составом ст. 286 УК РФ, суд посчитал, что обвинение по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ вменено указанным подсудимым излишне, в связи с чем подсудимых по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ следует оправдать за отсутствием в действиях указанных подсудимых состава преступления⁸².

Таким образом, судебная практика подтверждает, что критериями правильности квалификации являются как соблюдение требований действующего законодательства (формальный критерий), так и истинность, т. е. тождество уголовно-правовой оценки фактическим обстоятельствам дела (юридический критерий).

Вместе с тем, на наш взгляд, уместно говорить о правильной квалификации как соответствующей специальным принципам квалификации преступлений.

Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, принципы – это «исходное положение какой-либо теории, учения»⁸³.

А. И. Рагор понимает под принципом квалификации преступления то или иное исходное положение, сформулированное как общее правило, соблюдение которого является обязательным при квалификации любого конкретного преступления⁸⁴.

Автор называет следующие принципы квалификации преступлений: объективность, истинность, точность.

Р. А. Сабитов утверждает, что квалификация уголовно-правовых деяний основывается на общих уголовно-правовых прин-

⁸² Архив Ленинского районного суда города Самара. Дело № 1-61/07. 2014.

⁸³ **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1993. – С. 131.

⁸⁴ **Рагор, А. И.** Указ. соч. – С.20.

ципах законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма, а также на производных от них специальных принципах – субъективного вменения, недопустимости двойного вменения, полноты, точности, учета общественной опасности квалифицируемого деяния и наказания, установленного за его совершение, толкования всех сомнений в пользу лица, совершившего преступление, приоритета норм, смягчающих ответственность виновного⁸⁵.

В отношении указанной классификации А. И. Рарог отмечает: «Вряд ли позицию Р. А. Сабитова можно признать продуктивной и пригодной для практического применения»⁸⁶.

Соглашаясь с мнением А. И. Рарога, отметим, что **принципы квалификации преступлений – это основные положения, которыми необходимо руководствоваться правоприменителям, чтобы обеспечить правильную квалификацию преступлений.**

52

Следует отличать принципы квалификации преступлений и критерии правильности квалификации преступлений. Представляется, что критерии правильности квалификации преступлений – это те свойства квалификации, в которых отражается идеальный результат процесса квалификации. Принципы же – это основополагающие правила, руководствуясь которыми правоприменитель может обеспечить соответствие квалификации характеристикам законности и истинности.

Принципы квалификации не тождественны принципам уголовного закона, а основываются на них, конкретизируя содержание общеотраслевых принципов.

⁸⁵ Корнеева, А. В. Указ. соч. – С. 14.

⁸⁶ Рарог, А. И. Указ. соч. – С.20.

В ряд принципов квалификации преступлений включаются:

- 1) принцип адекватности квалификации;
- 2) принцип полноты квалификации;
- 3) принцип персонификации квалификации;
- 4) принцип единообразия квалификации;
- 5) принцип толкования сомнения в пользу лица, чье деяние квалифицируется.

Принцип адекватности квалификации означает, что в процессе квалификации преступления необходимо установить именно ту норму, которая запрещает описываемое деяние. При этом данный принцип реализуется только при условии достоверного установления обстоятельств дела, в противном случае невозможно вести речь о правильной квалификации преступления.

Практика содержит многочисленные примеры нарушения данного принципа. Так, в соответствии с обвинительным заключением, гражданин В. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 213 УК РФ. Предварительным следствием установлено, что 13.05.2010 примерно в 8 часов 20 минут, находясь возле клуба «Гололед», в ходе ссоры с М., возникшей на почве личных неприязненных отношений, гражданин В. нанес последнему не менее двух ударов по корпусу, после чего, в ответ на сопротивление, оказанное ему М., достал из автомашины деревянную трость и, действуя умышленно, нанес ей последнему один удар в область шеи. М., опасаясь за свою жизнь и здоровье, выхватил из руки В. деревянную трость и сломал ее, после чего ушел. В. прошел за М. в подъезд дома. Имея при себе пистолет «ИЖ-79 – 9Т» номер 0433741103 калибра 9 мм, который, согласно заключению эксперта № 415, является средством самообороны, с 5 патронами нелетального действия с травматическим зарядом, действуя умышленно, используя указанный выше пистолет, произвел в М. 5 выстрелов, причинив последнему, со-

гласно заключению эксперта, повреждения, относящиеся к категории «легкий вред здоровью», после чего с места преступления скрылся.

В судебном заседании действия виновного переквалифицированы с ч. 1 ст. 213 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ, поскольку умысла подсудимого, направленного на грубое нарушение общественного порядка, в судебном заседании выявлено не было, поскольку установлено, что между В. и М. возник конфликт, в ходе которого В. на почве личных неприязненных отношений был причинен вред здоровью потерпевшего⁸⁷.

Таким образом, на стадии предварительного следствия не был соблюден принцип адекватности квалификации, хотя указанные сведения были известны уже на данной стадии.

Принцип полноты квалификации означает, что в процессе квалификации преступления правовая оценка должна быть дана всем установленным обстоятельствам дела.

Принцип персонификации квалификации означает, что «квалификация деяния основывается на том, что имеющие уголовно-правовое значение обстоятельства деяния охватывались сознанием лица, его совершившего»⁸⁸. При квалификации преступления реализуется важнейший принцип уголовного права – принцип персональной ответственности лица за преступление, предусмотренное уголовным законом, в том числе при квалификации групповых преступлений.

Судебная практика неоднократно подтверждает значимость данного принципа квалификации. Так, в приведенном выше уголовном деле по обвинению Х. и ряда других граждан в совер-

⁸⁷ Архив Ленинского районного суда города Самара. Дело № 1-445. 2011.

⁸⁸ **Корнеева, А. В.** Указ. соч. – С. 14.

шении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286, пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163, п. «а» ч. 2 ст. 127, ч. 3 ст. 33, ст. 292 УК РФ, судом установлено, что Х. и М. не давали каких-либо указаний о применении специальных средств и не были поставлены в известность о их возможном применении, и суд приходит к выводу о том, что, применяя специальные средства, Ш. и Шк. вышли за пределы заранее разработанного плана, следовательно, в их действиях наличествует эксцесс, в связи с чем п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ Х. и М. вменен излишне и подлежит исключению из обвинения⁸⁹.

Принцип единообразия квалификации состоит в том, что деятельность по квалификации преступлений подчинена одним и тем же законам логики, протекает одинаково и регламентируется одними актами независимо от субъекта, осуществляющего квалификацию. В связи со сказанным представляется неверной позиция ряда ученых, выделяющих предварительную квалификацию (осуществляемую следователем) и окончательную квалификацию (осуществляемую судом). Причем в литературе указывается, что предварительная квалификация может быть как правильной, так и неправильной, т. е. при предварительной квалификации возможны ошибки⁹⁰. На наш взгляд, квалификация преступления не может делиться на предварительную и окончательную с учетом субъекта и стадии уголовного процесса, поскольку одним из принципов квалификации является ее единообразие как для суда, так и для органов предварительного следствия. Представляется верной позиция И. Т. Тарханова, который отмечает, что «в юридическом отношении такое деление

⁸⁹ Архив Ленинского районного суда города Самара. Дело № 1-61/07. 2015.

⁹⁰ Куринов Б. А. Указ. соч. – С. 7–12.

противоречит принципам производства по уголовному делу. Следует исходить из того, что на каждом этапе уголовного преследования, включая досудебное производство по делу, уполномоченное должностное лицо, компетентный орган в пределах своих полномочий принимают важные и окончательные, применительно к данной стадии, решения по делу»⁹¹.

Что касается принципа толкования всех сомнений в пользу лица, чье деяние квалифицируется, то в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 «О судебном приговоре», в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его невиновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств и т. д.⁹²

56

Анализ уголовных дел показал, что лишь в 3 % (от общего числа 440 изученных уголовных дел, решения по которым приняты в 2006–2008 гг.) случаев суды руководствуются данным принципом в процессе квалификации преступлений. Так, в приговоре по уголовному делу № 1-61/13, рассмотренному Ленинским районным судом г. Самара, суд указывает, «что из обвинения М. подлежит исключению указание на нарушение им ст. 12, 13 Закона РФ “О милиции”, предусматривающей исчерпывающий перечень условий применения физической силы, поскольку в судебном заседании не добыто достаточных доказательств, позволяющих достоверно утверждать, что М. нанес П. несколько ударов кулаком по лицу. В соответствии со ст. 49 Конституции

⁹¹ **Тарханов И. Т.** Указ. соч. – С. 28.

⁹² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7. – С. 3.

РФ, Постановлением Пленума ВС РФ от 29.04.1996 "О судебном приговоре", ч. 3 ст. 14 УПК РФ, неустранимые сомнения в виновности подсудимого толкуются в его пользу, в связи с чем суд полагает, что вышеизложенное указание подлежит исключению из обвинения»⁹³. Однако анализ большинства дел показал, что устойчивой является тенденция завышения квалификации.

Принципы квалификации преступлений определяют общие требования, предъявляемые к правоприменителю в целях обеспечения правильной квалификации преступлений. Соблюдение этих принципов позволит точно квалифицировать общественно опасные деяния и таким образом обеспечить реализацию уголовной политики Российского государства, выраженной и закрепленной в уголовном законодательстве РФ⁹⁴.

Чтобы привлечь виновного к уголовной ответственности, необходимо установить, какой закон нарушен и какое преступление совершено. Согласно ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. В процессе квалификации правоприменитель устанавливает фактические обстоятельства содеянного, обнаруживает подходящую норму в уголовном законе, затем «накладывает» состав преступления как юридическую конструкцию на фактически совершенное деяние, и если все признаки состава преступления налицо, то признается наличие основания уголовной ответственности.

⁹³ Архив Ленинского районного суда города Самара. Дело № 1-61/07. 2013.

⁹⁴ **Мубаракшин, Р. Г.** Принципы квалификации преступлений / Р. Г. Мубаракшин. // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». Версия Проф. по состоянию на 25.07.2015.

Основное правовое значение квалификации преступления состоит в том, что правильная квалификация преступления обеспечивает точное и полное применение уголовного закона. Именно квалификация преступления, сопряженная с применением запрещающих уголовно-правовых норм, обуславливает возможность или невозможность применения иных уголовно-правовых норм.

И. В. Андреевым высказана точка зрения, что квалификация преступления является одним из оснований возникновения негативных последствий для лица, совершившего квалифицируемое преступление, т. е. уголовной ответственности⁹⁵.

Однако, согласно ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом.

58

Не сама квалификация преступления, а подтвержденное квалификацией совершение преступления является основанием уголовной ответственности.

Правильная квалификация преступления имеет существенное значение для определения вида и меры наказания.

Возможность наказания виновного связывается с совершением преступления. Совершение преступления выступает как юридический факт возникновения уголовных правоотношений. Однако практически применить уголовное наказание можно только после вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Таким образом, практическая реализация уголов-

⁹⁵ **Андреев, И. В.** Теоретико-правовые основы квалификации преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защищена 2000 / Андреев Игорь Вячеславович. – Тюмень, 2000. – С. 17.

ного наказания начинается после официального признания акта поведения индивида уголовно-правовым деянием, с фиксацией уголовного правоотношения. Должностные лица органов предварительного расследования и суд устанавливают юридический факт уголовного правоотношения, т. е. акт общественно опасного поведения, субъекта преступления, определяют содержание данного правоотношения, выясняют состав преступления. Затем результат фиксируется в процессуальных документах. Иными словами, правоприменители осуществляют квалификацию преступления.

От квалификации преступления зависит выбор санкции статьи Особенной части УК РФ, в рамках которой индивидуализируется наказание. Квалификация преступления обуславливает определение категории преступления, что, в свою очередь, влияет на назначение наказания.

Согласно ч. 3 ст. 46 УК РФ, размер штрафа определяется судом с учетом *тяжести совершенного преступления* (курсив наш. – И. Н.) и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. С учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до трех лет.

В соответствии со ст. 58 УК РФ определяются виды исправительных учреждений лицам, осужденным судом к лишению свободы. Именно от квалификации совершенного деяния и зависит выбор исправительного учреждения.

Также, согласно ст. 59 УК РФ, смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь.

Квалификация преступления имеет принципиальное значение и при применении норм об освобождении лица от уголов-

ной ответственности и наказания. Основным условием освобождения лица от уголовной ответственности является совершение преступления той или иной категории (как правило, небольшой или средней тяжести), а определить категорию преступления, как уже отмечалось, возможно только квалифицировав преступление (ст. 75, 76, 78 УК РФ).

Аналогично квалификация преступления учитывается при условном осуждении и условно-досрочном освобождении осужденного (ст. 79, 80, 80.1, 81, 82, 83 УК РФ).

Так, приговором Октябрьского районного суда г. Самара Ш. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. При этом суд в приговоре указывает, что действия Ш. правильно квалифицированы органами предварительного следствия по ч. 1 ст. 105 УК РФ как убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку. Совокупность фактических обстоятельств свидетельствует о предвидении виновным неизбежности причинения потерпевшему смерти.

При определении вида и размера наказания Ш. суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, относящегося к *категории особо тяжких преступлений* (курсив наш. – И. Н.), что совершено преступление против жизни, а согласно Конституции РФ, право на жизнь является неотъемлемым правом каждого человека, в связи с чем в целях восстановления социальной справедливости и исправления осужденного суд считает, что наказание может быть назначено только в виде реального лишения свободы. Оснований для применения ст. 73 УК РФ у суда не имеется⁹⁶.

⁹⁶ Архив Октябрьского районного суда города Самара. Дело № 1-34/15. 2015.

Правовое значение квалификации преступления выявляется при применении акта амнистии, определении судимости.

Квалификация преступлений является юридическим фактом возникновения иных (не уголовно-правовых) отношений. Так, квалификация акта общественно опасного поведения индивида как преступления является основанием возникновения уголовно-процессуальных отношений. В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Иными словами, к моменту возбуждения уголовного дела субъект правоприменения должен иметь объективную картину происшествия и определить признаки, указывающие на конкретный состав преступления, т. е. должен пройти этапы процесса квалификации.

В соответствии с ч. 4 ст. 47 УПК РФ, обвиняемый вправе знать, в чем он обвиняется, – эта процессуальная норма является гарантией законного права обвиняемого знать об официальной квалификации инкриминируемого ему преступления.

Еще одно значение квалификации состоит в том, что квалификация преступления предопределяет предмет доказывания.

Л. Е. Владимиров отмечал: «Вопрос о том, какие предметы составляют *quid probandum* (то, что подлежит доказыванию) в отдельном случае, разрешается так или иначе, смотря по тому, что требуется уголовным законом для состава данного преступления, какие обстоятельства принимаются во внимание при индивидуализировании виновности подсудимого. Таким образом, *quid probandum* есть вопрос того или иного отдельного уголовного случая, определяемого так или иначе в кодексе. Точное определение *quid probandum* совершается, следовательно, на основании материального уголовного права; судопроизводство

как способ исследования исполняет программу, начертанную уголовным законом»⁹⁷.

По указанной проблеме также высказывался Г. М. Миньковский: «Как процесс мыслительной деятельности квалификация выражается в выявлении и оценке доказательств по уголовному делу, анализе иной информации (не являющейся доказательством), позволяющей судить о соответствии или тождестве деяния и признаков состава преступления»⁹⁸.

Похожую позицию излагал И. М. Гальперин: «...Во-первых, квалификация определяет предмет и пределы доказывания, которые обусловлены составом преступления. Во-вторых, она неразрывно связана с решением ряда коренных вопросов применения уголовно-процессуальных норм, обеспечения прав и законных интересов граждан»⁹⁹. При этом данный автор отмечал, что «определяющую роль в разрешении уголовного дела играет квалификация преступления, содержащаяся в приговоре»¹⁰⁰.

Соглашаясь с мнением И. М. Гальперина, необходимо уточнить, что существенную роль в разрешении уголовного дела имеет и та квалификация, которая содержится в процессуальных актах досудебного производства, поскольку именно на стадии предварительного следствия или дознания происходит сбор большей части информации, на которую в последующем и опирается суд при принятии решения.

⁹⁷ **Белкин, А. Р.** Теория доказывания / А. Р. Белкин. – М., 1999. – С. 20–21.

⁹⁸ **Миньковский, Г. М.** Указ. соч. – С. 171.

⁹⁹ **Гальперин, И.** Указ. соч. – С. 36.

¹⁰⁰ Там же. – С. 47.

Квалификация преступления по уголовному делу имеет существенное значение для решения и других вопросов этого дела.

Во-первых, от квалификации преступления зависит выбор меры пресечения. В соответствии со ст. 99 УПК РФ, при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определении ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, должны учитываться *тяжесть преступления* (курсив наш. – И. Н.), сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Иными словами, определение тяжести преступления (которое возможно только в результате квалификации) является одним из оснований избрания той или иной меры пресечения.

Во-вторых, квалификация преступления определяет форму расследования (дознание или предварительное следствие), подсудность и подсудность уголовных дел. В частности, в ст. 31 УПК РФ перечисляются конкретные виды преступлений, подсудные мировому судье, районному суду, Верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области и суду автономного округа, Верховному Суду Российской Федерации, военным судам.

Аналогичные положения содержатся в ст. 50 УПК РФ, согласно которой определены преступления, расследование которых осуществляется в форме дознания. По иным уголовным делам обязательно производство предварительного следствия.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ определяется подсудность уголовных дел, которая также напрямую зависит от квалификации преступления.

А. В. Наумов и А. С. Новиченко выделяют еще одно значение квалификации преступлений: «Правильная, полная квалифика-

ция преступлений является основой объективной и точной судебной статистики. Неправильная квалификация преступлений ведет к искажению действительного состояния и динамики преступности в стране»¹⁰¹.

Правильная и точная квалификация преступления является основным требованием, предъявляемым к правоприменителю. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 29.04.1996 «О судебном приговоре», выводы суда относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, его части либо пункту необходимо мотивировать в приговоре¹⁰².

Квалификация преступления имеет также весомое социальное значение.

Правильная квалификация преступлений является необходимым и важным средством обеспечения режима законности. Адекватная и полная уголовно-правовая оценка акта общественно опасного поведения индивида обеспечивает соблюдение принципа вины и справедливости, показывает населению действительность не только уголовного и уголовно-процессуального закона, но и всего института публичного порицания.

Правильная квалификация обеспечивает уважение к закону, влияет на правосознание населения и формирует стремление к исполнению требований закона, поскольку именно квалификация преступления определяет те правовые и процессуальные последствия, по которым можно судить о справедливости закона и его реализации.

¹⁰¹ **Наумов, А. В.** Указ. соч. – С.27.

¹⁰² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7. – С. 3.

Благодаря правильной квалификации преступлений население может судить о принципиальной и объективной позиции государства в уголовной политике, именно квалификация преступления позволяет дать содеянному соответствующую социально-политическую оценку, содержащуюся в уголовном законе. Этим самым правильная квалификация содействует повышению авторитета органов, осуществляющих предварительное расследование, и суда.

Правильная квалификация преступления – это действенный способ противодействия преступности. Общеизвестно, что только справедливое наказание обеспечивает достижение его целей, в том числе предупреждение совершения новых преступлений и исправление осужденных, а справедливое наказание невозможно без правильной квалификации преступления.

Все это обеспечивает чувство защищенности человека, гарантии и стабильность прав и свобод, повышение уровня правовой культуры как необходимого атрибута правового государства.

Таким образом, вопросы правильной квалификации преступлений имеют существенное социальное и правовое значение.

ГЛАВА 2

Понятие и виды правил квалификации преступлений

2.1. Сущностная характеристика правил квалификации преступлений

66

Практика применения уголовного права породила определенные стандарты квалификации уголовно-правовых деяний. Эти стандарты отражаются в правилах квалификации преступлений.

По мнению В. Г. Шумихина, появление правил квалификации преступлений является следствием осознания необходимости ограничения усмотрения правоприменителя¹⁰³. Действительно, правила квалификации преступлений не только обусловлены наличием закономерностей в правоприменении, но и направлены на ограничение привносимых в процесс квалификации субъективных моментов. **Современная практика правоприменения идет по пути формализации процесса квалификации, а значит, по пути минимизации роли и значения усмотре-**

¹⁰³ Шумихин, В. Г. Правила квалификации преступлений / В. Г. Шумихин. – М., 2003. – С. 12.

ния правоприменителя в процессе квалификации преступлений.

В юридической литературе обсуждается целесообразность создания компьютерных программ квалификации преступлений, которые, по мнению некоторых ученых, могут ограничить усмотрение правоприменителя до разумных пределов¹⁰⁴. Допускается возможность возведения правил квалификации преступлений в ранг алгоритмов решения отдельных задач, что позволит разработать компьютерные программы квалификации, т. е. избежать неправильной квалификации преступлений¹⁰⁵. Но чаще всего о правилах квалификации преступлений рассуждают на примере разъяснений уголовного закона по вопросам судебной практики, данных Верховным Судом Российской Федерации.

В системе российского уголовного права нет единого официального источника правил, регламентирующих осуществление квалификации преступления, с определением последовательности ее этапов, правил оформления вывода о квалификации преступления, изменения этого вывода, норм квалификации отдельных видов преступной деятельности.

Впервые понятие «правило квалификации преступлений» употребил В. Н. Кудрявцев в работе «Теоретические основы квалификации преступлений»¹⁰⁶, однако автор не раскрыл содержания данного понятия.

¹⁰⁴ **Шумихин, В. Г.** Указ. соч. – С. 77; **Соковых, Ю. Ю.** Информационные основы квалификации преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 : защищена 12.09.1999 / Соковых Юрий Юрьевич. – М., 1999. – 219 с.

¹⁰⁵ **Андреев, Б.** Компьютерные программы квалификации преступлений / Б. Андреев, Г. Бушуев // Законность. – 1994. – № 3. – С. 42.

¹⁰⁶ **Кудрявцев, В. Н.** Теоретические основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М., 1963. – С. 34.

Л. Д. Гаухман, рассматривая проблему определения правил квалификации преступлений, пришел к выводу, что правила квалификации преступлений – это приемы, способы применения уголовного закона при уголовно-правовой оценке содеянного¹⁰⁷.

Р. А. Сабитов не согласен с определением правил квалификации, данным Л. Д. Гаухманом, поскольку прием – это отдельное движение, действие или система действий при исполнении какой-то работы. Р. А. Сабитов признает правилом квалификации преступлений положение, в котором отражена конкретная закономерность, касающаяся установления и юридического закрепления точного соответствия фактических признаков общественно опасного деяния и признаков состава преступления¹⁰⁸.

68

В. Г. Шумихин пишет, что под правилами квалификации следует понимать конкретные предписания, отражающие закономерности уголовно-правовых институтов и устанавливающие порядок выбора уголовно-правовых норм для оценки преступного деяния¹⁰⁹.

А. В. Корнеева утверждает, что правило квалификации преступления должно указывать правоприменителю, каким образом ему следует поступать при том или ином наборе фактических данных, при тех или иных фактических обстоятельствах. В связи с этим автор предлагает под правилом квалификации преступлений понимать предписание, устанавливающее порядок действий

¹⁰⁷ **Гаухман, Л. Д.** Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – М., 2001. – С. 28.

¹⁰⁸ **Сабитов, Р. А.** Квалификация уголовно-правовых деяний / Р. А. Сабитов. – Челябинск, 1998. – С. 50.

¹⁰⁹ **Шумихин, В. Г.** Указ. соч. – С. 13.

правоприменителя при известных фактических обстоятельствах для выбора при квалификации преступления конкретного пункта, части, статьи УК РФ¹¹⁰.

Представляется, что определение, данное Л. Д. Гаухманом, является недостаточно конкретизированным, поскольку не просматривается отличие правил квалификации преступлений от методики квалификации преступления и принципов квалификации преступлений. По сути, автор предложил считать правилами квалификации преступлений любые приемы и способы признания акта поведения индивида преступлением, что можно считать и методикой квалификации преступлений.

По этому поводу В. Г. Шумихин указывает следующее: «Очевидно, что термин “правила квалификации преступлений” вряд ли применим к столь широкому спектру рекомендаций общего, частного и единичного характера... Термином “правила квалификации преступлений” не может определяться весь массив вопросов разграничения конкретных составов преступлений. Этот массив Л. Д. Гаухман классифицирует как единичные правила квалификации по количественному критерию, не давая их четкого определения»¹¹¹.

В то же время, на наш взгляд, определение правил квалификации преступлений, данное Р. А. Сабитовым, также не позволяет в полной мере определить сущность правил квалификации. Этот автор указывает, что правила квалификации определяют, каким образом надлежит действовать правоприменителю при выборе статьи (пункта, части статьи) УК РФ, предусматриваю-

¹¹⁰ **Корнеева, А. В.** Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие / А. В. Корнеева. – М., 2007. – С. 24.

¹¹¹ **Шумихин, В. Г.** Указ. соч. – С. 34.

щей деяние¹¹². Позиция Р. А. Сабитова созвучна с той, что определена А. В. Корнеевой.

При таком подходе невозможно отграничить правила квалификации преступлений от принципов квалификации. Во-вторых, в определении правил квалификации, предложенных А. В. Корнеевой и Р. А. Сабитовым, не отражена познавательная деятельность правоприменителя при установлении фактических обстоятельств дела, тождества этих фактических обстоятельств и состава преступления.

На наш взгляд, принципы квалификации преступлений являются основополагающими идеями применения норм уголовного права в форме квалификации преступлений. Правила же являются предписаниями, регламентирующими деятельность должностных лиц правоохранительных органов не только по выбору статьи УК РФ, но и по отождествлению установленного акта общественно опасного поведения индивида с составом преступления. Иными словами, правила квалификации преступлений не стоит сводить, с одной стороны, к общим идеям, с другой стороны – к методике применения закона.

В литературе остается актуальным вопрос о правовой природе правил квалификации преступлений.

В доктрине уголовного права, рассматривая проблему статуса правил квалификации, авторы используют понятия «предписание»¹¹³, «положение»¹¹⁴, однако, как правило, не раскрывают содержания данных понятий.

¹¹² **Сабитов, Р. А.** Указ. соч. – С. 52.

¹¹³ **Корнеева, А. В.** Указ. соч. – С. 25.

¹¹⁴ **Шумихин, В. Г.** Указ. соч. – С. 72; **Сабитов, Р. А.** Указ. соч. – С. 48–49.

Например, В. Г. Шумихин указывает, что «правило квалификации представляет собой положение, в котором отражена закономерность, а по форме оно представляет собой предписание, устанавливающее порядок квалификации содеянного»¹¹⁵.

Категория «правовое предписание» глубоко исследована в теории права. А. В. Мицкевич предложил понимать правовое предписание как «то или иное логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и содержащее обязательное для других лиц, организаций решение государственной власти»¹¹⁶.

Еще в дореволюционной литературе обоснованно было высказано мнение, что подобные положения не являются самостоятельными юридическими нормами, а только поясняют, дополняют или ограничивают нормы императивного характера¹¹⁷.

Определение правовой природы правил квалификации преступлений имеет существенное значение, прежде всего, для установления источников правил квалификации и при их систематизации.

Правила квалификации преступлений имеют сложную правовую природу. Представляется целесообразным определить сущность правил квалификации преступлений применительно к конкретному их виду.

¹¹⁵ Шумихин, В. Г. Указ. соч. – С. 73.

¹¹⁶ Мицкевич, А. В. Акты высших органов советского государства / А. В. Мицкевич // Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. – М., 1967. – С. 34.

¹¹⁷ Кокошкин, Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Кокошкин. – М., 1912. – С. 129.

Когда говорят о квалификации преступлений, имеют в виду не только нормативно-правовые предписания, но и ненормативно-правовые предписания. Те и другие могут определять правила квалификации преступлений, иными словами, правила квалификации носят смешанный характер. Следует согласиться с В. Г. Шумихиным, который все правила квалификации преступлений подразделяет на две группы: нормативные правила и правила, не имеющие нормативного характера¹¹⁸. Автор поясняет, что источниками нормативных правил являются законодательные акты, правоприменительные правила содержатся в иных источниках: судебной практике и теории уголовного права¹¹⁹.

Законодательно выраженные нормативно-правовые предписания о квалификации преступления регламентируют процесс определения тождества выявленных обстоятельств акта общественно опасного поведения индивида и признаков состава преступления, а также правила уголовно-правовой оценки содеянного как преступления, они адресованы неограниченному кругу лиц, подлежат неоднократному применению и сохраняют свое действие независимо от исполнения.

Правоприменительные правила квалификации являются результатом интерпретации уголовного закона и имеют разъясняющий характер. Особенности источников правоприменительных правил квалификации преступлений обусловили фактическое разделение данных правил на две группы: правоприменительные правила квалификации преступлений со свойством нормативности и правоприменительные правила квалификации, не обладающие свойством нормативности.

¹¹⁸ Шумихин, В. Г. Указ. соч. – С. 73.

¹¹⁹ Там же. – С. 74.

К первому источнику правоприменительных правил квалификации преступлений, со свойством нормативности, со времен советского уголовного права относятся постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Основным источником правоприменительных правил о квалификации преступлений, не обладающих свойством нормативности, является опубликованная судебная практика.

2.2. Классификация правил квалификации преступлений

Учитывая фактическую разность источников правил квалификации преступлений, их можно разделить на законодательные и правоприменительные.

Само по себе включение в законодательство правил квалификации преступлений не является достаточным условием однозначного определения их статуса научными исследователями. Форма обоснована содержанием, в данном случае речь идет о нормативном предписании правил квалификации, предполагающем законодательную форму.

Свойство нормативности в теории права означает возможность неоднократного применения предписания и распространения его на неопределенный круг лиц. Отметим, что ряд правил квалификации преступлений, источником которых являются незаконные акты, безусловно, имеют свойство нормативности. Подобными исключениями из общего правила являются положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ и по-

становлений Конституционного Суда РФ. Представляется возможным определить данные правила как правоприменительные со свойством нормативности. Основным отличием данных правил от законодательных правил квалификации преступлений является их источник. Источником правоприменительных правил квалификации являются незаконодательные акты.

Как уже отмечалось, вопрос об отраслевой принадлежности законодательных предписаний о квалификации преступлений является спорным. Большинство авторов признается их уголовно-правовое происхождение.

В процессе квалификации преступлений подтверждается наличие основания уголовной ответственности, а в выводе о квалификации преступлений дается официальная отрицательная оценка поведения лица как преступления конкретного вида. Это значит, что категория «квалификация преступлений» стоит в одном ряду с научной категорией «уголовная ответственность». И это уголовно-правовые категории.

Поскольку процесс квалификации преступлений является уголовно-правовым явлением, то и правила, его регламентирующие, имеют уголовно-правовой характер и не утрачивают его, даже когда дополняются, например, предписаниями уголовно-процессуального законодательства.

При этом возникает ситуация, при которой источником уголовно-правового положения является УПК РФ. Представляется, что включение уголовно-правовых положений о квалификации преступлений в УПК РФ само по себе не меняет уголовно-правовой природы этих предписаний. На наш взгляд, законодатель применяет способ бланкетности и излагает уголовно-правовые положения в ином законодательном акте, при этом данные положения дополняются собственными уголовно-процессуальными предписаниями.

Значительную сложность представляет определение места уголовно-правовых правил квалификации преступлений в системе уголовного права.

Основной структурной составляющей уголовного права признается уголовно-правовая норма. Т. В. Кленова уголовно-правовую норму определяет как законодательно оформленное правило, рассчитанное на многократное применение, в котором регламентируется поведение субъектов уголовно-правового отношения: и физических лиц, и государства¹²⁰. Этот автор характеризует уголовно-правовую норму не только как элемент системы уголовного права. По мнению Т. В. Кленовой, уголовно-правовая норма сама представляет системное образование. Определение уголовно-правовой нормы в качестве правила поведения имеет характер обобщения, поскольку единой нормой называется совокупность правовых предписаний, изложенных в статьях Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ.

В. М. Сырых называет правовую норму первоначальным элементом права, а правовое предписание определяет как элементарную частицу правового акта: «В связи с несоответствием структуры нормы права и способов закрепления ее компонентов в тексте нормативно-правовых актов элементарной частицей нормативно-правовых актов выступает не норма права или ее отдельный элемент, а нормативно-правовое предписание»¹²¹.

Если проследить историю возникновения термина «нормативно-правовое предписание», то становится очевидным,

¹²⁰ **Кленова, Т. В.** Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т. В. Кленова. – Самара : Самарский университет, 2001. – С. 158.

¹²¹ **Сырых, В. М.** Теория государства и права : учебник для вузов / М. В. Сырых. – М. : Былина, 1998. – С. 98–111.

что его появление было реакцией на пробел в учении о норме права.

В соответствии с классической теорией правовой нормы, «структура правовой нормы – это внутреннее строение правовой нормы, деление ее на составные элементы (части) и взаимосвязь этих частей между собой. Структура правовой нормы состоит из трех взаимосвязанных элементов: гипотезы, диспозиции, санкции»¹²².

В определенный момент развития теории права обозначились вопросы, которые оказалось невозможным решить при помощи классического понимания структуры правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция). Так, в процессе развития законотворчества утвердилось мнение, что в нормативно-правовых актах довольно редко встречаются правовые нормы, содержащие все три ее элемента. Куда чаще в законодательном материале встречаются части правовой нормы, что порождает вопрос об участии таких частей в процессе правового регулирования. Также классическое понимание структуры правовой нормы не объясняет природы норм-принципов и норм-дефиниций.

Закономерно, что с учетом выявленных проблем в теории права признали необходимым пересмотреть взгляды на определение первоначального элемента правового акта и определить, что является неделимым, простейшим средством правового регулирования. Встал вопрос о различии первичного элемента в системе права и в системе законодательства, и классическая теория структуры правовой нормы не могла решить данную зада-

¹²² Теория государства и права (схемы и комментарии) : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Ромашова. – СПб. : Издательский дом «Сентябрь», 2000. – С. 96.

чу. Как следствие, в теории права появилось понятие «нормативно-правовое предписание».

Дальнейшее развитие правопонимания обусловило возникновение направлений, по-разному определяющих сущность нормативно-правового предписания. Выделились два основных направления в определении сущности нормативно-правовых предписаний.

Первое заключается в признании нормативно-правового предписания элементом системы законодательства. Это направление создано А. В. Мицкевичем, который утверждал, что акты государственных органов есть совокупность законодательных предписаний¹²³.

Другое направление связывает существование нормативно-правового предписания с системой права. Так, по мнению С. С. Алексеева, именно нормативно-правовое предписание наиболее ярко выражает органическое единство содержания и внешней формы в праве¹²⁴.

Особая позиция у М. Л. Давыдовой. Она пишет: «...признание нормативно-правового предписания начальным элементом системы права неизбежно приводит к понижению теоретического значения категории правовой нормы (в ее классическом понимании), так как правовая норма либо приравнивается к другим правовым велениям, выполняющим вспомогательные функции в системе права, либо перестает восприниматься как первооснова права»¹²⁵.

¹²³ **Мицкевич, А. В.** Указ. соч. – С. 35.

¹²⁴ **Алексеев, С. С.** Структура советского права / С. С. Алексеев. – М., 1975. – С. 83.

¹²⁵ **Давыдова, М. Л.** Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : защищена 12.10.2001 / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград, 2001. – С. 115.

Позиция М. Л. Давыдовой отличается противоречивостью: этот автор, с одной стороны, признает неоднородность и рассредоточение частей правовой нормы, с другой стороны – противопоставляет норму и относящиеся к ней предписания.

Следует согласиться с С. С. Алексеевым, который определил: «нормативные предписания – это первичная элементарная часть самой правовой материи, с которой совпадает исходная единица правового текста... Фактически деятельность по правотворчеству состоит в формировании правовых предписаний, осуществляемых путем изменения или составления текстов юридических актов»¹²⁶.

Представляется, что законодательное предписание наделено свойством текстуальной завершенности, но логическая завершенность правовому предписанию не свойственна. По нашему мнению, в законодательном предписании одновременно отражаются содержание и структурные элементы правовой нормы. Представляется обоснованной точка зрения Д. В. Ходукина, который утверждает, что «структура нормативного предписания объективно обуславливается структурностью нормы права. Это означает, что в отдельном нормативном предписании может быть выражен как минимум один из трех основных элементов структуры нормы права, максимум – три (гипотеза, диспозиция и санкция – вместе)»¹²⁷.

Действительно, нельзя отождествлять правовое предписание и правовую норму. Это противоречило бы определению нормы права как «установленного или санкционируемого государством и обеспечиваемого принудительной силой общеобязательного,

¹²⁶ **Алексеев, С. С.** Указ. соч. – С. 84.

¹²⁷ **Ходукин, Д. В.** Юридические предписания / Д. В. Ходукин. – Иркутск, 2006. – С. 27.

формально-определенного правила поведения субъектов, содержащего меру их свободы и ответственности, регулирующего типовые общественные отношения»¹²⁸.

Вместе с тем нет оснований для вывода о неучастии нормативно-правовых предписаний, в том числе о квалификации преступлений, в механизме правового регулирования.

Рассматривая данную проблему, Т. В. Кленова пишет: «Наделенные специальными функциями: гипотезы, диспозиции или санкции, правовые предписания, взаимодействуя, образуют самостоятельные уголовно-правовые нормы. Только в системе правовые предписания способны осуществлять непосредственное регулирование общественных отношений и образовывать отдельную норму»¹²⁹.

Представляется необходимым решить вопрос о том, какой элемент нормы права выражают нормативные предписания о квалификации преступлений.

Исходя из классического понимания трехчленной структуры нормы права (гипотеза, диспозиция, санкция), необходимо отметить, что правила квалификации преступлений отражают те или иные условия, при которых подлежит применению та или иная статья уголовного закона, т. е. являются текстуальным выражением гипотезы правовой нормы. При этом в совокупности с предписаниями, выражающими диспозицию и санкцию правовой нормы, они образуют целостную (логическую) правовую норму.

Например, в качестве диспозиции укажем предписание п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, где выражен запрет на умышленное при-

¹²⁸ Ромашов, В. А. Указ. соч. – С. 92.

¹²⁹ Кленова, Т. В. Указ. соч. – С. 154.

чинение тяжкого вреда здоровью группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

В этой же статье указывается санкция, т. е. неблагоприятные последствия нарушения запрета.

Однако условия, при которых реализуются положения п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, указаны в ст. 34 УК РФ, например в ч. 3 этой статьи, где сказано, что уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления.

Иными словами, правовые нормы реализуются посредством выражения их отдельных элементов в законодательных предписаниях, которые в совокупности образуют содержание нормативно-правового акта.

80

Свойство нормативности присуще тем правилам квалификации преступлений, которые закреплены законодательно. Их источником является Общая часть УК РФ. Известен и другой законодательный источник правил квалификации – Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Категория «квалификация преступлений», имеющая уголовно-правовое происхождение, востребована и в уголовном процессе. Официальная квалификация преступлений невозможна вне рамок уголовно-процессуальных отношений.

На наш взгляд, ряд правил квалификации преступлений, например, регламентирующих процесс изменения квалификации преступлений, содержится в статьях УПК РФ по праву.

При первом рассмотрении правила изменения процессуальных актов из-за неправильной квалификации преступлений, содержащиеся в УПК РФ, нельзя отнести к правилам

квалификации преступлений, однако, исходя из определения квалификации преступлений как процесса соотношения акта поведения индивида и состава преступления, следует вывод, что данные положения участвуют в регламентации процесса квалификации, дополняя уголовно-правовые положения о квалификации преступлений.

С учетом вышесказанного, положения УПК РФ, регламентирующие правила изменения квалификации преступления, следует признать правилами квалификации преступлений, а поскольку они содержатся в кодифицированном нормативно-правовом акте, их следует считать законодательными.

Таким образом, *законодательные правила квалификации преступлений являются нормативно-правовыми предписаниями Общей части УК РФ и УПК РФ, регламентирующими процесс определения тождества выявленных обстоятельств акта общественно опасного поведения индивида и признаков состава преступления и уголовно-правовой оценки содеянного как преступления, они адресованы неограниченному кругу лиц, подлежат неоднократному применению и сохраняют свое действие независимо от исполнения.*

Выше было указано, что помимо законодательных правил квалификации преступлений, существуют и правоприменительные, причем они составляют большинство правил квалификации.

В целях уяснения смысла и природы правоприменительных предписаний уместно использование термина «интерпретационная деятельность».

Интерпретационная деятельность, как и любая волевая деятельность, имеет две тесно связанные, но все же самостоятельные стороны. Первая сторона отражает уяснение норм права, соотношение грамматики и логики толкования. Вторая сторона

интерпретационной деятельности имеет более узкий и специальный характер, ибо уясняться должны, в принципе, все нормативные предписания, а разъясняться лишь те, по поводу которых тот или иной орган или лицо считают необходимым издать специальное разъяснение¹³⁰.

Правоприменительные правила квалификации, на наш взгляд, являются результатом интерпретации уголовного закона и имеют разъясняющий характер. Д. В. Ходукин предложил называть такие предписания «интерпретационными»¹³¹. При этом он отмечает, что интерпретационные предписания непосредственно применяются в юридической практике и имеют обязательную силу. Интерпретационные предписания являются результатом толкования норм права, но в силу своего фактического влияния (иногда без учета интерпретационных предписаний невозможно применение соответствующей правовой нормы) имеют весьма существенное значение в механизме правового регулирования¹³².

Иными словами, интерпретационные предписания – это директива, как правильно понимать и применять определенную норму.

Выше нами указывалось, что особенности источников правоприменительных правил квалификации преступлений обусловили разделение данных правил на две группы: правоприменительные правила квалификации преступлений со свойством нормативности и правоприменительные правила квалификации, не обладающие свойством нормативности.

¹³⁰ Ходукин, Д. В. Указ. соч. – С. 108.

¹³¹ Там же. – С. 121.

¹³² Там же. – С. 122.

Источником правоприменительных правил квалификации преступлений со свойством нормативности являются постановления Пленума Верховного Суда РФ. Это фактически сложившееся положение вещей. Многие и в научной, и в практической деятельности считают это неправильным. Так, В. С. Нерсисянц указывает, что «судейское правотворчество – весьма опасный и по своей сути неправовой симбиоз законодателя и судьи в одном лице»¹³³.

Конечно, нельзя исключать судебную практику из механизма правового регулирования, который, по общему признанию, цикличен: начинается с правового акта, затем правовые предписания реализуются (в том числе в форме применения), это создает основания для последующего правотворчества.

В то же время интерпретационные предписания, по определению, не формулируют (не создают) новых правовых норм. Их предназначение – уточнять действующие нормы права и определять порядок и условия реализации отдельных нормативных предписаний.

С точки зрения определения правовой природы правил квалификации преступлений интересна позиция Н. Н. Вопленко, который в определении толкования закона включил еще один элемент – акт толкования. Акт толкования – это его результат, совокупность интерпретационных предписаний, т. е. устное или письменное разъяснение смысла правовой нормы.

На наш взгляд, постановления высших судебных инстанций (не только Пленума Верховного Суда РФ, но и Конституционно-

¹³³ **Нерсисянц, В. С.** Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право / В. С. Нерсисянц // Судебная практика как источник права. – М., 1977. – С. 40.

го Суда РФ) являются актами толкования и объективным выражением одной из форм юридической деятельности указанных инстанций. Акты органов высшей судебной власти обладают свойством обязательности, которая подтверждается не только контрольно-надзорными и принудительными полномочиями правоохранительных органов государства, но и, прежде всего, характером содержащихся в них предписаний. Свойство нормативности постановлений высших судебных инстанций не универсальное, они не порождают прав и обязанностей для граждан, а значит, не имеют для них и обязательной силы. Данные акты обязательны для судебных инстанций.

Этот вывод подтвержден законодательно только в отношении Конституционного Суда РФ¹³⁴.

Юридическая сила постановлений Пленума Верховного Суда РФ, в том числе по вопросам уголовного права, ясно не определена в действующем законодательстве. В Законе «О судостроительстве РСФСР» 1981 г.¹³⁵ (применяется в части, не противоречащей Федеральным законам от 31.12.1996 № 1-ФКЗ, от 08.01.1998 № 7-ФЗ, от 23.06.1999 № 1-ФКЗ) указывается, что Пленум Верховного Суда РСФСР дает руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства РСФСР. Таким образом, до принятия Конституции РФ проблема обязательности актов Верховного Суда была решена однозначно, а термин «руководящие» свидетельствовал об императивности требований Пленума Верховного Суда РФ.

¹³⁴ О Конституционном Суде Российской Федерации : ст. 6 ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 25.07.1994. – № 13. – Ст. 1447.

¹³⁵ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Версия Проф. по состоянию на 01.07.2008.

Однако в соответствии с Конституцией РФ 1993 г. суды независимы и подчиняются только Конституции и Федеральному закону, а согласно ст. 126 Конституции, Верховный Суд наделен полномочиями по даче разъяснений по вопросам судебной практики.

При этом в Конституции об обязательности постановлений Пленума Верховного Суда речи не идет.

Многие считают, что признание постановлений Пленума Верховного Суда легальным источником уголовного права было возможно только в советский период российской государственности, в настоящее же время действуют принципы самостоятельности и независимости судей и подчинения их только закону. Более того, высказываются предложения о возможной реформе института Пленума Верховного Суда РФ, которая была бы направлена на лишение высшей инстанции системы общей юрисдикции полномочий по даче обязательных разъяснений по вопросам судебной практики.

Представляется, что данные начинания не будут иметь успеха по ряду причин.

Во-первых, в настоящее время не ставится задача наделения Верховного Суда правом давать *руководящие* (курсив наш. – И. Н.) разъяснения по вопросам судебной практики. Это право было свойственно для советской судебной системы. В постсоветском государстве обсуждается только обязательность официальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Во-вторых, в силу прямого указания Конституции РФ и других законов Верховный Суд РФ является надзорной инстанцией и обладает полномочиями по отмене решений нижестоящих судов. Не секрет, что показателем качества работы любого судьи является соотношение отмененных и устоявших судебных решений, принятых данным судьей. И поэтому ориентир правопри-

менителей на опубликованную позицию Верховного Суда есть и будет существовать.

В-третьих, принятию каждого постановления Пленума в Верховном Суде РФ предшествует глубокая проработка вынесенной на обсуждение проблемы с анализом и обобщением судебной практики и всех сторон действующего законодательства, нередко сопровождаемая научным обоснованием принятого решения и содержащихся в нем рекомендаций¹³⁶, что придает постановлениям Пленума Верховного Суда РФ достоверный и обоснованный характер.

И еще. В своей деятельности Верховный Суд РФ руководствуется действующим законодательством, в том числе подзаконными актами, например при квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Обоснованно встает вопрос: почему суды при отправлении правосудия должны руководствоваться подзаконными актами Правительства РФ, но не должны руководствоваться подзаконными актами судебных инстанций?

Представляется, что постановления Пленума Верховного Суда РФ являются актами, которые подлежат оценке с точки зрения соответствия Конституции РФ и федеральным законам, направлены на их реализацию и в случае противоречия указанным актам не могут применяться, поэтому не представляют угрозы принципу независимости судей. Постановления Пленума Верховного Суда РФ обладают обязательной силой для нижестоящих судебных инстанций, а опосредованно – и для иных субъектов правоприменения.

Анализ 440 уголовных дел, рассмотренных судами Самарской области и Республики Татарстан в 2013–2015 гг., показал,

¹³⁶ Ходукин, Д. В. Указ. соч. – С. 123.

что лишь в трех приговорах при обосновании квалификации преступлений судьи прямо ссылались на постановления Пленума Верховного Суда РФ. Вместе с тем, по словам 62 % от общего числа опрошенных судей (был проведен анкетный опрос 49 судей), при квалификации тех или иных деяний судьи руководствуются постановлениями Пленума Верховного Суда РФ.

Следует законодательно закрепить, что данные акты обладают обязательной силой для нижестоящих судов.

Не менее важным источником правоприменительных правил квалификации преступлений со свойством нормативности являются постановления и определения Конституционного Суда РФ.

В соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде РФ», Конституционный Суд Российской Федерации – судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Отличительная особенность положений, содержащихся в актах Конституционного Суда РФ, состоит в том, что они максимально схожи по своим свойствам с предписаниями законодательства. Так, согласно ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Таким образом, правила квалификации преступлений, содержащиеся в решениях Конституционного Суда РФ, являются обязательными не только для судов, но и для неограниченного круга лиц.

Некоторые предписания Конституционного Суда РФ носят характер новых уголовно-правовых или уголовно-процессуальных положений.

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ № 5-п «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан» рассмотрена конституционность положений ст. 405 УПК РФ¹³⁷.

На основании данного Постановления высшая судебная инстанция установила возможность пересматривать в порядке надзора вступившие в силу решения судов, в том числе и в сторону ухудшения положения осужденного. Ранее оправдательные приговоры не подлежали пересмотру в порядке надзора, что являлось грубым нарушением прав потерпевших.

С точки зрения квалификации уголовно-правовых деяний, Конституционный Суд создал новое положение, согласно которому изменение квалификации содеянного после вступления в законную силу приговора возможно при наличии «существенных (фундаментальных) нарушений, повлиявших на исход дела».

Иными словами, Конституционный Суд РФ говорит об основаниях пересмотра судебного решения, т. е. о судебной ошибке, однако не раскрывает содержания судебной ошибки, таким образом, это понятие остается оценочным.

При обосновании своей позиции в указанном Постановлении Конституционный Суд РФ ссылается на «Конвенцию о защи-

¹³⁷ Собрание законодательства РФ. – 30.05.2005. – № 22. – Ст. 2194.

те прав человека и основных свобод». В данном международном акте говорится о «существенном нарушении фундаментального, принципиального характера».

Представляется, что с уверенностью к подобным нарушениям можно отнести квалификационные ошибки.

Н. Ф. Кузнецова указывает: «Применительно к проблемам квалификации преступлений существенной ошибкой следует считать... ошибки, когда не установлен состав преступления в действиях лица, который на самом деле имел место, и когда состав преступления вменен лицу, не совершавшему преступление. К ошибкам в виде неверного избрания для квалификации уголовно-правовой нормы относятся такие, которые при переквалификации существенно изменяют содержание квалификации в сторону отягчения»¹³⁸.

Представляется, что «существенность» ошибок должна быть определена в уголовно-процессуальном законе либо должен быть дан перечень ошибок, влекущих возможность пересмотра вступившего в законную силу решения суда. В связи с изложенным предлагаем следующую редакцию ст. 405 УПК РФ:

«Статья 405. Недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора.

Пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или

¹³⁸ **Кузнецова, Н. Ф.** Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова. – М., 2007. – С. 31.

постановления суда о прекращении уголовного дела не допускаются, за исключением случаев, если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу судом допущено существенное нарушение, влияющее на исход уголовного дела, а именно:

- 1) неверно определены последствия преступления;
- 2) неверно определен или не определен потерпевший;
- 3) вменен состав преступления, существенно отличающийся от установленных обстоятельств дела;
- 4) лицо необоснованно освобождено от уголовной ответственности или наказания».

Особенности действующего УПК РФ влекут еще одну проблему. В УПК РФ реализованы разные подходы к определению правил отмены оправдательного и обвинительного приговора и изменению обвинительного приговора. В силу положений вышеуказанного Постановления Конституционного Суда РФ существенные нарушения должны учитываться лишь при пересмотре оправдательного приговора либо определения о прекращении уголовного дела. Данное положение влечет некоторые дополнительные трудности для судебского корпуса. Так, проведенный нами опрос судей федеральных судов общей юрисдикции Самарской области показал, что 76 % судей считают, что основания для пересмотра оправдательного и обвинительного приговора не отличаются.

На вопрос «Какие нарушения, являющиеся основанием для пересмотра оправдательного приговора в порядке надзора, Вы считаете существенными?» 23 % судей надзорной инстанции назвали квалификационные ошибки; 38 % судей указали, что это квалификационные ошибки, повлекшие нарушения правил назначения наказания; 19 % указали, что при определении ответственности нарушений опираются на практику Верховного Суда РФ. Остальные респонденты затруднились ответить.

В связи с разъяснениями Конституционного Суда РФ правил изменения квалификации, изложенных в УПК РФ, положение судей осложнилось, так как они вынуждены уяснять смысл и содержание не только закона, но и правовых позиций Конституционного Суда РФ. При этом по своей природе правила, сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации, являются правоприменительными, а фактически – новыми уголовно-процессуальными положениями о квалификации преступлений. Данное положение подтверждается требованием ч. 3 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ, согласно которому акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу. Иными словами, Конституционный Суд РФ заменил положения ст. 405 УПК РФ на собственное Постановление, и в настоящее время при пересмотре приговоров в порядке надзора судам следует ссылаться на положения данного акта.

Аналогичная ситуация создана Конституционным Судом РФ, когда он 20.04.2006 принял Постановление № 4-п «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса РФ, части второй статьи 3 Федерального закона “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации”, Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других»¹³⁹.

¹³⁹ Собрание законодательства РФ. – 01.05.2006. – № 18. – Ст. 2058.

В соответствии с данным Постановлением, применение нового уголовного закона, имеющего обратную силу, может осуществляться на любых стадиях уголовного судопроизводства, начиная с возбуждения уголовного дела и заканчивая пересмотром вступивших в законную силу судебных решений и исполнением приговора.

Для квалификации преступлений это весьма существенно, поскольку Конституционный Суд РФ данным положением указал, что изменение квалификации возможно на любой стадии уголовного процесса.

В то же время Конституционный Суд РФ, в силу Конституции РФ и ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», не является субъектом квалификации и при рассмотрении конкретных дел указывает на это. Так, согласно Определению Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 № 932-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горковенко Алексея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав пунктом "з" части второй статьи 105 и пунктом "в" части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации», Конституционный Суд РФ указал следующее: «...Выбор норм уголовного закона, подлежащих применению к лицу в связи с инкриминируемыми ему преступными деяниями, не входит в компетенцию Конституционного Суда РФ, а является исключительной прерогативой органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, которые при разрешении данного вопроса в рамках уголовного судопроизводства должны исходить как из конкретных обстоятельств уголовного дела, так и из общих принципов установления ответственности за преступления...»¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Версия Проф. по состоянию на 01.07.2015.

Иными словами, Конституционный Суд РФ признает, что не может менять квалификацию уголовно-правовых деяний. В связи с этим возникает вопрос о том, как осуществлять изменение квалификации по уголовным делам, по которым вступили в силу приговоры, если нормы, на которых они основывались, признаны неконституционными.

На наш взгляд, признание той или иной нормы неконституционной не влечет автоматически изменения квалификации. В таком случае граждане или органы следствия должны обращаться в Верховный Суд РФ. Аналогичную позицию занимает и Конституционный Суд РФ, который указал, что «уголовное дело в отношении В. А. Смирнова в части применения пункта “а” статьи 64 УК РСФСР, признанного Постановлением неконституционным, подлежит пересмотру Верховным Судом Российской Федерации в установленном порядке, если для этого не имеется других препятствий»¹⁴¹.

Таким образом, Конституционный Суд РФ не может принимать решений о квалификации преступлений, которые являются обязательными для судов и других правоприменителей. Основным источником правоприменительных правил о квалификации преступлений, не обладающих свойством нормативности, является опубликованная судебная практика.

Примером может служить Надзорное определение Верховного Суда РФ от 26.09.2007 по делу № 32-Дп07-65, согласно которому О. осужден за кражу имущества Щ. и 8 эпизодов краж имущества потерпевших с проникновением в жилище, совершенные в период с июня по сентябрь 2003 г.¹⁴²

¹⁴¹ Собрание законодательства РФ. – 31.01.2000. – № 5. – Ст. 611.

¹⁴² Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Версия Проф. по состоянию на 01.07.2008.

В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора РФ указывает, что, приводя в соответствие с действующим на момент совершения преступлений уголовным законом действия О., президиум областного суда не учел положения ст. 16, 17 УК РФ (в редакции 13.06.1996). В связи с этим все эпизоды краж должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Проверив материалы уголовного дела, Судебная коллегия установила, что представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации не подлежит удовлетворению, и указала следующее: «В представлении предлагается действия О. по эпизоду хищения имущества Щ., квалифицированные органами следствия и судом по ч. 1 ст. 158 УК РФ, переквалифицировать на ч. 3 ст. 158 УК РФ. Однако с этим согласиться нельзя, поскольку, в соответствии с ч. 3 ст. 360, ст. 410 УПК РФ, суды кассационной и надзорной инстанций не вправе применить закон о более тяжком преступлении.

Несостоятельным является и довод о нарушении судом первой и вышестоящих инстанций требований ст. 10, 16 и ст. 17 УК РФ.

На момент совершения О. всех 9 краж действовали ст. 16 и ст. 17 УК РФ (в редакции Федерального закона № 63-ФЗ от 13.06.1996).

На момент предъявления О. обвинения и принятия судом решения ст. 16 УК РФ утратила силу. Поэтому действия О. по эпизоду хищения имущества Щ. правильно квалифицированы органами следствия и судом по ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Часть первая ст. 17 УК РФ, как в редакции Федерального закона № 63-ФЗ от 13.06.1996, так и в редакции от 08.12.2003, позволяла суду признать в действиях О. совокупность преступлений и назначить наказание по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ.

Иными словами, Верховный Суд РФ судебные решения по делу о краже имущества оставил без изменения, так как суд правомерно применил уголовный закон, действовавший на момент предъявления обвинения осужденному и принятия судом решения, и не признал наличие в действиях осужденного признака неоднократности, а также обоснованно признал в действиях виновного совокупность преступлений и назначил наказание по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ.

Данное решение с момента опубликования является стандартом (не в силу закона, а в силу структуры судопроизводства) для судов при рассмотрении аналогичных уголовных дел, но формально-юридически оно может признаваться только рекомендательным для правоприменителей. Это ненормативный источник правил квалификации преступлений.

В уголовно-правовой литературе нераскрытым остается вопрос о возможности признания мнения специалистов в области уголовного права источником правоприменительных правил квалификации преступлений.

На наш взгляд, получившие признание в научной сфере позиции ведущих специалистов в области квалификации уголовно-правовых деяний могут признаваться ненормативными источниками правил квалификации.

Проведенный нами опрос судей федеральных судов общей юрисдикции городского округа Самара показал, что при рассмотрении сложных уголовных дел, а также в случае пробельности действующего законодательства 53 % опрошенных судей обращаются к комментариям Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов и к научным трудам специалистов в данной сфере.

Значение правил квалификации преступлений, разработанных исследователями в области уголовного права, велико. На-

пример, положения, изложенные в фундаментальных трудах В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Б. А. Куринова, некоторых других ученых, на наш взгляд, можно считать правилами квалификации преступлений, однако данные правила носят рекомендательный характер и их несоблюдение не влечет правовых последствий.

Таким образом, *правоприменительные правила квалификации преступлений – это интерпретационные предписания в форме логически завершенных положений, изложенные в постановлениях Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ (обладающие свойством нормативности), опубликованной судебной практике (не обладающие свойством нормативности), которые уточняют смысл, порядок и условия реализации законодательных предписаний уголовного и уголовно-процессуального закона в связи с определением тождества выявленных обстоятельств акта общественно опасного поведения индивида и признаков состава преступления и уголовно-правовой оценки содеянного как преступления.*

Правила квалификации преступлений могут иметь как нормативный, так и ненормативный характер. Соответственно, ***правилами квалификации преступлений признаются нормативно-правовые и ненормативно-правовые предписания, которые регламентируют, во-первых, процесс соотнесения акта поведения индивида с составом преступления, во-вторых, порядок применения уголовного закона при процессуальном оформлении вывода о совершении лицом преступления.***

В доктрине уголовного права принято выделять виды правил квалификации преступлений.

Так, Л. Д. Гаухман выделяет общие, частные и единичные правила квалификации преступлений.

Общие правила квалификации преступлений – это, по сути, правовые принципы, закрепленные в УК РФ и Конституции РФ¹⁴³. Частные правила квалификации определяются этим автором как рекомендации по квалификации типичных случаев совершения преступления. Под единичными правилами квалификации Л. Д. Гаухман понимает индивидуальные особенности разграничения конкретных составов преступления, признавая, что их количество в силу этого может быть безграничным¹⁴⁴.

Представляется, что данная классификация не совсем соответствует природе правил квалификации преступлений.

Во-первых, автор уравнивал правила квалификации преступлений с принципами, что, на наш взгляд, недопустимо.

Во-вторых, при рассмотрении правил квалификации преступлений Л. Д. Гаухман необоснованно относит их к числу частных. Так, А. В. Корнеева заметила, что Л. Д. Гаухман неосновательно отнес правила квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм к частным правилам квалификации множественности преступлений¹⁴⁵.

Как уже отмечалось, В. Г. Шумихин предложил все правила квалификации преступлений в зависимости от их источников подразделить на две группы: нормативные правила и правила, не имеющие нормативного характера. Нормативные правила квалификации своим единственным источником имеют законодательство и содержатся в статьях Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ. Правила квалификации преступлений, не обладающие нормативным характером, содержатся

¹⁴³ Гаухман, Л. Д. Указ. соч. – М., 2001. – С. 269.

¹⁴⁴ Там же. – 272.

¹⁴⁵ Корнеева, А. В. Указ. соч. – С. 25; Рапог, А. И. Указ. соч. – С. 51.

в иных источниках: судебной практике и теории уголовного права¹⁴⁶.

Интересно, что Л. Д. Гаухман по принципу источника правил квалификации выделяет следующие их виды: носящие официальный (обязательный) характер и носящие неофициальный (доктринальный) характер¹⁴⁷.

Классифицируя правила квалификации преступлений, Р. А. Сабитов исходит из нескольких оснований классификации.

Автор выделяет правила квалификации преступлений в зависимости:

1) от количества преступлений (правила квалификации единичного преступления и множественности);

2) того, к какому элементу они относятся (объекту, объективной стороне, субъекту, субъективной стороне);

3) форм преступной деятельности (неоконченное преступление; преступление, совершенное в соучастии; множества преступлений)¹⁴⁸.

Представляется, что приведенная классификация правил квалификации преступлений несвободна от недостатков.

Показательно, что в этой классификации правила квалификации множественности преступлений относятся сразу к двум группам. Это положение нарушает системность классификации, поскольку, согласно традиционным признакам системы, каждый ее элемент обладает свойством, отличным от свойств другого элемента и системы в целом.

¹⁴⁶ Шумихин, В. Г. Указ. соч. – С. 19.

¹⁴⁷ Гаухман, Л. Д. Указ. соч. – С. 271.

¹⁴⁸ Сабитов, Р. А. Указ. соч. – С. 51.

¹⁴⁹ Корнеева, А. В. Указ. соч. – С. 26.

А. В. Корнеева при классификации правил квалификации преступлений ссылается на фундаментальные труды В. Н. Кудрявцева и Б. А. Куринова, указывая, что фактически выделяются общие правила квалификации преступлений, т. е. правила, относящиеся к оценке отдельного оконченного преступления, совершенного одним лицом, и специальные правила квалификации неоконченных преступлений, преступлений, совершенных в соучастии, множественности преступлений, правила квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм, правила, используемые при изменении квалификации преступлений¹⁴⁹.

На наш взгляд, основанием классификации правил квалификации преступлений должен являться конкретный уголовно-правовой институт.

Подобная классификация логична, соответствует понятию правил квалификации преступлений и отчасти уже применена законодателем в Уголовном кодексе РФ.

В литературе классификация по институтам обоснована В. Г. Шумихиным, в работе «Правила квалификации преступлений» (2003) В. Г. Шумихин предлагает выделять:

- 1) правила квалификации при множественности преступлений;
- 2) правила квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм;
- 3) правила квалификации при соучастии в преступлении;
- 4) правила квалификации при юридических и фактических ошибках;
- 5) правила изменения квалификации¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Шумихин, В. Г. Правила квалификации преступлений / В. Г. Шумихин. – М., 2003. – С. 14.

2.3. Содержательная характеристика правил квалификации преступлений разных видов

В уголовно-правовой литературе вопрос о содержании правил квалификации преступлений, их структуре является неразработанным. Обычно научные исследователи общую характеристику правил квалификации преступлений исчерпывают их сущностной характеристикой, определяют место правил квалификации в системе норм уголовного права.

Разделение правил квалификации на законодательные и правоприменительные имеет первичное значение для определения содержания правил квалификации преступлений.

Безусловно, вопрос о содержательной характеристике правил квалификации преступлений – это вопрос о содержательном определении правовых предписаний, и решаться он должен исходя из сущностной характеристики этих предписаний с учетом их источников.

Как отмечалось выше, под законодательным правовым предписанием в настоящем исследовании понимается сформулированное в УК РФ логически завершенное государственно-властное положение, не содержащее правил поведения. Законодательные уголовно-правовые правила квалификации преступлений относятся к предписаниям Общей части УК РФ, в структуре нормы они дополняют гипотезу, т. е. являются условием применения выраженного в норме правила поведения.

Необходимо рассматривать содержание правил квалификации преступлений через призму содержания предписания, которое мы считаем элементом уголовно-правовой нормы.

О. Э. Лейст отмечал, что в гипотезе нормы права содержатся указания на те условия, жизненные обстоятельства, при которых применяется правило поведения, приводится в движение правовая норма в целом, положено начало процессу реализации ее предписаний¹⁵¹.

М. Л. Давыдова пишет: «...Гипотеза нормы определяет не только обстоятельства возникновения правоотношений, но и указывает на тех лиц, которые выступают в качестве субъектов данных правоотношений. Таким образом, гипотеза закрепляет положения, являющиеся юридическими фактами, на основании которых права и обязанности, закрепленные в диспозиции, возникают, изменяются или прекращаются»¹⁵².

Т. В. Кленова в составе гипотезы выделяет общие и специальные обстоятельства, наличие которых обуславливает возможность применения данной нормы. К специальным условиям, по ее мнению, относятся условия применения одной правовой нормы, к общим – условия, входящие в содержание гипотез нескольких уголовно-правовых норм¹⁵³.

Гипотезы разных уголовно-правовых норм схожи и мало чем отличаются друг от друга. Общие для разных уголовно-правовых норм предписания об условиях применения формулируются в виде общих предписаний Общей части УК РФ¹⁵⁴. Это положение

¹⁵¹ Лейст, О. Э. Вопрос о структуре правовой нормы / О. Э. Лейст // Ученые записки ВЮОН. – Вып. 15. – М., 1962. – С. 9.

¹⁵² Давыдова, М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : защищена 12.10.2001 / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград, 2001. – С. 92.

¹⁵³ Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т. В. Кленова. – Самара : Самарский университет, 2001. – С. 158.

¹⁵⁴ Там же. – С. 94.

полностью относится и к правилам квалификации преступлений. Будучи условием применения запрещающей уголовно-правовой нормы, а также в силу типичности актов преступного поведения индивида, соответствующее правило не повторяется в каждой статье Особенной части УК РФ, а указано в Общей части и является условием применения любой уголовно-правовой нормы, указанной в Особенной части УК РФ.

Анализ статей, содержащихся в Общей части Уголовного кодекса РФ, позволил выделить следующие общие условия применения в процессе квалификации преступлений запрещающих уголовно-правовых норм, диспозиции которых выражены в статьях Особенной части УК РФ:

1) общие условия, характеризующие участника уголовно-правового отношения (ст. 19, 20 УК РФ – субъект преступления);

2) указание на разграничение преступного и не преступного (ч. 2 т. 14 УК РФ – малозначительность деяния, ст. 31 УК РФ – добровольный отказ лица от преступления, статьи главы 8 УК РФ);

3) правила выбора уголовного закона, подлежащего применению при квалификации, с учетом времени и места совершения преступления (статьи главы 2 УК РФ – действие уголовного закона во времени и в пространстве);

4) правила разграничения оконченного и неоконченного преступления (ст. 29, 30, 31 УК РФ);

5) условия разграничения единичного преступления и множественности преступлений (ст. 17 УК РФ – совокупность преступлений);

6) правила выбора конкурирующих норм (ст. 17 УК РФ – квалификация преступления при конкуренции общей и специальной нормы);

7) условия выбора нормы, подлежащей применению для соучастников с разными ролями в преступлении (статьи главы 7 УК РФ).

Возможно сочетание подобных условий, при этом как в альтернативном порядке (когда достаточно одного из множества возможных условий), так и в обязательном (когда есть два или более условий применения правовой нормы, которые законодатель считает обязательными).

Таким образом, законодательные правила квалификации преступлений являются правовыми предписаниями, выражающими гипотезу уголовно-правовой нормы, и содержат условия применения конкретной уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления.

Уголовно-правовая норма есть сложное образование, содержанием которого является не законодательный текст, а требуемое от адресатов нормы правило поведения¹⁵⁵. Содержание правового предписания о квалификации преступления составляет условие применения запрещающих норм, которые участвуют в механизме регулирования поведения индивидов – участников уголовно-правовых отношений. Адресатами законодательных правовых предписаний в форме правил квалификации преступлений являются и правоприменители, и физические лица. Правило поведения, являющееся содержанием законодательного правового предписания, носит обязывающий характер, т. е. возлагает определенные обязанности на субъектов уголовного правоотношения (как на государство в лице правоприменителя, так и на лицо, совершившее уголовно-правовое деяние).

¹⁵⁵ См. Кленова, Т. В. Указ. соч. – С. 150.

Как и правовая норма, правовое предписание является моделью взаимодействия субъектов уголовного правоотношения, но в силу того, что содержание правовой нормы шире, а правовое предписание выражает лишь элемент уголовно-правовой нормы, то нормативно-правовое предписание, в том числе и о квалификации преступления, – это веление элементарного характера.

Может возникнуть предположение, что при подобном определении содержания законодательного правового предписания происходит его сопоставление с правовой нормой как однопорядковым понятием. Правовое предписание хотя и выражает в тексте законодательного акта один из элементов правовой нормы, но не лишено регулятивной функции, и нужно признать, что правовое предписание участвует в определении прав и обязанностей и обеспечивает именно правовой характер того правила поведения, которое сообщается в норме. Иными словами, законодательные правила квалификации преступления, являясь правовыми предписаниями, выражающими гипотезу, т. е. условиями применения запрещающей уголовно-правовой нормы, сами представляют микромодель поведения индивидов, при этом совокупность этих моделей поведения, вкупе с иными элементами правовой нормы, составляет сложное содержание уголовно-правовой нормы.

Т. В. Кленова справедливо отмечает, что «уголовно-правовая норма всегда имеет сложное содержание. Она выражена в системе правовых предписаний Общей и Особенной частей УК РФ. Соотношение между правовым предписанием и правовой нормой определяется как соотношение части и целого. По форме правовые предписания представляют собой логически завершенные постановления, функционально связанные с определе-

нием структурной части уголовно-правовой нормы, изложенные в отдельной статье или части статьи кодекса»¹⁵⁶.

Отдельное правовое предписание, выраженное в форме одного предложения, не может передать всю глубину такого сложного образования, как правовая норма. Представляя собой систему правовых предписаний, правовая норма как идеал неделима, но в плоскости структуры законодательства возникает необходимость изложить содержание правовой нормы в виде отдельных суждений, каждое из которых вмещает лишь часть содержания правовой нормы. Поэтому отдельно взятое правовое предписание может выразить содержание лишь части правовой нормы.

Применение конкретного правила квалификации преступления зависит не только от содержания условия применения уголовно-правовой нормы, гипотезу которой выражает правило квалификации, но и от способа его изложения в тексте законодательного акта. Данное положение обусловлено логикой изложения законодательного материала, а также тем, что, в зависимости от выбора тех или иных приемов законодательной техники, содержание и смысловое значение правила квалификации преступления могут существенно различаться.

Правовое предписание находит свое выражение непосредственно в тексте законодательного акта, а правоприменитель воспринимает юридическую норму в вербальной форме, через слово.

В отечественной юридической науке структура формы законодательного предписания ставится в зависимость от того, какой

¹⁵⁶ Кленова, Т. В. Указ. соч. – С. 159.

элемент правовой нормы выражает это предписание¹⁵⁷. Однако представляется, что данное положение не предполагает возможности учета при законотворчестве разнообразия предписаний, относящихся к одному и тому же элементу нормы. Форма, в которую облекается содержание того или иного правового предписания, обусловлена в большем технической целесообразностью. Например, в действующем уголовном законе правила квалификации преступления облекаются в разные формы: в отдельную статью, в пункты и части статьи. При этом способы изложения законодательного материала в УК РФ подчинены множеству правил законодательной техники.

В юридической науке высказано мнение, что содержание правового предписания в нормативно-правовом акте представлено следующими характеристиками и элементами:

- 1) авторитет, способ действия и адресат;
- 2) адресат, мера (форма) поведения и соответствующий побудительный оператор;
- 3) прескриптивный характер высказывания, общее правило поведения и эксплицитно либо имплицитно подразумеваемая санкция;
- 4) характер отношения правоприменителя к адресату правового предписания¹⁵⁸.

¹⁵⁷ См., например: **Сырых, В. М.** Теория государства и права : учебник для вузов / В. М. Сырых. – М. : Былина, 1998. – С. 111.

¹⁵⁸ См., например: **Давыдова, М. Л.** Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : защищена 12.10.2001 / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград. 2001.

Из всего предложенного разнообразия элементов правового предписания представляется целесообразным выделить следующие.

1. *Адресат.* Адресатом законодательно определенных правил квалификации преступления выступают как субъекты, уполномоченные квалифицировать преступления, так и граждане. Безусловно, главным адресатом правил квалификации преступлений является правоприменитель. По содержанию законодательные правила квалификации преступления представляют собой обязательные правила, которые предписывают правоприменителям условия применения запрещающей уголовно-правовой нормы и опосредованно – формы поведения граждан.

Выше нами отмечено, что правовое предписание выступает микромоделю поведения субъектов правоотношения, при этом наличие адресата является обязательным атрибутом регулятивной функции предписания. Применительно к правилам квалификации преступления представляется, что их адресатами выступает как правоприменитель, так и граждане. В то же время Т. В. Кленова справедливо отмечает, что возможно выделение главного адресата правовой нормы: «Главный адресат правовой нормы любого вида определяется исходя из направленности требования, составляющего содержание его диспозиции»¹⁵⁹. Безусловно, главным адресатом правил квалификации преступлений выступает правоприменитель. Например, в п. 5 ст. 31 УК РФ прямо предписано: «Если действия организатора или подстрекателя, предусмотренные частью четвертой настоящей ста-

¹⁵⁹ **Кленова, Т. В.** Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – М., 1986. – С. 9.

ть, не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то предпринятые ими меры могут быть признаны судом смягчающими обстоятельствами при назначении наказания».

В то же время, поскольку правила квалификации не лишены функции регулирования общественных отношений, субъектами которых выступают и физические лица, и правоприменители, адресатами правил квалификации преступлений являются и физические лица. В вышеприведенном примере правила квалификации преступления при добровольном отказе следует признать, что это правило адресовано и гражданам, которые информируются, например, о том, каковы позитивные последствия добровольного отказа от совершения преступления соучастниками.

Адресаты правовых предписаний, в том числе и правил квалификации преступлений, в большинстве случаев воспринимают это предписание через текст. Д. В. Ходукин отмечает, что «лингвистический образ юридической нормы должен быть изложен в точной, ясной и доступной форме. Главным знаковым выразителем права являются тексты: тексты законодательных и индивидуальных актов, тексты документов юридической практики и т. п. Поэтому при создании юридического текста в первую очередь необходимо руководствоваться правилами законодательной лингвистики...»¹⁶⁰.

2. *Способ действия (мера поведения)*. По способу действия предписание о квалификации преступления является определенной микромоделью поведения как правоприменителя, которому предписывается, как необходимо квалифицировать

¹⁶⁰ Ходукин, Д. В. Указ. соч. – С. 143.

уголовно-правовое деяние, так и физических лиц, которым указывается, что при определенной форме поведения их действия будут оценены в соответствии с уголовным законом. Данный элемент обусловлен тем, что предписание о квалификации преступления является определенной микромоделью поведения как правоприменителя, которому предписывается, как необходимо квалифицировать уголовно-правовое деяние, так и физических лиц, которым указывается, что при определенной форме поведения их действия будут оценены в соответствии с уголовным законом.

3. Третий элемент правового предписания определен с использованием понятия, введенного в научный оборот Г. Т. Чернобелем, – *«соответствующий побудительный оператор»*¹⁶¹. Сущность данного элемента предписания состоит в наличии у предписания свойства обязательности. А. В. Мицкевич такой элемент с атрибутивной точки зрения назвал признаком неоднократности применения предписания и сохранения действия независимо от исполнения¹⁶².

Таким образом, законодательные правила квалификации преступления предписывают условия возможного применения запрещающей уголовно-правовой нормы (как общие, так

¹⁶¹ **Чернобель, Г. Т.** Структура норм права и механизм действия (логические аспекты) / Г. Т. Чернобель // Правоведение. – 1983. – № 6. – С. 41.

¹⁶² **Мицкевич, А. В.** Акты высших органов советского государства / А. В. Мицкевич // Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. – М., 1967. – С. 42.

и специальные): определение адресата, способа действия правоприменителя и формы поведения граждан при наличии соответствующего побудительного оператора.

В большинстве случаев законодатель избирает прямой способ изложения гипотезы. При этом предписание формулируется в виде простого суждения «если – то»¹⁶³. Например, в п. 5 ст. 31 УК РФ предусмотрено предписание об установлении преступности содеянного организатором и подстрекателем в условиях неудавшегося добровольного отказа. Это предписание гласит: «Если действия организатора или подстрекателя, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то принятые ими меры могут быть признаны судом смягчающими обстоятельствами при назначении наказания».

Представляется возможным выделить и такой способ изложения правила квалификации преступлений, при котором это правило (гипотеза) находится после диспозиции. Например, положение ч. 1 ст. 38 УК РФ: «Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер».

Отметим, что указанные выше положения о выражении правил квалификации преступлений относятся к законодательным правилам, т. е. тем, которые изложены в уголовном законе.

¹⁶³ **Давыдова, М. Л.** Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : защищена 12.10.2001 / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград, 2001. – С. 115.

Необходимо также решить вопрос о содержательной характеристике правоприменительных правил квалификации преступлений, прежде всего, правил, изложенных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Под правоприменительными правилами квалификации преступлений принято понимать интерпретационные предписания в форме логически завершенных положений, изложенные в постановлениях Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ (обладающие свойством нормативности), опубликованной судебной практике (не обладающие свойством нормативности), которые уточняют смысл, порядок и условия реализации законодательных предписаний уголовного и уголовно-процессуального закона в связи с определением тождества выявленных обстоятельств акта общественно опасного поведения индивида и признаков состава преступления и уголовно-правовой оценки содеянного как преступления.

Содержание правоприменительных правил квалификации преступлений вытекает из природы деятельности, в результате которой они образуются. Интерпретационная деятельность направлена не на установление новых правил поведения субъектов правовых отношений, а на обеспечение выполнения уже действующих законодательных предписаний. Интерпретацию нельзя признать правотворчеством, поэтому интерпретационные предписания (в том числе о квалификации преступления) не имеют самостоятельного значения и не могут применяться отдельно от положения, смысл, порядок и условия применения которого они объясняют.

Например, в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 (в ред. от 06.02.2010) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указано, что необходимо ограничивать убийство от умышленного причинения тяжкого

вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, имея в виду, что при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности.

Иными словами, данное интерпретационное предписание определяет условия применения ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Данное предписание состоит в прямой зависимости от положений указанных статей уголовного закона, и в случае декриминализации деяний, предусмотренных в этих статьях, интерпретационное предписание о квалификации этих деяний потеряет свое действие.

Интерпретационные предписания хотя и не имеют всех характеристик нормативно-правовых предписаний, а многие из них вообще не нормативные предписания (в силу свойств актов, в которых они находятся, и в силу того, что они являются результатом деятельности органов, не имеющих полномочий создавать право), но могут характеризоваться по тем же параметрам, что и правовые предписания, поскольку играют ту же роль – регламентируют правила квалификации преступлений.

1. *Адресат.* Адресатами интерпретационных предписаний также являются и правоприменитель, и граждане, однако предложенный Т. В. Кленовой «главный адресат» выражен в данных предписаниях более явно. Это связано со свойствами акта, в которые объединены интерпретационные предписания о квалификации преступлений, поскольку они непосредственно адресованы судебным органам. В ст. 126 Конституции РФ среди полномочий Верховного Суда РФ указано право дачи разъяснений по вопросам судебной практики. В то же время нельзя исключать и возможность физических лиц руководствоваться по-

ложениями постановлений Пленума Верховного Суда РФ, хотя обязательной силой для граждан эти акты не обладают. Однако в случае совершения преступления лицо вступает в уголовно-правовое отношение с государством. Данное отношение урегулировано нормами уголовного права, но применение конкретной правовой нормы невозможно без учета интерпретационных предписаний о квалификации, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, которые, как мы обосновывали выше, являются обязательными для судей. Таким образом, адресатами правоприменительных правил квалификации преступлений являются и правоприменители, и физические лица.

2. *Способ действия (мера поведения)*. Как и законодательные правила квалификации преступлений, правоприменительные предписания определяют правила уголовно-правовой оценки акта поведения индивида, однако эта модель поведения вторична по отношению к модели, определяемой нормативными предписаниями.

3. *Соответствующий побудительный оператор*. Данный элемент интерпретационных предписаний о квалификации преступлений сводится к обязательности правил квалификации преступлений, изложенных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, для нижестоящих судов.

Таким образом, правоприменительные правила квалификации преступлений, изложенные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, определяют порядок применения правовой нормы, а также условия уголовно-правовой оценки акта поведения индивида, которые заключаются в наличии адресата, способа действия правоприменителя и формы поведения граждан при наличии соответствующего побудительного оператора. Обя-

зательность таких предписаний ограничена сферой правоприменения.

Если обратиться к анализу интерпретационных предписаний о квалификации преступлений, нетрудно заметить, что они уточняют порядок и условия применения нормы, т. е., подобно нормативным предписаниям о квалификации преступлений, соотносятся с гипотезой нормы. Однако данные интерпретационные предписания в силу своей сущности не изменяют содержания структурных элементов правовой нормы, поэтому их содержание ограничивается логическим уточнением конкретной уголовно-правовой нормы в целях наиболее правильной и эффективной ее реализации.

А. В. Мадьярова иначе говорит о содержании и природе положений, содержащихся в постановлениях Пленума, и указывает: «...поскольку толкование уголовного закона связано с формулированием правил, во-первых, не выводимых с однозначностью из самого закона и, во-вторых, влияющих на определение преступности деяния и уголовной ответственности, то в ходе него создаются содержательно (нормативно) новые уголовно-правовые положения. При наделении этих правил обязательной юридической силой подобная дополнительная регламентация есть не что иное, как создание новых норм уголовного права»¹⁶⁴.

Иными словами, А. В. Мадьярова говорит о том, что по смыслу положения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, совпадают с уголовно-правовыми нормами.

¹⁶⁴ **Мадьярова, А. В.** Разъяснения Верховного Суда РФ в механизме уголовно-правового регулирования / А. В. Мадьярова. – СПб., 2002. – С. 157.

Позиция А. В. Мадьяровой представляется верной отчасти. Пленум Верховного Суда лишен права нормотворчества, а интерпретационное предписание не содержит всех качеств уголовно-правовой нормы в их совокупности. Обычно нормотворчество в уголовном праве понимается как установление преступности новых деяний и уголовной ответственности за них или иных мер уголовно-правового воздействия. Однако, согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ, уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий кодекс. То есть и по формальным основаниям положения, содержащиеся в постановлениях Пленума, не могут являться уголовно-правовыми нормами.

Другое дело, что Пленум Верховного Суда РФ дает основания для вывода не о легальном, но фактически судебном правотворчестве.

Как пишет Д. В. Ходукин, «...любое логическое развитие ранее сформулированного положения предполагает привлечение новых понятий, определений, методов сравнения, противопоставления и т. п., эти мыслительные операции вносят новизну в понимание рассматриваемого вопроса...»¹⁶⁵.

Таким образом, предписания о квалификации преступлений, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, носят двойственный характер: с одной стороны, это интерпретационные предписания, непосредственно не включенные в содержание законодательной уголовно-правовой нормы, это правила правоприменительной деятельности, с другой стороны, положе-

¹⁶⁵ Ходукин, Д. В. Указ. соч. – С. 124.

ния, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, – это новые уголовно-правовые положения.

К более подробному рассмотрению этого вопроса мы вернемся в следующей главе исследования.

Следует учитывать, что правоприменительные правила квалификации преступлений не ограничиваются интерпретационными предписаниями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Другой разновидностью интерпретационных предписаний являются казуальные предписания. Д. В. Ходукин определяет их как разъяснение смысла правовых норм, осуществляемое компетентными органами применительно к конкретным обстоятельствам рассматриваемого юридического дела и имеющее обязательное значение только для данного случая¹⁶⁶. Представляется, что в данном определении необоснованно ограничено казуальное интерпретационное предписание только уяснением смысла применяемой нормы в конкретном случае. На наш взгляд, казуальное интерпретационное предписание содержит, помимо положений о смысле применяемой правовой нормы, также положения о порядке и условиях ее применения. Именно в этом смысле некоторые казуальные интерпретационные предписания можно признать правилами квалификации преступлений, т. е. положениями, регламентирующими порядок и условия соотнесения акта поведения индивида с конкретным составом, предусмотренным в статье Особенной части УК РФ.

Содержание казуального интерпретационного предписания о квалификации преступления зависит от того, в каком акте это предписание содержится. Когда казуальные предписания о ква-

¹⁶⁶ Ходукин, Д. В. Указ. соч. – С. 126.

лификации преступлений содержатся в правоприменительных судебных актах, они будут составлять условия применения уголовно-правовой нормы, указание на конкретного адресата, а соответствующим побудительным оператором будет выступать обязательная сила судебного решения как для лица, в отношении которого оно вынесено, так и для суда, чье решение изменяется или отменяется при пересмотре вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

Однако казуальные интерпретационные предписания содержатся не только в правоприменительных актах судов. Как справедливо отмечает Д. В. Ходукин, в современной юридической практике казуальные интерпретационные предписания могут помещаться в отдельном правовом акте, который посвящен разъяснению смысла правовых норм и порядка их реализации применительно к конкретным обстоятельствам и персонально определенным лицам, – т. е. адресные предписания¹⁶⁷. Подобные предписания о квалификации преступлений могут находиться в указаниях должностных лиц по конкретному делу в адрес следственных органов. Содержанием данных предписаний являются условия и порядок применения уголовно-правовой нормы при уголовно-правовой оценке акта поведения индивида, адресатами которых являются исключительно субъекты правоприменения, определяется способ действия субъекта правоприменения при квалификации конкретного уголовно-правового деяния, а соответствующим побудительным оператором выступают контрольно-надзорные полномочия лица, издавшего предписание по отношению к субъекту его применения.

¹⁶⁷ Ходукин, Д. В. Указ. соч. – С. 127.

Казуальные предписания о квалификации преступлений имеют разовый и адресный характер, однако их значение обуславливается тем, что, оставаясь в рамках содержания интерпретируемого предписания, порядок реализации которого определяется, они выполняют функцию адаптации этого предписания к конкретному правоотношению. В правоприменительной практике казуальные предписания воспринимаются как рекомендательные для правоприменителей, имеющих в производстве подобные дела.

Объективным выражением законодательных правил квалификации выступает текст. Данное положение в полном объеме приемлемо и для правоприменительных правил квалификации. По мнению Д. В. Ходукина, на содержание интерпретационного предписания влияют некоторые характеристики и формы:

1. Если в самом правовом акте указано, в каком смысле нужно употреблять то или иное слово, его следует употреблять именно в этом (легальном) смысле.

2. Содержание казуальных интерпретационных предписаний зависит от положений законодательных предписаний и предписаний, содержащихся в актах вышестоящих инстанций.

Так, суды общей юрисдикции при определении незаконности использования авторских и смежных прав должны исходить из предписаний Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака»¹⁶⁸.

¹⁶⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7.

Таким образом, конкретное содержание правил квалификации преступлений зависит от их правовой природы, однако общим для законодательных и правоприменительных правил квалификации преступлений является то, что они предписывают условия применения нормы, содержат условия, регламентирующие применение нормы уголовного права при уголовно-правовой оценке акта поведения индивида, при этом каждое правило квалификации преступлений является микромоделью поведения участников уголовно-правового отношения.

ГЛАВА 3

Правила квалификации преступлений в механизме правового регулирования

3.1. Роль закона в регламентации процесса квалификации преступлений

120

Правотворчество – это деятельность уполномоченных субъектов по изданию, переработке и отмене нормативно-правовых актов, представляющая собой процедуру закрепления норм и принципов естественного права, социальных потребностей и интересов граждан в нормативно-правовом акте¹⁶⁹.

Уголовное правотворчество имеет свои особенности, связанные со спецификой реализации уголовного закона. Уголовное правотворчество реализуется в законе, основываясь на предварительных теоретических выводах, корректировании судебной

¹⁶⁹ Теория государства и права (схемы и комментарии) : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р. А. Ромашова. – СПб. : Издательский дом «Сентябрь», 2000. – С. 111.

практики, предложениях и проектах, его предваряет постепенное накопление научных данных, длительное обсуждение возможных изменений¹⁷⁰.

Результатом правотворчества являются нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, применяемые в процессе квалификации преступлений. Как уже отмечалось, источниками законодательных предписаний о квалификации преступлений являются УК РФ и УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 УК РФ, уголовное законодательство состоит из настоящего кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий кодекс. Таким образом, исходя из положений ч. 1 ст. 1 УК РФ, нормы уголовно-правового характера содержатся только в этом уголовном законе.

Вместе с тем в ч. 2 той же статьи УК РФ круг источников уголовно-правовых норм расширяется: «Настоящий кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права».

Конституция РФ 1993 г. содержит ряд положений, имеющих уголовно-правовое значение, в том числе для процесса квалификации уголовно-правовых деяний. Например, согласно ч. 2 ст. 54 Основного закона, никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон. Или: в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ запрещается повторное осуждение за одно и то же преступление.

¹⁷⁰ **Мадьярова, А. В.** Указ. соч. – С. 317.

К нормам Конституции РФ, регламентирующим процесс квалификации преступлений, также относятся положения ст. 49 Основного закона (неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого); ч. 1 ст. 54 (закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет). Отдельные положения Конституции РФ оказывают влияние на квалификацию преступления опосредованно.

Изучение уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции Самарской области и Республики Татарстан в 2005–2008 гг., и опрос судей показали, что в 14 % приговоров по уголовным делам суды принимают решения, руководствуясь принципами-правилами, определенными в Конституции РФ, а в 3 % приговоров прямо указывают статью Конституции РФ, обосновывая квалификацию преступления.

Так, решением Октябрьского районного суда г. Самара К.-А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 УК РФ. При этом суд в приговоре указал следующее: «Анализируя собранные по делу доказательства, суд находит вину подсудимого установленной и доказанной. Действия К.-А. органами предварительного следствия правильно квалифицированы по ч. 2 ст. 146 УК РФ (по двум эпизодам) как незаконное использование объектов авторского права в крупном размере. В судебном заседании достоверно установлено, что К.-А., являясь генеральным директором ООО «Н. Г. "С"», в обозначенные выше периоды времени (по двум эпизодам), *в нарушение ч. 1 ст. 44 Конституции РФ* (курсив наш. – И. Н.), допустил незаконное, без соответствующего разрешения правообладателя приобретение обозначенным обществом указанного выше нелицензионного программного обеспечения, его последующую установку на компьютеры ООО «Н. Г. "С"» и использование в дея-

тельности обозначенного общества, причинив своими действиями правообладателям указанного программного обеспечения ущерб в крупном размере»¹⁷¹.

Другим источником норм уголовного правотворчества, регламентирующим процесс квалификации, являются международные договоры и отдельные нормы международного права. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 11 УК РФ, лицо, совершившее преступление на судне, приписанном к порту Российской Федерации, находящемся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Таким образом, уголовный закон содержит указание на то, что правила квалификации деяний лица, совершившего преступление на судне, находящемся вне пределов РФ, могут определяться с учетом международных договоров.

В соответствии со ст. 360 УК РФ, нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет. Однако закон не содержит определения лица, пользующегося международной защитой. Поэтому квалификация преступления, предусмотренного ст. 360 УК РФ, не может быть осуществлена только на основании

¹⁷¹ Архив Октябрьского районного суда города Самара. Дело № 1-29/13. 2013.

положений уголовного закона. Поэтому подлежат применению нормы международного права. В соответствии со ст. 1 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (14 декабря 1973 г.), лицом, пользующимся международной защитой, признается:

а) глава государства, в том числе каждый член коллегиального органа, выполняющего функции главы государства согласно конституции соответствующего государства, или глава правительства, или министр иностранных дел, находящийся в иностранном государстве, а также сопровождающие его члены семьи;

б) любой представитель государства, или должностное лицо государства, или иной агент межправительственной международной организации, а также проживающие с ним члены его семьи во время нахождения их в иностранном государстве¹⁷².

Однако основным и непосредственным источником правил квалификации преступлений является Уголовный кодекс РФ.

А. В. Корнеева права, утверждая, что «определение квалификации преступлений как установления и юридического закрепления тождества юридически значимых признаков реально совершенного деяния с признаками состава преступления этого вида, закрепленными в норме Уголовного кодекса, предопределяет значение уголовного закона как правовой основы квалификации преступлений»¹⁷³.

¹⁷² См.: Международное право в документах. – М., 1997. – С. 310–314.

¹⁷³ Корнеева, А. В. Указ. соч. – С.30.

Необходимо отметить, что нормы уголовного закона, применяемые в процессе квалификации уголовно-правового деяния, характеризуются разнородностью. Одни применяются со ссылкой на них при определении вывода о квалификации преступлений и в процессуальных документах, другие применяются без специального указания на то.

Уголовный закон состоит из Общей и Особенной частей. Общая часть уголовного закона содержит общие положения, применяемые при квалификации любого преступления. Особенная часть – это совокупность норм, определяющих перечень и описание признаков конкретных видов преступлений с указанием санкции за совершение этих преступлений.

Общая и Особенная части взаимосвязаны и неразрывны, однако в процессе квалификации нормы каждой части играют особые роли.

В. Н. Кудрявцев указывал, что квалифицировать – «значит выбрать ту правовую норму, которая предусматривает данный случай, иными словами – подвести этот случай под некоторое общее правило»¹⁷⁴.

Содержание этого общего правила в первую очередь определяется признаками, которые образуют состав преступления. В основном составы преступлений определяются в Особенной части УК РФ. Однако в Особенной части УК РФ указаны составы оконченных преступлений и преступлений, совершенных исполнителями. Для квалификации преступлений неоконченных или совершенных не исполнителями, а другими соучастниками необходимы применение и ссылка на положения Общей и Особен-

¹⁷⁴ Кудрявцев, В. Н. Указ. соч. – С. 7.

ной частей одновременно, поскольку соответствующие общие составы предусмотрены в ст. 30 и 33 УК РФ.

Представляется, что нормы Общей части УК РФ участвуют в процессе квалификации не только при уголовно-правовой оценке неоконченных деяний или деяний, совершенных в соучастии. Нормы Общей части УК РФ применяются при квалификации любых преступлений, при любом случае применения норм уголовного права, даже если ссылка на это не делается в выводе о квалификации преступления.

Так, в ст. 14 УК РФ содержится определение преступления. Без учета положений этой статьи применение любой нормы уголовного права невозможно.

В связи со сказанным считаем неоправданно узкой позицию В. П. Малкова, который указывает, что нормы Общей части УК РФ при квалификации используются (указываются) лишь в тех случаях, когда они уточняют характер преступной деятельности лишь по сравнению с той деятельностью, которая описана в норме Особенной части¹⁷⁵.

Проведенный нами анализ 440 уголовных дел, рассмотренных федеральными судами общей юрисдикции Самарской области и республики Татарстан в 2013–2015 гг., показал, что доля уголовных дел, в процессуальных решениях по которым имеется ссылка на нормы Общей части при квалификации преступлений, составила 34 %. По данным опроса следователей Управления Следственного Комитета при Генеральной прокуратуре по Самарской области можно судить, что не все правоприменители адекватно оценивают значение правил Общей части УК РФ для

¹⁷⁵ **Малков, В. П.** Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / В. П. Малков. – Казань, 2006. – С. 76.

квалификации. 71 % практических работников считают, что квалификация преступлений осуществляется путем применения норм Особенной части УК РФ и лишь в случае необходимости применяются нормы Общей части УК РФ.

Известно, что ограниченное представление о законодательном определении содержания норм, применяемых при квалификации преступлений, связано с упрощенным толкованием понятия «квалификация преступления». Так, на вопрос о том, как вы определяете квалификацию преступлений, 37 % опрошенных практических работников следственных органов МВД и Прокуратуры РФ затруднились ответить. Иные практические работники сводят квалификацию к подбору необходимой нормы в статьях Особенной части УК РФ. В то же время опрос показал, что большинство правоприменителей считают целесообразным сначала решить вопрос о том, является ли акт поведения индивида преступным и существуют ли основания для привлечения лица к уголовной ответственности, а уже потом осуществлять поиск уголовно-правовой нормы для квалификации преступления.

Таким образом, правовая основа квалификации преступлений – уголовный закон. Уголовный закон (УК РФ) содержит исчерпывающий перечень деяний, именуемых преступлениями, а также регламентирует общие предписания, необходимые для квалификации преступления. Уголовный закон должен системно применяться при квалификации преступлений. Уголовный закон должен быть вступившим в силу и не отмененным на момент совершения преступления. Применение по аналогии не допускается¹⁷⁶.

¹⁷⁶ **Кадников, Н. Г.** Квалификация преступлений (теория и практика) : учеб. пособие / Н. Г. Кадников. – М., 1999. – С. 7.

Источники норм квалификации преступлений дополняются теми законами и другими нормативно-правовыми актами, к которым отсылают правоприменителя бланкетно выраженные нормы уголовного закона.

Значение бланкетно определенных предписаний состоит в том, что законодатель в силу тех или иных причин не раскрыл все признаки уголовно-правового деяния в уголовном законе и его квалификация возможна с учетом одновременно положений уголовного закона и другого нормативно-правового акта. Подобные положения участвуют в определении и противоправности деяния, и его наказуемости.

Например, в соответствии с ч. 1 ст. 228 УК РФ, незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном размере наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Однако уголовный закон не определяет понятия наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (иными словами, не определяет предмет преступления), а указывает, что крупный и особо крупный размер наркотических средств и психотропных веществ для целей ст. 228, а также ст. 228.1 и 229 Уголовного кодекса утверждаются Правительством Российской Федерации. Данные криминообразующие признаки определены в Постановлении Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 (ред. от 12.10.2015) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного раз-

меров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁷⁷.

Таким образом, положения нормативно-правовых актов, к которым отсылают бланкетные диспозиции уголовного закона, также являются источником уголовного права (еще одно исключение из положений ст. 1, 3 УК РФ) и непосредственно применяются при квалификации уголовно-правовых деяний.

Анализ уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 264 УК РФ, показал, что во всех случаях квалификации преступлений по указанной статье суды применяют положения Постановления Совета министров – Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О правилах дорожного движения».

Так, Ленинским районным судом г. Самара Т. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, при следующих обстоятельствах. 24.09.2006 примерно в 13 часов, управляя на основании доверенности простой письменной формы технически исправным автомобилем ВАЗ-21140, принадлежащим Т., осуществляя движение задним ходом по территории сквера, нарушил п. 8.12. *Правил дорожного движения РФ* (курсив наш. – И. Н.), в соответствии с которыми движение задним ходом разрешается при условии, что

¹⁷⁷ URL : <http://www.consultant.ru/search/?q=%>. Дата обращения 01.10.2015.

¹⁷⁸ Архив Ленинского районного суда города Самара. Дело № 1-143. 2014.

маневр будет безопасен и не создаст помех другим участникам движения, при необходимости водитель должен прибегнуть к помощи других лиц. Гражданин Т. не выполнил указанных требований и начал движение задним ходом, не убедившись в безопасности своего маневра, не прибегнул к помощи посторонних лиц, в результате чего допустил наезд на пешехода Д., переходившую территорию сквера справа налево по ходу движения автомашины... Действия Т. правильно квалифицированы по ч. 2 ст. 264 УК РФ как нарушение лицом, управляющим автомобилем, Правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека¹⁷⁸.

Представляется правильным мнение Н. Ф. Кузнецовой о том, что «при квалификации преступлений по бланкетным нормам первое условие ее правильности – установление федерального статуса нормы, к которой отсылает УК. Последний, согласно Конституции, относится к системе федерального законодательства»¹⁷⁹.

Представляется, что зависимость уголовного закона от бланкетно применяемых правовых актов не всегда характеризуется положительно. Н. Ф. Кузнецова отмечает, что «нестабильность бланкетного законодательства не способствует минимизации квалификационных ошибок. Например, четыре части бланкетной статьи 222 УК о незаконном обороте оружия изменялись в 1998, 2003 и 2004 гг. ввиду изменений ФЗ "Об оружии". Криминологическая обоснованность изменения УК при этом не усматривается»¹⁸⁰.

¹⁷⁹ Кузнецова, Н. Ф. Указ. соч. – С. 108.

¹⁸⁰ Там же. – С. 112.

Признанным законодательным источником норм, регламентирующим процесс квалификации уголовно-правовых деяний, является Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В. Г. Шумихин указывает, что «взаимосвязь уголовного права и уголовного процесса неразрывна. Применение норм уголовного права без одновременного применения норм уголовно-процессуального права невозможно»¹⁸¹.

Действительно, только одновременное применение норм уголовного и уголовно-процессуального права обеспечивает возможность реализации «главного» отношения в публичной сфере правового регулирования – отношения между государством и лицом, совершившим уголовно-правовое деяние.

Выше нами обосновывался тезис об уголовно-правовой природе квалификации преступлений. Отметим, что квалификация преступлений является основной формой реализации уголовного права, как «логический, мыслительный процесс квалификация органично включена в процесс уголовно-правового познания»¹⁸².

Если говорить о включенности процесса квалификации в уголовно-процессуальное познание, представляется верным признать, что процессуальной квинтэссенцией квалификации в рамках уголовного процесса является оценка доказательств.

Оценка доказательств представляет собой мыслительную деятельность следователя, прокурора, судьи, которая состоит в том, что они, руководствуясь законом и правосознанием,

¹⁸¹ Шумихин, В. Г. Указ. соч. – С. 8.

¹⁸² Там же. – С. 9.

рассматривают по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств, определяя их относимость, допустимость, достоверность и достаточность выводов по делу¹⁸³.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- 8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

¹⁸³ Шумихин, В. Г. Указ. соч. – С. 9.

Подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Иными словами, УПК РФ предписывает, что по уголовному делу необходимо установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, большинство которых отражены в признаках состава преступления.

Состав преступления является юридической основой квалификации, т. е. в процессе доказывания устанавливаются обстоятельства, которые являются основой квалификации уголовно-правового деяния.

Представляется, что связь квалификации преступления и уголовно-процессуальной оценки доказательств реализуется в определении относимости доказательств. При оценке доказательств правоприменитель должен определить, какие уголовно-правовые значимые признаки преступления подлежат доказыванию, установить фактические обстоятельства дела, их тождество признакам состава преступления.

В связи с изложенным представляется неудачной редакция ст. 73 УПК РФ. Связь уголовного права и уголовного процесса должна прослеживаться не только в единстве целей и задач, но и в общности понятий и конструкций, а значит, в ст. 73 УПК РФ должна применяться терминология, разработанная в уголовно-правовом учении о составе преступления.

Так, согласно ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. Соответственно, первое, что должно быть включено в предмет доказывания, это наличие в деянии преступника всех признаков состава преступления.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, определенный в ст. 73 УПК РФ, содержит указания на отдельные

элементы состава преступления (объективная сторона (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ; п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ); субъективная сторона (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ); субъект преступления (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ)). Осталось неясным, подлежит ли в соответствии с УПК РФ установлению, каким именно уголовно-охраняемым объектам угрожал или причинил вред преступник и является ли лицо субъектом уголовной ответственности вообще. УПК говорит лишь о необходимости установления обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, и обстоятельств, характеризующих личность виновного. В ст. 73 УПК РФ о признаках общего и специального субъекта речи не идет.

Представляется целесообразным с учетом уголовно-правовых представлений о квалификации преступлений изложить ст. 73 УПК РФ в следующей редакции:

134

«Статья 73. Обстоятельства, подлежащие доказыванию

1. При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию:

- 1) наличие в действиях (бездействии) обвиняемого признаков состава преступления;
- 2) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 3) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 4) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- 5) характер и размер вреда, причиненного потерпевшему;
- 6) наличие имущества, подлежащего конфискации.

2. Подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления».

Соответствующие изменения необходимы и в ст. 299 УПК РФ «Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора».

Отметим, что редакция ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР¹⁸⁴ позволяла рассматривать состав преступления как обстоятельство, подлежащее доказыванию.

Говоря о нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ, участвующих в процессе квалификации, необходимо отметить, что только эти нормы определяют субъектов официальной квалификации. К таким субъектам уголовно-процессуальный закон относит прокурора (ст. 37 УПК РФ), следователя (ст. 38 УПК РФ), руководителя следственного органа (ст. 39 УПК РФ), начальника подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ), дознавателя (ст. 41 УПК РФ), суд (ст. 29 УПК РФ).

Выше при определении квалификации нами было отмечено, что квалификация преступлений рассматривается в двух аспектах – как процесс и как процессуально оформленный вывод о тождестве акта поведения индивида и признаков конкретного состава преступления.

В. Г. Шумихин указывает, что «официальная квалификация преступлений как уголовно-процессуальное решение представляет собой частное решение. Частное (вспомогательное) решение является слагаемым итогового решения»¹⁸⁵.

Представляется, что автор подменяет понятие «вывод о тождестве» понятием «решение». Квалификация как процессуально оформленный вывод о виде совершенного преступления является атрибутом любого процессуального решения.

Отметим, что частные процессуальные решения – это решения, касающиеся отдельных этапов, элементов уголовного судопроизводства; итоговое процессуальное решение – окончательное решение по уголовному делу.

¹⁸⁴ Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

¹⁸⁵ **Шумихин, В. Г.** Указ. соч. – С.13.

Квалификация преступления содержится как в первых, так и во вторых процессуальных решениях, иными словами, все процессуальные решения основываются на выводе о тождестве акта поведения индивида и признаков конкретного состава преступления.

Таким образом, квалификация преступлений не является процессуальным решением, а с точки зрения уголовного процесса, является элементом процессуальных решений (как частных, так и итоговых). Это еще раз подтверждает уголовно-правовой характер квалификации преступлений.

Данный тезис подтверждает законодатель. Так, согласно ч. 2 ст. 146 УПК РФ, в постановлении о возбуждении уголовного дела указываются, в том числе, пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, на основании которых возбуждается уголовное дело.

136

Иными словами, для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела необходимо деяние квалифицировать, т. е. определить норму уголовного закона, предусматривающую ответственность за данное деяние. Поэтому квалификация предваряет принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

Отметим, что далее В. Г. Шумихин указывает обратное: «Уголовно-процессуальное законодательство России относит вопросы квалификации преступлений к *основным* (курсив наш. – И. Н.) процессуальным решениям на всех стадиях уголовного процесса»¹⁸⁶.

Нормы УПК РФ определяют основания для изменения квалификации уголовно-правового деяния. Так, в соответствии со

¹⁸⁶ Шумихин, В. Г. Указ. соч. – С. 14.

ст. 369 УПК РФ, основаниями отмены или изменения приговора суда первой инстанции и постановления нового приговора являются:

- 1) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом апелляционной инстанции;
- 2) нарушение уголовно-процессуального закона;
- 3) неправильное применение уголовного закона;
- 4) несправедливость назначенного наказания.

В то же время в ст. 379 УПК сразу три пункта (пп. 1, 3 и 4) могут быть отнесены к неправильной квалификации. Однако содержание понятия «несправедливость», указанного в ст. 383 УПК РФ, определяется законодателем уже.

Статья 382 УПК РФ разъясняет, что неправильным применением уголовного закона являются:

- 1) *нарушение требований Общей части Уголовного Кодекса Российской Федерации;*
- 2) *применение не той статьи или не тех пункта и (или) части статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, которые подлежали применению* (курсив наш. – И. Н.);
- 3) назначение наказания более строгого, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, неправильная квалификация уголовно-правового деяния является основанием изменения или отмены приговора, наряду с другими основаниями, указанными в законе (ст. 379 УПК РФ).

Более того, УПК РФ содержит нормы, регламентирующие порядок изменения квалификации содеянного. В соответствии со ст. 387 УПК РФ, в случае неправильного применения уголовного закона суд кассационной инстанции вправе применить

к осужденному уголовный закон о менее тяжком преступлении и снизить наказание в соответствии с измененной квалификацией содеянного. При этом суд кассационной инстанции не вправе применить уголовный закон о более тяжком преступлении или усилить назначенное наказание. Данным положением подтверждается ранее высказанный нами довод о значении правильной квалификации.

Отметим, что нормы, регламентирующие процесс квалификации уголовно-правовых деяний, динамичны, одной из причин их развития является практика применения уголовного закона.

3.2. Правоприменительная деятельность как источник правил квалификации преступлений. Судейское усмотрение и квалификация преступлений

138

Правоприменение в общей теории права называется способом реализации правовых норм. Так, Р. А. Ромашов под применением права понимает осуществляемую в специально установленных законом формах государственно-властную, организующую деятельность компетентных органов по реализации норм права в конкретном случае и вынесение актов применения права (индивидуально-правовых актов)¹⁸⁷.

¹⁸⁷ Теория государства и права (схемы и комментарии) : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р. А. Ромашова. – СПб. : Издательский дом «Сентябрь», 2000. – С. 141.

Правоприменительная деятельность является одним из условий нормального существования общества и государства. Сущность правоприменения состоит в претворении правовых норм в жизнь – установлении конкретной жизненной ситуации, юридической нормы, подлежащей применению, и соответствия этой ситуации обнаруженной норме.

Напомним, что в рамках главы 1 настоящей работы нами предложено следующее определение квалификации преступлений: *квалификация преступлений – это деятельность правоприменителя с использованием приемов формальной логики, направленная на проверку тождества выявленных обстоятельств акта общественно опасного поведения индивида и признаков состава преступления, результат которой формализуется в уголовно-процессуальных документах в виде оценки установленного акта поведения индивида как преступления определенного вида со ссылкой на статьи Уголовного кодекса.*

Нетрудно заметить, что приведенное нами определение квалификации преступлений очень близко к традиционному пониманию правоприменения. В юридической доктрине существует вполне обоснованное мнение, что правовая квалификация является частью правоприменения. Такого мнения придерживаются, например, С. С. Алексеев¹⁸⁸, А. В. Малько¹⁸⁹, В. В. Лазарев¹⁹⁰.

Ряд ученых же считают, что правовая квалификация не является частью правоприменения.

¹⁸⁸ **Алексеев, С. С.** Теория права / С. С. Алексеев. – Изд. 2-е. – М., 1995. – С. 234.

¹⁸⁹ **Малько, А. В.** Современная российская правовая политика и правовая жизнь / А. В. Малько. – М. – С. 23.

¹⁹⁰ Теория права и государства / под ред. Г. П. Манова. – М., 1996. – С. 210.

Анализ юридической литературы позволяет выделить три позиции по вопросу о соотношении квалификации и правоприменения.

Первая. Квалификация признается разновидностью правоприменения. Если рассмотреть квалификацию преступлений в этом аспекте, то нетрудно заметить, что квалификацией следует признать применение одного вида норм уголовного права – запрещающего характера.

Вторая. Юридическая квалификация рассматривается как элемент правоприменения. «Правоприменение есть претворение правовых норм в жизнь, а правовая квалификация, как часть его, предполагает оценку деяний и событий с точки зрения права»¹⁹¹.

Третья. Квалификация понимается как этап правоприменения. Так, Г. П. Манов пишет: «То обстоятельство, что правовая квалификация является частью правоприменения, доказывается фактом наличия иных частей указанного целого, предположим, применения мер государственного принуждения в отношении правонарушителя, т. е. индивидуализации юридической ответственности»¹⁹².

Представляется верным рассматривать квалификацию в двух аспектах – как этап правоприменения и как его вид. Действительно, выделение этапов правоприменения неизбежно приводит к необходимости выделения этапа, связанного с поиском и обоснованным выбором нормы, подлежащей применению в конкретном юридическом случае. Будучи этапом правоприменения, правовая квалификация может сама в себе заключать

¹⁹¹ Теория права и государства / под ред. Г. П. Манова. – М., 1996. – С. 49.

¹⁹² Там же. – С. 46.

весь процесс правоприменения, когда применение конкретной нормы сводится к оценке уголовно-правового или иного деяния, и может повлечь другие этапы, например, для запрещающей нормы это этап назначения наказания. Вместе с тем нельзя признавать квалификацию элементом или частью правоприменения, поскольку с учетом фундаментальных признаков системы элемент системы не может обладать всеми признаками системы.

Ряд ученых говорят о том, что квалификация преступления неразрывно связана с применением наказания и, с точки зрения правоприменения, – с индивидуализацией юридической ответственности. А. А. Иванов пишет, что индивидуализация юридической ответственности – это требование строгого и точного учета характера и степени общественной опасности совершенного правонарушения, особенностей личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность¹⁹³.

Данная точка зрения является неверной. Правовая квалификация может рассматриваться как вид правоприменения без обязательной индивидуализации ответственности правонарушителя. Общеизвестно, что количество совершенных преступлений на территории Российской Федерации превышает в разы количество преступлений, уголовные дела по которым переданы в суд. Для правонарушителя, который не установлен, такой элемент правоприменения, как индивидуализация правовой ответственности, исключен, однако его деяние определенным образом квалифицировано, ему дана соответствующая правовая оценка при возбуждении уголовного дела.

¹⁹³ **Иванов, А. А.** Цель юридической ответственности, ее функции и принципы / А. А. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 70.

Таким образом, правовую квалификацию, в том числе и квалификацию преступлений, можно рассматривать как этап правоприменения и как его специальный вид, связанный с применением запрещающих уголовно-правовых норм, когда акт общественно опасного поведения индивида оценивается как преступление.

Правоприменительный акт – неперенный элемент правоприменительной деятельности.

Нормы правоприменительной деятельности обладают «эффектом бумеранга». Являясь результатом правоприменения, они, будучи облечены в форму правоприменительного акта, оказывают воздействие на процесс дальнейшего правоприменения, а в отдельных случаях и правотворчества. Именно в этом смысле некоторые ученые говорят о сходстве, а иногда и о тождестве правоприменения и правотворчества.

В. Е. Севрюгин указывает, что в рамках действующего административного законодательства правовая квалификация включена в закон. Иными словами, в процессе правотворчества конкретный юридический случай подлежит правовой оценке, т. е. происходит квалификация административных проступков в законе¹⁹⁴.

На наш взгляд, указанная выше позиция неверна. Действительно, в процессе правотворчества происходит определение признаков и свойств, позволяющих отграничить правомерное поведение от неправомерного. Однако объективным выражением правотворчества является нормативно-правовой акт, а правоприменения – акт правоприменения. При этом в процессе

¹⁹⁴ **Севрюгин, В. Е.** Современная административно-правовая доктрина проступка и отраслевой теории права / В. Е. Севрюгин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2002. – № 4. – С. 148–149.

правотворчества происходит оценка идеального деяния, а правоприменение претворяется в жизнь только при существовании конкретного юридического случая.

В. В. Лазарев по этому поводу пишет: «Правоприменение – это решение конкретного дела, жизненного случая, определенной правовой ситуации. Это приложение закона, общих норм к конкретным лицам, конкретным обстоятельствам»¹⁹⁵.

Однако нужно признать, что правоприменение является необходимой предпосылкой правотворчества, поскольку именно правоприменение определяет целесообразность принятия норм и вектор дальнейшего развития правотворчества.

Таким образом, правоприменение (в том числе правовая квалификация) и правотворчество – это взаимосвязанные, но разнопорядковые понятия.

Чтобы решить вопрос об участии конкретных норм правоприменительной деятельности в процессе квалификации уголовно-правовых деяний, необходимо конкретизировать акты правоприменения и субъектов правоприменения для квалификации.

Р. А. Ромашов определяет акт правоприменения как официальный правовой документ, содержащий индивидуальное властное предписание компетентного органа, которое выносится им в результате конкретного юридического дела и обеспечивается принудительной силой государства¹⁹⁶.

¹⁹⁵ **Лазарев, В. В.** Некоторые спорные вопросы теории и практики конституционного правосудия / В. В. Лазарев // Вестник Конституционного Суда. – 1997. – № 3. – С. 56.

¹⁹⁶ Теория государства и права (схемы и комментарии) : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Ромашова. – СПб. : Издательский дом «Сентябрь», 2000. – С. 143.

Этот автор выделяет следующие признаки акта применения права:

- 1) не содержит норм права;
- 2) не является источником права;
- 3) носит индивидуальный характер;
- 4) рассчитан на однократное применение.

Исходя из указанных выше признаков, к актам правоприменения, содержащим нормы правоприменительной деятельности и участвующим в процессе квалификации преступлений, относятся акты правоприменения органов следствия и дознания (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о прекращении уголовного преследования, обвинительный акт, обвинительное заключение и др.) и решения судов разных инстанций по уголовным делам. Представляется, что Р. А. Ромашов узко определил круг правовых документов, относящихся к актам правоприменения. Так, данным автором не учтены исключения – постановления Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, которые являются актами правоприменения, но обладают свойством нормативности.

Вопрос о субъектах правоприменения, по нашему мнению, необходимо рассмотреть в двух аспектах.

Во-первых, представляется, что субъектами правоприменения являются и государственные органы, и граждане. В этом смысле полагаем оправданным мнение Г. Ф. Шершеневича, который указывал, что нормы права применяются всеми, «кто стремится сообразовать свои действия с указанием права»¹⁹⁷.

Действительно, представляется, что возможностью применения права обладают и граждане, поскольку каждый из них

¹⁹⁷ **Хропанюк, В. Н.** Теория государства и права : хрестоматия / В. Н. Хропанюк ; под ред. Т. Н. Радько. – М., 2000. – С. 567.

может соотнести свое поведение с нормами права. Именно поэтому нами признается существование неофициальной квалификации. Однако правовое значение имеет правоприменительная деятельность лиц, обладающих соответствующими полномочиями, поскольку нормы правоприменительной деятельности могут содержаться только в актах правоприменения, а граждане не могут принимать такие акты.

Во-вторых, необходимо решить вопрос о том, нормы правоприменительной деятельности каких уполномоченных субъектов участвуют в процессе квалификации преступлений.

Официальная квалификация преступлений проводится только лицами, уполномоченными на это уголовно-процессуальным законодательством. К этим лицам закон относит судью, прокурора, следователя и дознавателя, осуществляющих квалификацию преступлений по конкретным уголовным делам¹⁹⁸.

УПК РФ в редакции от 02.10.2007 называет субъектами квалификации следующих должностных лиц.

1. *Прокурор*. Так, согласно п. 15 ст. 37 УПК, прокурор вправе возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения или обвинительного акта и устранения выявленных недостатков.

2. *Следователь*. Согласно ст. 38 УПК РФ, следователь вправе возбуждать уголовные дела (а значит, давать первичную квалификацию деяния).

¹⁹⁸ **Шумихин, В. Г.** Нормативные правила квалификации преступлений / В. Г. Шумихин. – Пермь : Изд-во Пермского государственного университета. – 2004. – С. 12.

3. *Руководитель следственного органа.* В соответствии с ч. 1 ст. 39 УПК РФ, руководитель следственного органа уполномочен давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения.

4. *Начальник подразделения дознания.* Согласно ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ, начальник подразделения дознания уполномочен давать дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения.

5. *Дознаватель.* В соответствии со ст. 41 УПК РФ, к полномочиям дознавателя также отнесены некоторые полномочия, связанные с квалификацией уголовно-правового деяния.

Необходимо отметить, что нормы правоприменительной деятельности, содержащиеся в правоприменительных актах вышеуказанных должностных лиц, выражают властное веление и порождают определенные правовые последствия, но только для лица, в отношении которого ведется производство дела. Для квалификации деяния иных лиц прецедентного значения указанные акты правоприменения не имеют.

6. *Суд.* Представляется целесообразным выделить три уровня правоприменительной деятельности судов.

Деятельность судов первой инстанции. Нормы о правоприменительной деятельности судов первой инстанции имеют много общего с нормами о правоприменительной деятельности должностных лиц органов следствия, дознания, прокуроров. Акты судебного правоприменения также относятся к конкретному случаю, не являются обязательными для равностоящих инстанций.

Так, в соответствии со ст. 17 УПК РФ, судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Однако на практике решения судов, связанные с определенной квалификацией того или иного деяния, оказывают существенное влияние на принятие решений, в том числе и о квалификации деяний, должностными лицами органов дознания и следствия.

Нередко суды первой инстанции сами формулируют обоснованные правила квалификации преступлений.

Так, приговором Октябрьского районного суда г. Самара Ю. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 165 УК РФ. При квалификации преступлений, совершенных Ю., суд указал, что считает необходимым переквалифицировать действия Ю. с ч. 3 ст. 160 УК РФ (по 69 эпизодам) на ч. 1 ст. 165 УК РФ как совершение причинения имущественного ущерба собственнику путем обмана и злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, поскольку в действиях Ю. отсутствует такой обязательный признак объективной стороны присвоения и растраты, т. е. хищения чужого имущества, как изъятие предметов посягательства, поскольку ею совершенно обращение в свою пользу денежных средств, которые еще не поступили, но должны были поступить в фонды собственника, т. е. в результате ее действий имущественный ущерб выразился не в прямых убытках, а в неполучении должного, в упущенной выгоде. Что касается субъективной стороны преступления, то действия Ю. охватывались единым умыслом по причинению имущественного ущерба собственнику путем обмана и злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения путем

невнесения в кассу филиала Самарский ООО «Наста-Центр» страховых взносов по нескольким заключенным договорам страхования, в связи с чем ее действия подлежат квалификации как единичное продолжаемое преступление¹⁹⁹.

Решения судов имеют определенную структуру. Традиционно в доктрине выделяются следующие элементы подобных актов: вводная часть, описательная часть, мотивировочная и резолютивная²⁰⁰.

Однако, в соответствии с УПК РФ, описательная и мотивировочная части решения суда объединены. Так, в соответствии со ст. 307 УПК РФ, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать обоснование принятых решений, в том числе и решение следующих вопросов:

1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;

2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый;

3) является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено;

4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления.

Деятельность судов второй инстанции. Уже отмечалось, что правила квалификации преступлений, содержащиеся в актах вышестоящих судебных инстанций, обладают свойством побудительного оператора по отношению к нижестоящим судам.

¹⁹⁹ Архив Октябрьского районного суда города Самара. Дело № 1-236. 2011.

²⁰⁰ Теория государства и права (схемы и комментарии) : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Ромашова. – СПб. : Издательский дом «Сентябрь», 2000. – С. 141.

Так, в соответствии со ст. 31 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР» от 08.07.1981²⁰¹, краевой, областной, городской суд, суд автономной области и суд автономного округа осуществляют надзор за судебной деятельностью районных (городских) народных судов, изучают и обобщают судебную практику, анализируют судебную статистику.

Таким образом, суд второй инстанции фактически создает нормы правоприменительной деятельности, которые имеют существенное значение при квалификации актов поведения индивида как судами первой инстанции, так и органами следствия и дознания.

Например, в Обзоре надзорной практики по уголовным делам Президиума Самарского областного суда за август – сентябрь 2011 г.²⁰² указано, что приговором Самарского районного суда А. признан виновным в незаконном сбыте 14.11.2010 наркотического средства – героина массой 0,68 г Ш., закупщику, в ходе проведения проверочной закупки наркотических средств, при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

Однако, пересмотрев указанное решение в порядке надзора, Президиум пришел к выводу, что А. сбыл героин закупщику в ходе проведения проверочной закупки наркотических средств, действия А. подлежат переквалификации с ч. 1 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ со снижением наказания до 4 лет 10 месяцев лишения свободы.

Таким образом, осуществив переоценку содеянного, Президиум Самарского областного суда создал норму правоприменения.

²⁰¹ Ведомости ВС РСФСР. – 1981. – № 28. – Ст. 976.

²⁰² Судебная практика (Приложение к информационному бюллетеню управления Судебного департамента в Самарской области). – 2011 – № 4 (23). – Январь.

менительной деятельности, которая для судов нижестоящих инстанций будет обязательной при квалификации аналогичных деяний в силу положений ст. 31 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР» от 08.07.1981²⁰³.

Аналогичные положения создают судебные коллегии судов второй инстанции. Так, согласно определению Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 10.10.2007²⁰⁴, если передача наркотического вещества осуществляется в ходе проверочной закупки, проводимой представителями правоохранительных органов, содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30, соответствующей части ст. 228-1 УК РФ, поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства из незаконного оборота.

В вышеназванных случаях суды осуществили квалификацию преступлений, руководствуясь соответствующим разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, данным в п. 13 постановления № 14 от 15.06.2006 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»²⁰⁵.

Деятельность Верховного Суда РФ. В настоящем диссертационном исследовании мы исходим из того, что предписания о квалификации преступлений, содержащиеся в постановлениях Верховного Суда РФ, носят двойственный характер: во-первых, это интерпретационные предписания, относящиеся к правоприменительной деятельности (при интерпретации со-

²⁰³ Ведомости ВС РСФСР. – 1981. – № 28. – Ст. 976.

²⁰⁴ Судебная практика (Приложение к информационному бюллетеню управления Судебного департамента в Самарской области). – 2007. – № 4 (23). – Январь.

²⁰⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8. – С. 6.

ответствующих норм уголовного права), во-вторых, эти предписания характеризуются нормативной новизной, т. е. это новые уголовно-правовые положения.

Действительно, деятельность Верховного Суда РФ в форме разъяснений уголовного закона относится к правоприменительной по следующим основаниям. Это предусмотренная законом деятельность. Верховный Суд наделен соответствующими полномочиями по реализации норм права и вынесению актов правоприменения. Иными словами, Верховный Суд осуществляет государственную правоприменительную деятельность.

Нормы правоприменительной деятельности Верховного Суда РФ содержатся в актах, связанных с рассмотрением Верховным Судом конкретных уголовных дел, воплощаются в решениях по конкретным делам, применение норм связано с разрешением конкретного конфликта.

Однако разъяснения Верховного Суда РФ имеют самостоятельную природу и не равны по юридическому значению другим формам судебной практики.

А. В. Мадьярова правильно пишет: «Традиционное отрицание нормотворческой природы разъяснения при решении правовых проблем корреспондирует фундаментальному тезису о том, что недопустимо создавать новые нормы уголовного права, изменять или дополнять уголовный закон в ходе его толкования. Но как в общей доктрине, так и в уголовно-правовой доктрине конкретных критериев, определяющих границу между “чистым” толкованием и “изменением”, “дополнением” закона, не предлагается. Вообще трудно понять, как может применяться требование о недопустимости изменения смысла закона в случаях, когда закон не обладает четким смыслом»²⁰⁶.

²⁰⁶ Мадьярова, А. В. Указ. соч. – С.159.

Представляется, что данное суждение является правильным по следующим основаниям.

Современное состояние уголовного закона характеризуется регулятивной недостаточностью. Это связано с недостаточно высоким уровнем юридической техники законодателя при формулировании положений уголовного закона, а также тем, что уголовный закон – это не статичное явление. Несмотря на то, что Уголовный кодекс содержит набор положений в текстуальной форме, их содержание может характеризоваться многообразием смысловых значений (тем более, что ряд понятий, содержащихся в уголовном законе, являются оценочными).

А. В. Мадьярова основной причиной регулятивной недостаточности уголовного закона называет его пробельность и указывает, что «пробел имеет место в случае, если сложный вопрос не входит в предмет регулирования ни одной из существующих норм, не является частным аспектом смысла одной или нескольких норм»²⁰⁷.

Способом преодоления регулятивной недостаточности уголовного закона, в том числе и его пробельности, является нормотворческая, по сути и содержанию, деятельность Верховного Суда РФ, результатом которой являются новые уголовно-правовые предписания.

Основным критерием отграничения правоприменительных предписаний, дополняющих или замещающих законодательно определенные предписания, в разъяснениях Верховного Суда РФ является новизна этих положений. *Предписания, являющиеся результатом судебного правотворчества (правотворческие предписания), характеризуются нормативной новизной, т. е. несут в себе смысл, отличный от смысла законодательно установ-*

²⁰⁷ Мадьярова, А. В. Указ. соч. – С.143.

ленных предписаний уголовного права; правоприменительные предписания характеризуются исключительно информативной новизной, т. е. являются средством уяснения смысла применяемой нормы, с той или иной степенью очевидности, или определяют порядок применения норм УК РФ.

Например, не характеризуется нормативной новизной предписание Верховного Суда РФ о том, что под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований²⁰⁸, поскольку понятие «налог» определено в ч. 1 ст. 8 Налогового кодекса РФ²⁰⁹.

Нормативной новизной характеризуется следующее положение: «убийство не должно расцениваться как совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных пп. "а", "г", "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также при обстоятельствах, с которыми обычно связано представление об особой жестокости (в частности, множественность ранений, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц), если оно совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения либо при превышении пределов необходимой обороны»²¹⁰, поскольку уголовный закон

²⁰⁸ О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 3.

²⁰⁹ Российская газета. – № 148–149. – 06.08.1998.

²¹⁰ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 3. – 1999.

не содержит такого правила конкуренции норм для убийств, ни общего правила конкуренции одноименных преступлений с квалифицированным и привилегированным составом.

Также нормативной новизной характеризуются предписания Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем». Так, в п. 8 указанного Постановления Верховный Суд разъясняет, что если в результате поджога собственного имущества причинен значительный ущерб чужому имуществу либо имуществу, которое являлось совместной собственностью виновника пожара и иных лиц, действия такого лица, желавшего наступления указанных последствий или не желавшего, но сознательно допускаявшего их либо относившегося к ним безразлично, надлежит квалифицировать как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога (ч. 2 ст. 167 УК РФ). Иными словами, Пленум Верховного Суда создал предписание, обладающее нормативной новизной, поскольку указал, что имущество, находящееся в совместной собственности, при его поджоге следует расценивать как чужое имущество. Однако ни Гражданский кодекс РФ, ни Уголовный кодекс подобных положений не содержит.

Нормотворчество в уголовном праве традиционно связано с установлением преступности деяний и определением последствия совершения преступления. Положения, содержащиеся в разъяснениях Верховного Суда, полностью соответствуют этому критерию уголовного нормотворчества. Так, в соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О порядке рассмотрения судами уголовных дел о нару-

шении авторских, смежных, изобретательных и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», незаконным использованием объектов авторского права или смежных прав следует считать умышленное использование объектов авторских и смежных прав, осуществляемое в нарушение положений действующего законодательства Российской Федерации, которым регулируются отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства, фонограмм, исполнений, постановок, передач организаций эфирного или кабельного вещания.

Таким образом, суд определил границу между преступным и непроступным, а следовательно, создал новое уголовно-правовое положение.

Согласно ст. 10 Конституции РФ, государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, которые самостоятельны и независимы друг от друга. Фундаментальная теория разделения властей исходит из положения, что каждая ветвь власти обладает монопольными полномочиями по осуществлению вверенной деятельности.

Многие ученые вышеприведенное положение о разделении судебной и законодательной власти не считают незыблемым. Так, по словам А. В. Мадьяровой, «сегодня самостоятельность судебной власти видится также в судебных нормотворческих полномочиях, т. е. самостоятельности суда в вопросах признания, выражения, формулирования, создания права. Если изначально отрицание возможности таковых связывалось с правоприменительной, а не правотворческой сущностью судов, то сегодня говорится, что само судебное правотворчество требует наделения судов функциями нормотворчества. Более того, роль

законодательства подчас сводится к тому, чтобы закрепить «отработанные правоприменительной практикой правовые положения»²¹¹.

Фактически сложившаяся коллизия должна быть решена на законодательном уровне. С формальной точки зрения Верховный Суд не отнесен к субъектам нормотворчества, однако содержание постановлений Пленума свидетельствует о том, что многие положения этих постановлений обладают нормативной новизной, что позволяет считать их правотворческим продуктом. И сам Верховный Суд РФ считает разъяснения Пленума обязательными, своеобразным судебным прецедентом²¹².

А. В. Мадьярова предлагает два варианта определения юридического значения разъяснений Верховного Суда РФ.

1. Запрет на создание нормативной новизны, «что означает изъятие у Верховного Суда РФ права вырабатывать позиции по сложным правовым проблемам. Это связано с кардинальным изменением содержания разъяснений: постановления Пленума должны превратиться в акты судебно-политического, организационно-методического руководства судами, а в правовой сфере – в лучшем случае в «чисто» интерпретационные акты²¹³.

2. Лишение разъяснений обязательной юридической силы. На сегодняшний день обязательность разъяснений Верховного Суда подразумевается исходя из общего положения о том, что Верховный Суд возглавляет систему судов общей юрисдикции

²¹¹ **Мадьярова, А. В.** Указ. соч. – С. 89.

²¹² О роли и значении постановлений Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 3. – С. 24; 2008. – № 3. – С. 5.

²¹³ **Мадьярова, А. В.** Указ. соч. – С. 245.

(ст. 126 Конституции РФ). Однако, согласно ст. 120 Конституции РФ, судьи независимы в отправлении правосудия и подчиняются Конституции и федеральному закону. Данное положение развивается в ст. 17 УПК РФ, согласно которой суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Однако на практике обязательность разъяснений Верховного Суда РФ безусловна. «Авторитет мнения Верховного Суда РФ обеспечивается в организационном плане через механизм кассационного и надзорного пересмотра решений нижестоящих судов вышестоящими, среди которых высшим, имеющим право “последнего слова” в споре является именно Верховный Суд РФ. Это порождает “психологическую зависимость” судей от мнения Верховного Суда, причем возможность отмены решения в связи с иной правовой позицией Верховного Суда РФ служит для судьи даже более важным фактором, нежели абстрактная юридическая сила разъяснений»²¹⁴.

Действительно, отсутствие обязательной силы разъяснений лишит Верховный Суд монопольных полномочий по определению окончательного смысла уголовно-правовой нормы, и позиция Верховного Суда перестанет приравниваться к закону. Однако представляется, что А. В. Мадьярова, говоря о возможности лишения разъяснений Верховного Суда РФ обязательности, говорит именно о юридической обязательности, поскольку современное судоустройство таково, что мнение Верховного Суда останется фактически обязательным.

²¹⁴ Мадьярова, А. В. Указ. соч. – С. 301.

Современное законодательство не содержит указаний на обязательность положений Верховного Суда РФ, поэтому неясен механизм лишения положений Верховного Суда обязательности. В проекте Федерального Конституционного Закона «О Верховном Суде Российской Федерации»²¹⁵ предлагается установить следующее положение: «При осуществлении правосудия судьи Верховного Суда Российской Федерации независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» (ст. 2). По вопросам своего ведения Пленум Верховного Суда Российской Федерации принимает постановления, обязательные для судов общей юрисдикции в Российской Федерации (ч. 2 ст. 17).

В науке уголовного права обязательность установлений Верховного Суда РФ, в том числе при квалификации преступления, обосновывает Н. Ф. Кузнецова. Довод: законы нередко устаревают, а поскольку аналогия закона запрещена, источником права выступают постановления Пленума Верховного Суда, которые часто по старинке называют руководящими²¹⁶.

Представляется, что законодательное закрепление обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда РФ неприемлемо, ибо нарушает фундаментальный принцип "nullum crimen, nulla poena sine lege", а также принцип законности, закрепленный в ст. 3 УК РФ: «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом».

И с точки зрения практической реализации задача лишения Верховного Суда права давать обязательные разъяснения практически не осуществима. Поэтому представляется более обосно-

²¹⁵ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Версия Проф. по состоянию на 01.08.2008.

ванным первый из предложенных А. В. Мадьяровой вариантов решения сложившегося конфликта – запрет на создание Верховным Судом правил, обладающих нормативной новизной. В качестве оснований, препятствующих подобному способу выхода из сложившейся ситуации, в литературе указывается возможная утрата Верховным Судом влияния на судебную практику. Однако, как уже было указано выше, подобные последствия в силу современного судоустройства практически невозможны.

Кроме того, в соответствии со ст. 104 Конституции РФ, Верховный Суд РФ наделен полномочиями по законодательной инициативе в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, примеры этого уже существуют²¹⁷.

При этом отметим, что полномочие образует как право, так и обязанность. Поэтому в случае необходимости установления дополнительных правил, обладающих нормативной новизной, Верховный Суд не только вправе, но и обязан обратиться с законодательной инициативой в Государственную Думу.

А. В. Мадьярова права, утверждая: «...принцип законности в уголовном праве... ориентирует на решение как можно большего числа вопросов непосредственно в уголовном законе, на восполнение регулятивной недостаточности, прежде всего, путем совершенствования УК РФ (и лишь в качестве временной, “чрезвычайной” меры допускает компенсационное нормотворчество на правоприменительном уровне)»²¹⁸.

Таким образом, в настоящее время деятельность Верховного Суда РФ является источником двух видов правил, применяемых

²¹⁶ Кузнецова, Н. Ф. Указ. соч. – С. 78.

²¹⁷ Проект ФКЗ «О Верховном Суде РФ», проект ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 Уголовного кодекса РФ», проект ФЗ «О внесении изменений в ст. 314 и 316 УПК РФ» и др.

²¹⁸ Мадьярова, А. В. Указ. соч. – С. 315.

в процессе квалификации преступлений практическими работниками (при официальной квалификации) и иными лицами (при неофициальной квалификации): правоприменительных и правотворческих.

Правила, содержащиеся в решениях Верховного Суда, выносимых по конкретным уголовным делам, являются правоприменительными, а правила, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда, правоприменительными можно назвать лишь условно, по своей природе они близки уголовно-правовым положениям, определенным в законодательстве.

Деятельность Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд РФ, в соответствии с ч. 6 ст. 125 Конституции РФ, может признать акты или их положения неконституционными, причем последние теряют свою юридическую силу. В отношении уголовного законодательства необходимо отметить, что, признав то или иное положение уголовного закона неконституционным, Конституционный Суд осуществляет декриминализацию деяний, т. е. лишает их свойства противоправности, следовательно, влияет на процесс их квалификации.

В теории уголовного права нет единого мнения о правовой природе положений Конституционного Суда.

В силу принципа разделения властей (ст. 10 Конституции РФ) Конституционный Суд не наделен правом нормотворчества. Однако фактически Конституционный Суд формирует правовые позиции, что выходит за рамки правоприменения.

В. В. Лазарев отмечает, что конституционному правоприменению свойственны признаки правотворчества²¹⁹. Представляет

²¹⁹ **Лазарев, В. В.** Некоторые спорные вопросы теории и практики конституционного правосудия / В. В. Лазарев // Вестник Конституционного Суда. – 1997. – № 3. – С. 4–6.

ся, что позиция В. В. Лазарева верна. Положения постановлений Конституционного Суда РФ имеют нормотворческое значение. Так, согласно ст. 79 Федерального Конституционного Закона «О Конституционном Суде РФ»²²⁰, акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу с момента принятия решения Конституционным Судом. Исходя из понятия правотворчества, указанного нами ранее (деятельность уполномоченных субъектов по изданию, переработке и отмене нормативно-правовых актов, представляющая собой процедуру закрепления норм и принципов естественного права, социальных потребностей и интересов граждан в нормативно-правовом акте), положения Конституционного Суда можно признать нормотворческими.

Более того, Конституционный Суд в Постановлении от 16.06.1998 № 19-п «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»²²¹ указал, что решения Конституционного Суда Российской Федерации, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Таким образом, положения актов Конституционного Суда также можно признать нормотворческими, а его решения – источниками уголовного права. Следовательно, эти нормы так-

²²⁰ Российская газета. – № 138–139. – 23.07.1994.

²²¹ Вестник Конституционного Суда РФ. – № 5. – 1998.

же регламентируют процесс квалификации уголовно-правовых деяний.

Например, в п. 1.4 Постановления Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-п «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также п. 18 Постановления Государственной Думы от 26.05.2000 “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» – Конституционный Суд РФ указал, что наличие в уголовном законодательстве различных форм учета прежней судимости при определении ответственности лица за вновь совершенное преступление, в том числе при неоднократности или рецидиве преступлений, во всяком случае, не означает возможности двойного учета одних и тех же обстоятельств одновременно как при квалификации преступлений, так и при назначении наказания, поскольку иное противоречило бы и конституционному принципу равенства всех перед законом и судом в сфере уголовно-правовых отношений²²².

Взаимосвязанность правоприменения и правотворчества подтверждается при толковании оценочных признаков составов преступлений.

Регулятивная недостаточность уголовного закона, о которой пишет А. В. Мадьярова, может существовать равным образом и в так называемых «точных» нормах, и в правилах, допускаю-

²²² Собрание законодательства РФ. – 07.04.2003. – № 14. – Ст. 1302.

щих определенную свободу юридической оценки («оценочных нормах»)»²²³.

Применение оценочных понятий представляет значительную по сложности проблему в процессе квалификации преступлений. Используя оценочные понятия, правоприменитель имеет возможность домысливать, какое поведение является преступным. Такое домысливание, осуществляемое судом, принято называть судебским (судебным) усмотрением.

По мнению А. Барак, «...усмотрение – это полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна»²²⁴.

А. Т. Боннер определяет судебское усмотрение как выбор из возможных вариантов применения нормы (в случаях, предусмотренных законом, и в рамках закона)²²⁵.

П. И. Люблинский писал: «Судейское усмотрение для справедливого своего применения требует создания законодательных правил для руководства и многочисленных гарантий, препятствующих вырождению его в произвол. Усмотрение в государственно-правовом смысле можно определить не только отрицательным образом, как некоторую свободу деятельности публичного органа от законодательной регулировки, но и положительным – как право свободной целесообразной оценки в применении по указанным в законе основаниям предоставленных данному органу полномочий»²²⁶.

²²³ **Мадьярова, А. В.** Указ. соч. – С. 147.

²²⁴ **Барак, А.** Судейское усмотрение / А. Барак. – М., 1999. – С. 14.

²²⁵ **Боннер, А. Т.** Применение закона и судебское усмотрение / А. Т. Боннер // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 38.

²²⁶ См.: **Телятников, В. И.** Убеждение судьи / В. И. Телятников. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 114–115.

Представляется, что судебское усмотрение необходимо рассматривать в двух аспектах: как свободу определять смысл и содержание положений закона (сюда включается в том числе и квалификация преступлений) и как свободу применять закон (например, назначать наказание), но в обоих случаях речь идет о свободах в пределах, предусмотренных законом.

Традиционно в уголовном праве содержание судебского усмотрения сводится к решению вопросов назначения наказания. Представляется, что этот подход ограничивает содержание судебского усмотрения в уголовном праве. На наш взгляд, судебское усмотрение – это предоставленная законом свобода судьи понимать и применять закон. В силу сказанного представляется правильной точка зрения А. И. Рарога, который выделил такой вид усмотрения, как усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений. А. И. Рарог указывает, что это свобода суда в применении оценочных понятий и бланкетных норм²²⁷.

В литературе нередко происходит отождествление понятий «судейское убеждение» и «судейское усмотрение»²²⁸.

Представляется, что данные понятия смешивать нельзя. На наш взгляд, убеждение лежит в основе формирования усмотрения. Убеждение складывается под влиянием правосознания судьи и, по сути, составляет устоявшийся взгляд на что-нибудь. На основе собственного убеждения судья реализует предоставленное ему полномочие – судебское усмотрение. Для квалификации преступлений имеет значение именно судебское усмотрение

²²⁷ **Рарог, А. И.** Указ. соч. – С. 12; **Рарог, А. И.** Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений / А. И. Рарог. – М., 2004. – С. 40.

²²⁸ **Брайнин, Я. М.** Уголовный закон и его применение / Я. М. Брайнин. – М., 1996. – С. 224.

как свобода судьи в применении оценочных понятий и бланкетных норм.

Итак, судебское усмотрение – право судьи применять закон в соответствии со своим внутренним убеждением, не допуская при этом рассогласования норм применяемого закона, Конституции Российской Федерации, иных законов.

Судейское усмотрение в процессе квалификации преступлений имеет свою специфику. Содержание судебного усмотрения в процессе квалификации состоит в том, что судья самостоятельно находит критерии оценки или конкретизирует критерии, в общем виде сформулированные в законе, и использует их при сопоставлении акта поведения индивида и конкретного состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ.

Однако сами критерии конкретизации оценочных понятий могут быть динамичны и изменчивы, что привносит в процесс квалификации субъективизм, не свойственный ему. В настоящее время речь идет о создании компьютерных программ и алгоритмов квалификации преступлений²²⁹, что позволит уменьшить проявления субъективизма при квалификации.

Наличие оценочных понятий «размывает» содержание уголовно-правовой нормы, и судье предоставляется право доопределять, какой акт поведения индивида является преступлением. Специфика правоприменительной деятельности судьи порождает так называемые типичные юридические оценки.

А. В. Мадьярова пишет: «В условиях, когда законодательство не предоставляет необходимых и достаточных критериев оценки, отнесение того или иного случая к сфере регулирования

²²⁹ См.: **Андреев, И. В.** Указ. соч. – С. 134–137.

конкретной нормы сопряжено с усмотрением, а следовательно, формирование абстрактных типичных оценок как безусловно составляющих содержание нормы представляет собой доопределение ее объема, уточнение содержания, т. е. связано с возникновением нормативной новизны»²³⁰.

Н. А. Лопашенко отмечает, что оценочная категория – «это категория, которая не определяется в уголовном законе и в принципе допускает различные варианты ее толкования»²³¹.

В уголовно-правовой литературе встречаются и иные определения оценочных признаков. В частности, А. В. Наумов предлагает считать оценочными те признаки, которые не указаны в законе и, следовательно, определяются правоприменителем²³².

Е. В. Кобзева предлагает следующее определение: «Оценочные признаки – это не конкретизированные в законе или ином нормативно-правовом акте уголовно-правовые понятия, призванные отражать не предмет в его целостности, а свойства или отношения этого предмета, содержание которых устанавливается лицом, применяющим уголовно-правовую норму, на основе конкретных обстоятельств уголовного дела»²³³.

Н. Ф. Кузнецова указывает, что «...оценочные признаки диспозиций уголовно-правовых норм и описанных в них составов

²³⁰ **Мадьярова, А. В.** Указ. соч. – С. 149.

²³¹ **Лопашенко, Н. А.** Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности / Н. А. Лопашенко // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 43.

²³² См.: **Наумов, А. В.** Применение уголовно-правовых норм / А. В. Наумов. – Волгоград, 1973. – С. 97.

²³³ **Кобзева, Е. В.** Оценочные признаки в уголовном законе / Е. В. Кобзева. – Саратов, 2004. – С. 98.

содержат максимально обобщенную характеристику элементов и признаков составов преступлений, не поддающихся описанию и формализации в УК ввиду их ситуационной вариантности»²³⁴.

Представляется, что определение, данное Н. Ф. Кузнецовой, максимально отвечает сути оценочных признаков. Во-первых, безусловно признается приоритет уголовного закона в определении основных (конструктивных) признаков состава преступления. Во-вторых, указывается, что законодатель не может определить все возможные варианты сочетания тех или иных признаков, поэтому и прибегает к оценочным признакам.

На наш взгляд, следует признать обоснованным включение в УК РФ оценочных признаков. Представляется, что логика законодателя такова. При квалификации акта поведения индивида оценочные признаки позволяют учесть неправовые понятия, которые не могут быть описаны в уголовном законе. Более того, учет этих признаков состоит в том, чтобы, руководствуясь собственным убеждением, правоприменитель нашел в сфере общечеловеческой деятельности критерии оценки и применил их. Это положение соответствует принципам реализации судебной власти. И в соответствии с принципом справедливости суд должен, решая вопрос об уголовной ответственности, учесть индивидуальные особенности преступления.

Соответственно, при квалификации актов поведения индивида правоприменитель имеет право признавать то или иное деяние преступным.

В связи с указанным обоснованной представляется точка зрения Е. В. Кобзевой, которая выделяет две причины существования оценочных признаков:

²³⁴ Кузнецова, Н. Ф. Указ. соч. – С. 139.

1) объективная причина – чрезмерное многообразие социально опасных предметов, свойств и явлений, требующих их учета в качестве таковых и постоянного контроля за протекающими с ними диалектическими процессами;

2) субъективная причина – создание особого приема законодательной техники, необходимого для отражения в праве упомянутого многообразия явлений и процессов общественной жизни²³⁵.

Действительно, наличие в уголовном законе оценочных признаков обусловлено невозможностью определения всех признаков актов общественно опасного поведения индивидов. В то же время законодатель осознанно отказывается от казуистического способа изложения правового материала, при котором необходимость использования оценочных признаков можно было бы свести к минимуму. Однако развитие общественных отношений, появление новых социальных явлений потребуют постоянного изменения правового материала, качество которого не сможет отвечать требованиям современной юридической техники. Поэтому, представляется, законодатель осознанно использует оценочные признаки в уголовном законе, тем самым придавая определенную стабильность уголовно-правовому регулированию.

На наш взгляд, судьба оценочных признаков в ближайшее время не изменится, современный уровень юридической техники не может предложить иных средств обеспечения стабильности уголовного закона в условиях бурного развития общественных отношений. Более того, наличие оценочных признаков является полезным при условии их обоснованного введения в УК

²³⁵ См.: **Кобзева, Е. В.** Указ. соч. – С. 107.

РФ, соблюдения в процессе формирования норм законодательной техники.

Следует согласиться с Е. В. Кобзевой, которая утверждает, что следует максимально осторожно и внимательно относиться к выбору конкретных приемов законодательной техники и к соблюдению правил их практической реализации. Это будет способствовать оптимальному использованию оценочных признаков и устранил причину их необоснованного употребления или неупотребления²³⁶.

Проведенный нами в 2012 г. опрос 49 судей федеральных судов общей юрисдикции Самарской области показал, что 64 % судей при определении оценочных признаков опираются на сложившуюся судебную практику и разъяснения Верховного Суда РФ, 22 % судей определяют содержание оценочных понятий самостоятельно, 14 % судей, помимо указанных выше способов определения оценочных признаков, обращаются к научным трудам, остальные респонденты затруднились ответить.

Ряд оценочных признаков разъяснены Верховным Судом РФ, например, «особая жестокость», «хулиганские побуждения» для убийства, «тайный способ» для кражи и др.

На наш взгляд, создание Верховным Судом РФ так называемых «типичных оценок», когда это сопряжено с приданием им обязательной силы, является нарушением принципа независимости судей и руководства собственным убеждением и законом.

Когда Верховный Суд РФ пользуется правом судейского усмотрения, его деятельность по определению содержания оценочных понятий не только обладает нормативной новизной, но

²³⁶ См.: Кобзева, Е. В. Указ. соч. – С. 105.

и, будучи облеченной в форму обязательных разъяснений, составляет новые уголовно-правовые положения.

При этом сам Верховный Суд по вопросам реализации судебного усмотрения для других судов устанавливает дополнительные ограничения, законом не предусмотренные. Например, п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» установлено, что при решении вопроса о наличии квалифицирующих признаков деяний, связанных с нарушением правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, предусмотренных ч. 2 ст. 228.2 УК РФ, судам надлежит исходить из того, что под иными тяжкими последствиями понимается наступивший по неосторожности крупный материальный ущерб собственнику, длительное нарушение работы предприятия, учреждения и т. п.

Представляется, что подобные положения нарушают принцип независимости судей, поскольку право, что понимать под иными тяжкими последствиями, предоставлено судье самим уголовным законом.

Таким образом, судебское усмотрение в процессе квалификации преступлений имеет существенное значение. Без соответствующего определения оценочного понятия невозможна уголовно-правовая оценка того или иного деяния, при этом положения, основанные на судебском усмотрении, имеют свойство нормативной новизны, поскольку они сходны, но не тождественны законодательным предписаниям.

3.3. Проблема систематизации правил квалификации преступлений

Современное состояние законодательства и правовой науки говорит о том, что основным требованием, предъявляемым к правовому материалу, является его системность. В то же время постоянное развитие действующего законодательства не позволяет обеспечить сохранность системы права в неизменном и первоизданном виде. Д. В. Чухвичев пишет: «Системность правового регулирования требует периодического упорядочивания законов и подзаконных актов, удаления повторений, коллизий, недействующих постановлений, унификации предписаний и приведения их в соответствие друг с другом. Все это обуславливает значительную роль в функционировании законодательства систематизаций»²³⁷.

В отечественной правовой литературе и законодательстве по-разному подходят к определению систематизации.

Как правило, систематизация отличается от кодификации, предполагает внешнюю систематизацию нормативных актов. В этом понимании систематизация не относится к правотворчеству. Например, по мнению Д. В. Чухвичева, «систематизация законодательства может быть определена как комплекс мер, направленных на приведение нормативных правовых актов в определенную структурную упорядоченность. Систематизация представляет собой внесение в массив нормативных правовых

²³⁷ **Чухвичев, Д. В.** Особенности законодательной техники при проведении кодификации / Д. В. Чухвичев // Право и политика. – 2005. – № 10. – С. 13.

актов порядка, размещение их в соответствии с определенным критерием»²³⁸.

Известна и другая позиция: систематизация нормативно-правовых актов (законодательства) – это деятельность, направленная не только на упорядочение, но и на совершенствование нормативного материала путем его обработки и расположения по классификационным критериям, избираемым в соответствии с разрешаемыми этой деятельностью задачами²³⁹.

На наш взгляд, вышеприведенные понятия не в полной мере отражают сущность систематизации законодательства, которая в основном сводится учеными к упорядочиванию нормативного материала, т. е. внешней систематизации. Систематизация в большей степени предполагает внутреннюю упорядоченность нормативного материала, и уже как последствие – внешнюю.

Особо заслуживает внимания определение систематизации, данное Г. П. Мановым, который в понятие систематизации включил четыре самостоятельные формы правовой деятельности:

- 1) сбор государственными органами, предприятиями, другими организациями действующих нормативных актов, их обработка и расположение по определенной системе, хранение;
- 2) подготовка и издание различного рода собраний и сборников нормативных актов (инкорпорация законодательства);
- 3) подготовка и принятие новых актов, в которые помещаются как оправдавшие себя нормы прежних актов, так и новые нормативные предписания (кодификация законодательства).

На наш взгляд, при определении понятия систематизации законодательства необходимо исходить из определения поня-

²³⁸ Чухвичев, Д. В. Указ. соч. – С. 14.

²³⁹ См., например: Основы государства и права : учеб. пособие / под общ. ред. С. А. Комарова. – М. : Русь-90, 2002. – С. 239.

тия системы, поскольку бесспорно, что систематизация законодательства – это в первую очередь придание нормативному материалу свойства системы (системности). В Советском энциклопедическом словаре «система» определяется как множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство²⁴⁰.

Исходя из предложенного выше определения системы, систематизация заключается в создании и обосновании отношений элементов, составляющих систему. Иными словами, *систематизация законодательства – это деятельность, направленная на создание и обоснование логических отношений и связей между нормативно-правовыми актами и их частями, обеспечивающих участникам право реализации возможности установления всех правовых предписаний, которыми надлежит руководствоваться в их системе.*

В уголовно-правовой литературе справедливо отмечается необходимость разграничения понятий «систематизация права» и «систематизация законодательства»²⁴¹, поскольку различие понятий законодательства и права является бесспорным.

Основной формой систематизации законодательства является инкорпорация, а основной формой систематизации права – кодификация.

Инкорпорация представляет собой размещение нормативных правовых актов в соответствии с каким-либо критерием в определенном порядке, разделение на группы. Инкорпорация основывается на внешней систематизации законодательства –

²⁴⁰ См.: Советский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 1226.

²⁴¹ См.: **Лопашенко, Н. А.** Принципы кодификации уголовно-правовых норм / Н. А. Лопашенко. – Саратов, 1989. – С. 16.

его объединении в разного рода сборниках на основании определенных объединяющих признаков без изменения нормативного содержания²⁴².

В отношении кодификации С. С. Алексеев справедливо отметил, что кодификация является средством развития права как системы. Системное развитие права, обеспечиваемое при помощи кодификации, касается не только и даже не столько формы права, порядка и характера изложения нормативных предписаний, сколько совершенствования содержания права²⁴³.

Кодификация – действенное средство увеличения регулятивной эффективности права, она служит для устранения множества бессистемных и разнородных нормативно-правовых актов путем объединения их смысла в новом едином акте, несущем комплексный характер и служащем для комплексного единого выражения нормативно-правовых предписаний, ранее содержавшихся в большом массиве законодательства. Такое кардинальное изменение законодательства позволяет сконцентрировать элементы норм права (гипотезу, диспозицию, санкцию), сосредоточив их в одном системном комплексном нормативно-правовом акте²⁴⁴.

Н. И. Матузов и А. В. Малько определяют кодификацию как форму систематизации путем объединения нормативных актов в единый, логически цельный акт с изменением их содержания²⁴⁵.

²⁴² **Чухвичев, Д. В.** Указ. соч. – С. 14.

²⁴³ **Алексеев, С. С.** Советское право как система: методологические принципы исследования / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1974. – № 7. – С. 13.

²⁴⁴ **Бабий, Н.** Указ. соч.

²⁴⁵ Теория государства и права : учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 2004. – С. 175.

Кодификация – это наиболее совершенная форма систематизации законодательства, выражающаяся в подготовке обладающего системным характером нового комплексного (сводного) законодательного акта, предназначенного регулировать наиболее важные сферы общественных отношений на протяжении длительного времени²⁴⁶.

По мнению профессора К. Е. Сигалова, «кодификация – это сведение к единству всего правового материала путем переработки его внутреннего содержания в стройную, логически цельную и внутренне согласованную систему»²⁴⁷.

В то же время ряд исследователей утверждают, что кодификация является не формой систематизации права, а самостоятельной формой законотворчества²⁴⁸. Представляется, что данное положение неверно, поскольку кодификация не исключает закрепления в новой форме уже существующих правовых предписаний.

В то же время нельзя не согласиться с особым значением и ролью такой формы систематизации, как кодификация. Т. В. Кленова справедливо отмечает, что основным методом кодификации является внутренняя систематизация нормативного материала. При этом «в соответствии с методом внутренней систематизации осуществляется переоценка каждой нормы с точки

²⁴⁶ Теория государства и права : учеб. пособие / под ред. А. В. Мелехина. – М., 2007.

²⁴⁷ **Сигалов, К. Е.** Кодификация и правовое время / К. Е. Сигалов // История государства и права. – 2007. – № 23. – С. 34.

²⁴⁸ См.: **Пиголкин, А. С.** Законотворчество в РФ / А. С. Пиголкин. – М., 2000. – С. 129; Теория государства и права : учебник для юридических вузов / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 2003. – С. 238; Теория государства и права : учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 2004. – С. 156.

зрения ее социальной обусловленности, полноты определения содержания и соотносимости с другими уголовно-правовыми нормами. Производится криминализация и декриминализация... Кодификация представляет собой наиболее полную из известных форм правового регулирования»²⁴⁹.

В связи с указанным представляется верным при рассмотрении вопроса о систематизации правил квалификации преступлений рассуждать, в первую очередь, о внутренней систематизации, т. е. о кодификации правил квалификации преступлений.

Н. Бабий заключает, что правила квалификации преступлений построены в соответствии с законами логики, что обеспечивает их научную обоснованность. Сказанное позволяет предполагать, что прямое использование таких правил для уголовно-правовой оценки конкретных преступлений должно приводить к логичным и единственно верным выводам²⁵⁰.

Однако данное положение верно только в случае, когда правила квалификации преступлений (иными словами, правила соотнесения той или иной нормы с актом общественно опасного поведения индивида) и норма, предусматривающая уголовную ответственность за данное преступление, находятся в системе и позволяют адекватно оценить деяние.

Современное же отечественное уголовное законодательство далеко от идеала. Многими исследователями неоднократно указывается на коллизии, пробелы и противоречия уголовного закона. Причина данного явления, на наш взгляд, кроется в том числе в том, что в процессе правотворчества законодатель не соотносит правила квалификации преступлений, принципы по-

²⁴⁹ Кленова, Т. В. Указ. соч. – С. 43.

²⁵⁰ Бабий, Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений / Н. Бабий // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 34.

строения уголовного закона и правила криминализации деяний. По мнению Н. Бабий, обусловлено это тем, что теории квалификации отводится роль обслуживания практики применения уголовного закона. Такое отношение к теории квалификации почитается само собой разумеющимся²⁵¹. Л. Д. Гаухман указывает, что содержание правил квалификация преступлений «зависит как от уголовного закона, в частности, от его изменения, так и от развития теории уголовного права в целом»²⁵². Таким образом, в настоящее время нет сложившейся в соответствии с законами логики системных правил квалификации преступлений.

Основная масса правил квалификации преступлений разработана задолго до принятия УК РФ 1996 г. Правила квалификации распределены по множеству источников, статус правил, определенных в судебном порядке, официально не установлен. В связи с указанным верно отмечает Н. Бабий: «Представляется, что назрела настоятельная необходимость пересмотреть традиционный подход к теории квалификации преступлений, которая должна быть выведена за рамки ее внутреннего предмета исследования. Суть такого подхода состоит в том, что научно обоснованным правилам квалификации преступлений одновременно необходимо придать значение принципов построения уголовного закона. Только единство указанных правил и принципов позволит создать стройную систему уголовно-правовых норм, логично учитывающую и содержащую в себе основные положения о порядке их применения»²⁵³.

Таким образом, систематизация правил квалификации преступлений должна осуществляться с учетом соотношения с прин-

²⁵¹ **Бабий, Н.** Указ. соч. – С. 35

²⁵² **Гаухман, Л. Д.** Указ. соч. – С. 9.

²⁵³ **Бабий Н.** Указ. соч.

ципами уголовного права, правилами криминализации и декриминализации деяний.

Хотя множественность источников правил квалификации затрудняет деятельность правоприменителей, она имеет вынужденный характер и должна учитываться при систематизации правил квалификации.

Для правил квалификации, отличающихся нормативной новизной, должна использоваться форма кодифицированного закона.

Т. В. Кленова главными задачами кодификации назвала сведение правовых норм отрасли права в сводный законодательный акт, придание ему свойств системности, устойчивости и эффективности²⁵⁴. Представляется, эти задачи актуальны и для правил квалификации, дополняющих уголовно-правовые нормы.

Предписания необходимо отнести к Общей части уголовного права. Такой подход логичен и рационален, и законодатель избрал такой путь формулирования нормативных правил квалификации. Следует рассмотреть возможность систематизации правил квалификации преступлений как правил применения уголовно-правовых норм. Правила квалификации преступлений должны быть определены в УК РФ.

Аналогичная позиция уже высказывалась учеными, которые отмечали необходимость объединения теоретически обоснованных правил квалификации преступлений в отдельной главе УК РФ²⁵⁵.

На наш взгляд, указанная глава УК РФ должна содержать словарь оценочных понятий, правила квалификации множествен-

²⁵⁴ Кленова, Т. В. Указ. соч. – С. 52.

²⁵⁵ См., например: Бабий Н. Указ. соч.; Гаухман, Л. Д. Нужен новый УК / Л. Д. Гаухман // Законность. – 1998. – № 7. – С. 23.

ности преступлений, правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии, правила квалификации неоконченной преступной деятельности, правила квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм – причем именно те правила, которые в настоящий момент содержатся в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах РФ.

Необходимо отметить, что в 2008 г. Верховный Суд РФ обратился в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ с просьбой о разработке обоснованных правил квалификации преступлений, которые будут включены в самостоятельную главу УК РФ.

Предложенное вполне соответствует действующему уголовному закону.

Во-первых, представляется необходимым придание общим правилам квалификации преступлений силы закона в целях обеспечения принципа законности, а также единства уголовной политики и уголовного правоприменения на территории РФ.

Во-вторых, согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ, новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий кодекс. Правила-критерии признания того или иного акта поведения индивида преступным влияют на криминализацию и декриминализацию деяний и тем самым на обоснование уголовной ответственности. Поэтому нормативно-правовой акт, объединяющий соответствующие правила квалификации уголовно-правовых деяний, подлежит включению в уголовный закон.

Данное положение подтверждается мнением судейского корпуса. Согласно проведенному нами в 2012 г. опросу 49 судей федеральных судов общей юрисдикции Самарской области, 64 % судей считают положительной возможность объединения правил квалификации в самостоятельную главу УК РФ.

Содержание указанных правил квалификации преступлений не должно зависеть от существующих норм уголовного закона. На наш взгляд, правила квалификации преступлений должны обуславливать конкретные уголовно-правовые предписания. В. Н. Кудрявцев писал, что применение первого издания монографии «Общая теория квалификации преступлений» в условиях действия нового уголовного закона представляется весьма затруднительным. Иными словами, правила квалификации преступления должны выступить одним из системообразующих элементов, которые призваны обеспечить единство, целостность и системность нормативного уголовно-правового материала.

Систематизация правил квалификации преступлений повлечет серьезные последствия для структуры всего уголовного закона, как Общей, так и Особенной частей. Представляется, что данная глава УК РФ должна содержать положения о тех оценочных понятиях, которые повторяются в составах разных видов преступлений. В законодательных определениях таких оценочных признаков законодатель должен установить критерии, которыми правоприменитель сможет пользоваться при применении тех или иных оценочных понятий.

В отечественной правовой литературе среди этапов систематизации нормативного материала и законотворчества указывается создание рабочей группы. Специфика и значение правил квалификации преступлений требуют особого состава группы, осуществляющей разработку и систематизацию правил. Представляется верным включение в состав данной рабочей группы представителей судейского корпуса, следственных органов, научных деятелей, представителей органов законодательной и исполнительной власти.

Указанный акт должен быть компромиссом между научной общественностью и представителями государства, поскольку ре-

ализация данных положений повлечет существенное изменение в существующей системе уголовного права и требует детальной и тщательной проработки.

Систематизация правил квалификации, по нашему мнению, должна осуществляться в следующем порядке.

1. Констатация необходимости проведения систематизации правил квалификации преступлений. Представляется, что указанное выше обращение Верховного Суда РФ в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и есть первый этап систематизации правил квалификации преступлений.

2. Определение предписаний о квалификации преступлений, подлежащих объединению в новую главу УК РФ. Данный этап состоит в определении актов, содержащих правила квалификации преступлений, и вычленении из указанных актов нормативно-правовых предписаний о квалификации уголовно-правовых деяний.

3. Создание структуры новой главы УК РФ, т. е. определение ее системы, порядка и техники изложения материала.

4. Анализ и изучение судебной практики и доктринальных учений о квалификации преступлений и выделение основополагающих правил квалификации преступлений в доктрине и судебной практике.

5. Формулирование конкретных положений о квалификации преступлений.

6. Применение технических средств и приемов изложения нормативно-правового материала о квалификации уголовно-правовых деяний.

Однако существенное значение имеют правила квалификации преступлений, источником которых являются материалы судебной практики и доктрина.

Иные правила применения уголовно-правовой нормы, не отличающиеся нормативной новизной, следует объединить в Свод правил квалификации преступлений, в создании которого должны принять участие представители не только судебных, но и других правоохранительных органов, законодательной власти и научной общественности. Подобный свод, несмотря на свое рекомендательное значение, обязан обладать нормативным характером, поэтому должен получить одобрение Государственной Думой Федерального Собрания РФ. Свод правил квалификации преступлений должен содержать общие правила квалификации, соотносимые с правилами квалификации Общей части УК РФ, но не обладающие свойством нормативности. Специальные же правоприменительные правила квалификации преступлений (т. е. правила квалификации отдельных видов преступлений) должны сохраниться в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. С учетом того, что в разработке свода правил Верховный Суд РФ должен принять непосредственное участие, необходимо обеспечение соответствия и логичности правил квалификации, содержащихся в своде и постановлениях Пленума.

При создании свода правил квалификации преступлений возможно использование опыта США, где Федеральной комиссией по вопросам назначения наказаний разработано рекомендательное «Руководство по применению правил назначения наказаний». Данное руководство содержит общие положения о наказании, его целях, порядке назначения наказания за совершение отдельных категорий преступлений и даже предусматривает при отдельных условиях возможность отклонения от предусмотренных правил. Это руководство носит рекомендательный характер, однако, в силу авторитетности его разработчиков

и утверждения Федеральной комиссией, применяется на всей территории США.

Предлагаемый нами Свод правил квалификации преступлений, по аналогии с «Руководством по применению правил назначения наказаний» США, должен регламентировать процесс определения точного соответствия деяния составу преступления, предусмотренного УК РФ, его задачи, этапы, правила оформления вывода о квалификации преступления, правила квалификации отдельных видов преступной деятельности, в том числе и правила определения критериев конкретизации оценочных понятий отдельных составов преступлений.

Современная судебная практика и доктрина содержат огромное количество рекомендаций о правилах квалификации преступлений, не всегда характеризующихся теоретической обоснованностью, логической завершенностью, практической состоятельностью.

По этому поводу В. Г. Шумихин указывает следующее: «Очевидно, что термин “правила квалификации преступлений” вряд ли применим к столь широкому спектру рекомендаций общего, частного и единичного характера... Термином “правила квалификации преступлений” не может определяться весь массив вопросов разграничения конкретных составов преступлений»²⁵⁶. Иными словами, включению в предлагаемый нами Свод правил квалификации преступлений подлежат лишь наиболее распространенные и подтвержденные практикой правила квалификации преступлений.

²⁵⁶ Шумихин, В. Г. Указ. соч. – С. 13.

3.4. Технические средства и приемы определения правил квалификации преступлений

Современное состояние правовой науки характеризуется повышенным вниманием к проблемам техники изложения нормативного материала в правовых актах. На наш взгляд, интерес к юридической технике обусловлен следующими причинами:

- 1) серьезное изменение всей системы права в связи с необходимостью обеспечения его эффективности и реализации;
- 2) увеличение среди источников правовых норм законов как нормативно-правовых актов, отличающихся высшей юридической силой и, следовательно, требующих максимально четкого и логичного изложения нормативного материала.

184

С. С. Алексеев отмечал: «Уровень юридической техники – один из показателей уровня юридической культуры в стране»²⁵⁷. Поэтому техника изложения и выражения предписаний, в том числе о правилах квалификации преступлений, имеет существенное значение при обеспечении реализации уголовного закона и его эффективности.

Следует согласиться с мнением Л. Д. Воеводина, что законодательная техника образует стеновой хребет правоведения в жизни права в целом и его отдельных отраслей в частности²⁵⁸.

²⁵⁷ **Алексеев, С. С.** Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М., 1981. – Т. 2. – С. 270.

²⁵⁸ **Воеводин, Л. Д.** Юридическая техника в конституционном праве / Л. Д. Воеводин // Вестник МГУ. – 1997. – № 3. – С. 2–3. (Серия 11 : Право.)

Д. А. Керимов считает, что юридическая техника – это «чрезвычайно существенное знание, имеющее относительно самостоятельное значение в системе правоведения»²⁵⁹.

В то же время, несмотря на высокую значимость данного явления в системе права в целом, в отечественной правовой науке нет единого мнения о понятии и сущности юридической техники.

Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой юридическая техника рассматривается как совокупность правил, приемов, способов и средств разработки, оформления, систематизации, толкования и применения наиболее совершенных по форме и содержанию нормативных правовых актов и других юридических документов и сводится главным образом к законодательной технике²⁶⁰.

А. Александров отмечает, что юридическая техника всегда составляла важную часть юриспруденции, осознающей себя самостоятельной отраслью знания и общественной деятельности. Юридическая техника – это техника коммуникации в юридической среде. В правовом универсуме сообщение происходит посредством знаковых систем – системы кодов, которые надстроены над естественным языком. Использование этих кодов, манипулирование, комбинаторика смыслами посредством их есть юридическая техника²⁶¹.

²⁵⁹ Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. – М., 2004. – С. 17.; Также см.: **Керимов, Д. А.** Кодификация и законодательная техника / Д. А. Керимов. – М., 1962. – С. 4–5.

²⁶⁰ **Денисов, Г. И.** Юридическая техника: теория и практика / Г. И. Денисов // Журнал российского права. – 2005. – № 8. – С. 23.

²⁶¹ **Александров, А.** Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права / А. Александров // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 2. – С. 34.

Г. И. Муромцев трактует законодательную технику как совокупность правил, средств и приемов разработки, оформления и систематизации нормативных актов²⁶².

К. Н. Дмитривцев указывает, что юридическая техника – это вся совокупность способов, средств выработки, обсуждения, принятия и опубликования нормативно-правовых актов²⁶³.

Ю. А. Тихомиров определяет законодательную технику как систему правил, предназначенных и используемых для познавательно-логического и нормативно-структурного формирования правового материала и подготовки текста закона²⁶⁴.

На наш взгляд, более обоснованной является точка зрения Д. В. Ходукина, который отметил, что «под законодательной техникой следует понимать совокупность приемов, способов (правил), определяющих, каким образом строить стиль и язык законодательных текстов и структуру законодательного акта при правовом регулировании общественных отношений»²⁶⁵.

По нашему мнению, вопросы организации правотворческого процесса, процедура и порядок принятия тех или иных правовых актов не являются элементами юридической техники. В связи со сказанным следует согласиться с Д. А. Ковачевым, который пи-

²⁶² **Муромцев, Г. И.** Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия / Г. И. Муромцев // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 24.

²⁶³ **Дмитривцев, К. Н.** Процесс правотворчества в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / К. Н. Дмитривцев. – Н. Новгород, 1994. – С. 23.

²⁶⁴ **Тихомиров, Ю. А.** О правилах законодательной техники / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 1999. – № 11. – С. 16.

²⁶⁵ См.: **Ходукин, Д. В.** Указ. соч. – С. 72.

шет, что процедурные вопросы не являются правилами законодательной техники²⁶⁶.

Бесспорным является тот факт, что юридическая техника заключается в технико-юридических приемах и средствах выражения нормативного материала.

Г. И. Денисов выделил следующие приемы (правила) юридической техники:

1) наиболее полное, адекватное выражение воли законодателя;

2) рациональную организацию и логическую последовательность изложения нормативных предписаний, помещаемых в нормативном правовом акте;

3) отсутствие пробелов и противоречий в нормативных правовых актах и во всей системе законодательства;

4) краткость и компактность изложения правовых норм при достаточной глубине и всесторонности отражения их содержания;

5) ясность, простоту и доступность языка нормативных правовых актов, точность и определенность используемой терминологии;

6) сведение к минимуму количества нормативных правовых актов по одному и тому же вопросу в интересах лучшей обзорности нормативного материала, облегчения пользования им;

7) своевременное обнародование и вступление в силу законов и других правовых актов в соответствии с установленным порядком²⁶⁷.

²⁶⁶ **Ковачев, Д. А.** О понятии законодательной техники / Д. А. Ковачев // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1969. – С. 37.

²⁶⁷ **Денисов, Г. И.** Указ. соч. – С. 24.

Соглашаясь принципиально с указанным выше, отметим, что в контексте изучения технических приемов и средств определения правил квалификации преступлений данные правила обретают определенную специфику.

Во-первых, юридическая техника в уголовном законодательстве характеризуется строгой регламентацией и детальной структуризацией предписаний.

Во-вторых, налицо многообразие источников правил квалификации преступлений и необходимость адресации их широкому кругу лиц с учетом применения специальных и узкоправовых терминов и конструкций.

В связи с изложенным предлагаем следующие правила техники изложения правил квалификации преступлений.

1. Краткость и компактность изложения правил квалификации преступлений. Следует согласиться с Д. В. Ходукиным, который отмечает, что «не следует излагать содержание предписания длинными фразами, между которыми нередко разрывается логическая связь. Многословие, лишние слова, повторения засоряют правовой акт, отвлекают от уяснения смысла»²⁶⁸. Представляется, что при формулировании правил квалификации преступлений следует по возможности избегать сложных речевых конструкций, причастных и деепричастных оборотов.

2. Ясность и точность предписаний о квалификации преступлений. Данное правило вытекает из указанного нами выше положения о том, что адресатами правил квалификации преступлений является неограниченный круг лиц. Обоснованной представляется точка зрения В. Ю. Картухина, который пишет, что использование юридических терминов в законодательных

²⁶⁸ Ходукин, Д. В. Указ. соч. – С. 74.

актах должно отвечать определенным требованиям, в том числе требованию ясности, «правовые нормы должны быть понятны всем, кому они адресованы. Содержание юридического термина должно быть понятно правоприменителю, термин не должен вызывать неоправданных усилий как для уяснения, так и для разъяснения его содержания. Каждый применяемый в праве термин в идеале должен иметь свое, и только свое, оригинальное и притом единственное значение»²⁶⁹. В то же время, на наш взгляд, уровень юридической техники изложения правил квалификации преступления не может быть сведен к примитивизму. Верно отмечает Т. В. Кленова, что «текст закона должен быть понятен адресату. Однако популяризация закона – не тот способ разрешения этой задачи, который бы отвечал интересам общественного развития. Институты и нормы уголовного права достаточно сложны, и язык уголовного закона не может быть примитивным. Возрастной ценз субъектов уголовных правоотношений предполагает возможность понимания содержания закона, даже когда он абстрактного типа и включает оценочные понятия»²⁷⁰.

Проведенный нами опрос сотрудников органов следствия и дознания показал, что лишь 24 % сотрудников имеют высшее юридическое образование и стаж работы более 5 лет. При этом более 70 % респондентов сталкивались с проблемами понимания смысла тех или иных уголовно-правовых положений. Другие 30 %, к сожалению, вообще не увидели такой проблемы.

²⁶⁹ **Картухин, В. Ю.** Отдельные аспекты использования юридической терминологии как средства законодательной техники в правотворчестве субъектов РФ / В. Ю. Картухин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. – № 8.

²⁷⁰ **Кленова, Т. В.** Указ. соч. – С. 222.

3. Системность и логическая последовательность правил квалификации преступлений. Особенность сущности правил квалификации преступлений влечет особые требования к порядку и системе их изложения в тексте систематизированного акта. Желательно, чтобы каждое правило квалификации преступления было разбито на отдельные пункты, части или статьи акта. В то же время считаем допустимой возможность объединения нескольких правил квалификации преступлений в одну структурную единицу акта. Во взаимосвязи правила квалификации преступлений должны обладать логической и текстуальной завершенностью.

4. Отсутствие пробелов и противоречий при изложении правил квалификации преступлений. «Пробельным является законодательство, в котором необходимые правовые нормы выражены, но не полно, а значит, не обеспечен механизм правового регулирования»²⁷¹.

5. Д. В. Ходукин в качестве приема изложения нормативного предписания определил и предписывающий тип изложения и безличный характер формулировок. «Суть предписывающего типа изложения – указать на определенные действия потенциальному пользователю права»²⁷². По нашему мнению, данное правило вполне применимо к правилам квалификации преступлений, суть которых должна состоять в императивном определении порядка выбора уголовно-правовой нормы и соотнесения этой нормы с актом поведения индивида. Безличный характер формулировок – это одна из особенностей техники изложения предписаний Общей части УК РФ. Поскольку нами предложено

²⁷¹ **Кленова, Т. В.** Указ. соч. – С. 217.

²⁷² **Ходукин, Д. В.** Указ. соч. – С. 78.

главу о правилах квалификации преступлений поместить в Общую часть УК РФ, безусловно, предписания о квалификации должны отвечать данному требованию.

Используя данные приемы юридической техники изложения нормативного материала, законодатель должен избрать способ изложения: абстрактный либо казуистический.

Казуистический способ предполагает такой способ изложения, когда содержание предписания раскрывается через указание индивидуальных признаков.

В современной правовой доктрине наблюдается неоднозначное отношение к казуистическому способу изложения нормативного материала. Отдельными авторами признается преимущество подобного способа²⁷³. Другими авторами использование подобного способа изложения объясняется низким уровнем правовой культуры и отсутствием юридического образования у лиц, определяющих технику изложения нормативного материала²⁷⁴.

Современный уголовный закон использует оба способа изложения правил квалификации преступлений, не только абстрактный, но и казуистический. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ, приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления,говор на совершение преступления либо иное умышленное

²⁷³ См., например: **Деготь, Б. А.** Классификация норм советского социалистического права по их структуре / Б. А. Деготь. – Саратов, 1977. – С. 39.

²⁷⁴ См., например: **Мейер, Д. И.** Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – М., 1997. – Ч. 1. – С. 49–51.

создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. В данном случае законодатель применил прием перечисления деяний, входящих в приготовление к преступлению.

Абстрактный способ изложения предписаний – это результат эволюции юридической техники, соответствующий высокому уровню юридической науки и правовой культуры.

К абстрактному способу, например, относится способ изложения предписания ч. 1 ст. 159 УК РФ, согласно которому мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Отметим, что деление способов изложения правил квалификации преступлений в уголовном законе является весьма условным, поскольку даже в казуистичных предписаниях законодатель использует абстрактные формулировки, ряд из которых являются оценочными.

Изложенные выше положения о технике и способах изложения правил квалификации преступлений относятся не только к правилам квалификации преступлений, изложенным в уголовном и уголовно-процессуальном законе. Указанным требованиям в целях соблюдения принципа единообразия должны отвечать и те правила квалификации преступлений, которые могут быть объединены в Свод правил квалификации преступлений.

Важным представляется вопрос о структурной организации правил квалификации преступлений. Те правила квалификации преступлений, которые подлежат включению в отдельную главу УК РФ, безусловно, должны подчиняться общей структуре УК РФ. Каждое правило должно быть изложено в отдельной части статьи, статьи должны быть сгруппированы по виду пре-

ступной деятельности, к которой они относятся. В то же время при оформлении законодательных правил квалификации преступлений в отдельные части и статьи необходимо руководствоваться принципом целесообразности, поскольку «неоправданно наличие в одной статье предписаний, которые не имеют прямой и непосредственной связи друг с другом»²⁷⁵.

Предлагаемый Свод правил квалификации преступлений структурно должен быть схож с уголовным законом.

Представляется верным деление свода правил квалификации преступлений на следующие главы:

- 1) понятие квалификации и правила квалификации преступлений;
- 2) задачи и этапы процесса квалификации преступлений;
- 3) правила формулирования и обоснования вывода о квалификации преступления;
- 4) понятие и критерии определения оценочных понятий;
- 5) правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии;
- 6) правила квалификации неоконченных преступлений;
- 7) правила квалификации множественности преступлений;
- 8) правила изменения квалификации преступлений.

Каждая предложенная глава должна состоять из статей, содержащих конкретное правило квалификации в соответствии с наименованием главы.

Представляется, что предложенный Свод правил квалификации преступлений позволит избавить УК РФ от множества примечаний. В то же время сам Свод правил квалификации преступлений не сможет обойтись без отсылок к правовым актам.

²⁷⁵ Ходукин Д. В. Указ. соч. – С. 88.

Данным приемом представляется возможным решить задачу межотраслевой связи, поскольку процесс квалификации преступления не может осуществляться без учета положений уголовного-процессуального закона, актов иных отраслей права.

Таким образом, технические средства и приемы определения правил квалификации преступлений имеют свои особенности. В то же время в целях обеспечения принципа единообразия законодательные и правоприменительные правила квалификации преступлений должны быть подчинены единым приемам, правилам и принципам законодательной техники.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные материалы

1. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (14 декабря 1973 г.).
2. Конституция Российской Федерации (официальное издание). – М., 1994.
3. О Верховном Суде Российской Федерации : проект Федерального Конституционного Закона // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Версия Проф. по состоянию на 01.08.2007.
4. О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 25.07.1994. – № 13. – Ст. 1447.
5. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 3.

6. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7.
7. О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» : Федеральный закон от 08.12.2003 № 161-ФЗ (ред. от 05.06.2007) // Российская газета. – 2003. – № 252 (16 декабря).
8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8. – С. 6.
9. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.
10. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7. – С. 3.
11. О судоустройстве РСФСР : Закон РСФСР 1981 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1981. – № 28. – Ст. 976.
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горковенко Алексея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 6, пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации :

- определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 № 932-0-0.
13. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 (ред. от 12.10.2015).
 14. Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2007 № 32-Дп07-65.
 15. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П // *Собрание законодательства РФ*. – 31.01.2000. – № 5. – Ст. 611.
 16. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П // *Собрание законодательства РФ*. – 28.05.2007. – № 22. – Ст. 2686.
 17. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также

пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26.05.2000 «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» : постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-п // Собрание законодательства РФ. – 07.04.2003. – № 14. – Ст. 1302.

18. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ // Собрание законодательства РФ. – 30.05.2005. – № 22. – Ст. 2194.
19. По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса РФ, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального Закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального РФ, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других : постановление Конституционного Суда РФ № 4-п // Собрание законодательства РФ. – 01.05.2006. – № 18. – Ст. 2058.
20. По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г.

- № 19-п // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1998. – № 5.
21. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
22. Уголовно-процессуальный кодекс РФ // Российская газета. – 2001. – № 249 (22 декабря) (с последующими изменениями).
23. Уголовный кодекс РФ // Российская газета. – 1996. – № 113 (18 июня), № 114 (19 июня), № 115 (20 июня), № 118 (25 июня) (с последующими изменениями).

Специальная литература

24. Александров, А. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права / А. Александров // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 2.
25. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М., 1981. – Т. 2. – С. 270.
26. Алексеев, С. С. Советское право как система: методологические принципы исследования / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1974. – № 7.
27. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М., 1975.
28. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – Изд. 2-е. – М., 1995.
29. Андреев, Б. Компьютерные программы квалификации преступлений / Б. Андреев, Г. Бушуев // Законность. – 1994. – № 3.

30. Андреев, И. В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защищена 2000 / Андреев Игорь Вячеславович. – Тюмень, 2000.
31. Бабий, Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений / Н. Бабий // Уголовное право. – 2006. – № 3.
32. Барак, А. Судейское усмотрение / А. Барак. – М., 1999.
33. Белкин, А. Р. Теория доказывания / А. Р. Белкин. – М., 1999.
34. Благов, Е. В. Основы применения уголовного права / Е. В. Благов. – Ярославль, 1992.
35. Боннер, А. Т. Применение закона и судейское усмотрение / А. Т. Боннер // Советское государство и право. – 1979. – № 7.
36. Босхолов, С. С. Основы уголовной политики / С. С. Босхолов. – М., 1999.
37. Брайнин, Я. М. Уголовный закон и его применение / Я. М. Брайнин. – М., 1996.
38. Бурчак, Ф. Г. Квалификация преступлений / Ф. Г. Бурчак. – М., 1985.
39. Верина, Г. В. Некоторые аспекты квалификации преступлений: проблемы теории и практики / Г. В. Верина // Известия высших учебных заведений // Правоведение. – 2000. – № 3.
40. Воеводин, Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве / Л. Д. Воеводин // Вестник МГУ. – 1997. – № 3. (Серия 11 : Право.)
41. Гальперин, И. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / И. Гальперин // Социалистическая законность. – 1987. – № 3.

42. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений (понятие, значение и правила) / Л. Д. Гаухман. – М., 1991.
43. Гаухман, Л. Д. Нужен новый УК / Л. Д. Гаухман // Законность. – 1998. – № 7.
44. Герцензон, А. А. Квалификация преступления / А. А. Герцензон. – М., 1947.
45. Гришанин, П. Ф. Пути укрепления законности в практике квалификации преступлений / П. Ф. Гришанин // Советское государство и право. – 1985. – № 1.
46. Давыдова, М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : защищена 12.10.2001 / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград, 2001.
47. Деготь, Б. А. Классификация норм советского социалистического права по их структуре / Б. А. Деготь. – Саратов, 1977.
48. Денисов, Г. И. Юридическая техника: теория и практика / Г. И. Денисов // Журнал российского права. – 2005. – № 8.
49. Дмитривцев, К. Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / К. Н. Дмитривцев. – Н. Новгород, 1994.
50. Иванов, А. А. Цель юридической ответственности, ее функции и принципы / А. А. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 6.
51. Кадников, Н. Г. Квалификация преступлений (теория и практика) : учеб. пособие / Н. Г. Кадников. – М., 1999.
52. Картухин, В. Ю. Отдельные аспекты использования юридической терминологии как средства законодательной техники в правотворчестве субъектов РФ // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. – № 8.

53. Керимов, Д. А. Кодификация и законодательная техника / Д. А. Керимов. – М., 1962.
54. Кленова, Т. В. О понятии и проблеме учета ошибок в квалификации преступлений / Т. В. Кленова // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сб. науч. ст. / под ред. А. А. Напреенко. – Вып. 2 – Самара, 2006.
55. Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т. В. Кленова. – Самара : Самарский университет, 2001.
56. Кленова, Т. В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т. В. Кленова. – М., 1986.
57. Кобзева, Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе / Е. В. Кобзева. – Саратов, 2004.
58. Ковачев, Д. А. О понятии законодательной техники / Д. А. Ковачев // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1969.
59. Кокошкин, Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Кокошкин. – М., 1912.
60. Корнеева, А. В. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие / А. В. Корнеева. – М., 2007.
61. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. – Юристъ, 1999.
62. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова. – М., 2007.
63. Куринов, Б. А. Научные основы квалификации преступлений / Б. А. Куринов. – М., 1984.
64. Лазарев, В. В. Некоторые спорные вопросы теории и практики конституционного правосудия / В. В. Лазарев // Вестник Конституционного Суда. – 1997. – № 3.

65. Лаптева, Е. Н. К вопросу о понятии и видах избыточной квалификации преступлений / Е. Н. Лаптева // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. – 1996.
66. Левицкий, Г. А. Квалификация преступления (общие вопросы) / Г. А. Левицкий // Правоведение. – 1962. – № 1.
67. Лейст, О. Э. К вопросу о структуре правовой нормы / О. Э. Лейст // Ученые записки ВЮОН. – Вып. 15. – М., 1962.
68. Лопашенко, Н. А. Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности / Н. А. Лопашенко // Уголовное право. – 2002. – № 2.
69. Лопашенко, Н. А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм / Н. А. Лопашенко. – Саратов, 1989.
70. Наумов, А. В. Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М. : Юридическая литература, 1978.
71. Недбайло, П. Е. Применение советских уголовно-правовых норм / П. Е. Недбайло. – М., 1960.
72. Мадьярова, А. В. Разъяснения Верховного Суда РФ в механизме уголовно-правового регулирования / А. В. Мадьярова. – СПб., 2002.
73. Малков, В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение / В. П. Малков. – Казань, 2006.
74. Малько, А. В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь / А. В. Малько. – М., 2010.
75. Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. – М., 2004.
76. Международное право в документах. – М., 1997.
77. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – М., 1997. – Ч. 1.

78. Мещеряков, В. Т. Соответствие как отношение и принцип / В. Т. Мещеряков. – М. : Наука, 1975.
79. Миньковский, Г. М. Уголовное право России / Г. М. Миньковский, А. А. Магомедов, В. П. Ревин. – М., 1998.
80. Миренский, Б. А. Вопросы квалификации преступлений органами внутренних дел / Б. А. Миренский. – Ташкент, 1980.
81. Мицкевич, А. В. Акты высших органов советского государства / А. В. Мицкевич // Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. – М., 1967.
82. Мубаракшин, Р. Г. Принципы квалификации преступлений / Р. Г. Мубаракшин // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Версия Проф. по состоянию на 25.07.2008.
83. Муромцев, Г. И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия / Г. И. Муромцев // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000.
84. Наумов, А. В. Применение уголовно-правовых норм / А. В. Наумов. – Волгоград, 1973.
85. Нерсисянц, В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право / В. С. Нерсисянц // Судебная практика как источник права. – М., 1977.
86. Никонов, В. А. Научные основы квалификации преступлений (спецкурс) / В. А. Никонов. – Тюмень, 1996.
87. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1993.
88. Осипов, А. В. Толкование права : курс лекций по теории права и государства / А. В. Осипов. – Саратов, 1995.
89. Основы государства и права : учеб. пособие / под общ. ред. С. А. Комарова. – М. : Русь-90, 2002.

90. Пиголкин, А. С. Законотворчество в РФ. – М., 2000. – С. 129.
91. Психология : словарь. – М., 1990.
92. Пыленко, И.П. Этапы квалификации преступления.: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : защищена 2000 / Пыленко Игорь Павлович. – Ростов н/Д, 2000.
93. Рарог, А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособие / А. И. Рарог. – М., 2006.
94. Рарог, А. И. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений / А. И. Рарог. – М., 2004.
95. Ривлин, А. Л. Понятие и содержание устанавливаемой в суде объективной истины в свете применения нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик / А. Л. Ривлин // Социалистическая законность, толкование и применение советских законов : материалы межвузовской научной конференции. – Киев, 1961.
96. Сабитов, Р. А. Квалификация уголовно-правовых деяний / Р. А. Сабитов. – Челябинск, 1998.
97. Савельева, В. С. Основы квалификации преступлений : учеб. пособие / В. С. Савельева. – М., 2006.
98. Севрюгин, В. Е. Современная административно-правовая доктрина проступка и отраслевой теории права / В. Е. Севрюгин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2002. – № 4.
99. Сигалов, К. Е. Кодификация и правовое время // История государства и права. – 2007. – № 23.
100. Советский энциклопедический словарь. М., 1989.
101. Соковых, Ю. Ю. Информационные основы квалификации преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 :

- защищена 12.09.1999 / Соковых Юрий Юрьевич. – М., 1999.
102. Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. – М., 1996.
103. Сырых, М. В. Теория государства и права : учебник для вузов / М. В. Сырых. – М. : Былина, 1998.
104. Тарарухин, С. А. Понятие и значение квалификации преступлений / С. А. Тарарухин. – Киев, 1990.
105. Тарханов, И. А. Правоприменительные ошибки при квалификации преступления и их содержание / И. А. Тарханов // Традиции криминалистических школ Казанского университета и современные тенденции противодействия преступности : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань, 2008.
106. Телятников, В. И. Убеждение судьи / В. И. Телятников. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
107. Теория государства и права (схемы и комментарии) : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Ромашова. – СПб. : Издательский дом «Сентябрь», 2000.
108. Теория государства и права : учеб. пособие / под ред. А. В. Мелехина. – М., 2007.
109. Теория государства и права : учеб. пособие / под ред. В. В. Диаконова. 2004.
110. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 2003.
111. Теория государства и права : учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2004.
112. Теория права и государства / под ред. Г. П. Манова. – М., 1996.

113. Тихомиров, Ю. А. О правилах законодательной техники / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 1999. – № 11.
114. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М., 1957.
115. Уголовное право Белорусской ССР. Часть Особенная. Минск, 1971.
116. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. Я. Казаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. – М., 1998.
117. Уголовное право России : в 2 т. – М., 1998. Т. 1 : Общая часть.
118. Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1989.
119. Ходукин, Д. В. Юридические предписания / Д. В. Ходукин. – Иркутск, 2006.
120. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права : хрестоматия / В. Н. Хропанюк ; под ред. Т. Н. Радько. – М., 2000.
121. Чернобель, Г. Т. Структура норм права и механизм действия (логические аспекты) / Г. Т. Чернобель // Правоведение. – 1983. – № 6.
122. Чухвичев, Д. В. Особенности законодательной техники при проведении кодификации / Д. В. Чухвичев // Право и политика. – 2005. – № 10.
123. Шишов, О. Ф. Теоретические проблемы квалификации преступлений / О. Ф. Шишов. – М. : ВЮЗШ МВД СССР, 1988.
124. Шумихин, В. Г. Нормативные правила квалификации преступлений / В. Г. Шумихин. – Пермь, 2004.
125. Шумихин, В. Г. Правила квалификации преступлений / В. Г. Шумихин. – М., 2003.

Научное издание

Идрисов Наиль Талгатович

**ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Монография

Редактор *О. В. Корбан*

Верстка *А. В. Андреевой*

Дизайн обложки *А. В. Андреевой*

Подписано в печать 30.11.2015.

Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура FreeSet, Georgia, *Good Times Pro*. Печать оперативная.

Усл. печ. л. 12,09. Тираж 100. Заказ 95.

ООО «Издательство АСГАРД»

Член Ассоциации книгоиздателей России

443023, г. Самара, ул. Промышленности, 278, корп. 47

Тел./факс (846) 246-97-01; e-mail: knigaasgard@yandex.ru

www.asgard-samara.ru